ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 46-й

№ 37 (4479)

11 сентября 1974 г. СРЕДА

ЗВЕЗДА ПОБЕДЫ

НОВОРОССИЙСК. Встреча Л. И. Брежнева

Телефото ТАСС

В ПРАЗДНИЧНЫЕ дни сентября Новороссийск как бы вобрал в себя ликующие краски победы и пышные краски осени: сочную зелень деревьев и синеву Цемесской бухты, красный цвет знамен и золото звезды города-героя. А тысячи и тысячи людей, вышедших на улицы города, чтобы встретить как желанного гостя Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, прибавили яркие краски букетов, которые в то утро были в руках у детей и взрослых.

Я видел Новороссийск тридцать один год назад, в день освобождения города от фашистских захватчиков. Пусто было тогда на улицах. Враг угнал из города всех его жителей. Не было и самих улиц — сплошное нагромождение развалин. Не было зелени, только пни торчали на месте садов и скверов. А в голубой Цемесской бухте отражались огни пожарищ, окрашивая ее воды в зловещий красноватый цвет.

С тех пор город родился заново. И от сентября к сентябрю, когда Новороссийск торжественно празднует свое освобождение и сюда, как на боевую поверку, съезжаются ветераны новороссийской битвы, он становится все более нарядным, благоустроенным, современным городом.

Рядом с аэродромом, там, где приземляются вертолеты, начинается «Малая земля». На узкой прибрежной полосе в феврале сорок третьего высадился десантный отряд армии, возглавляемый майором Цезарем Куниковым, сделав то, как сказал в своей речи на торжественном заседании в Новороссийске Л. И. Брежнев, что казалось невозможным, — захватил небольшой, но очень важный плацдарм. Теперь за этим святым клочком земли, ныне объявленным заповедником, поднимается массив жилых домов, новый, благоустроенный микрорайон — Куниковка.

А дальше дорога идет к центру Новороссийска, мимо памятников боевой славы, монументов и обелисков, мимо жилых корпусов, промышленных предприятий, школ, административных учреждений, вдоль цветущей парковой магистрали, — и все это тоже памятник славы, трудовой доблести и мирных завоеваний новороссийцев.

Военная биография Л. И. Брежнева навсегда связана с боевым подвигом города-героя Новороссийска. В разгар боев на «Малой земле» Леонид Ильич, бывший в то время начальником политотдела нашей 18-й армии, не раз прошел по опасной морской трассе от Геленджика до причалов «Малой земли», на переднем крае, в боевых порядках наших войск, беседовал с командирами и бойцами, вдохновляя их на ратные подвиги. В совхозе «Малая земля» отмечено мемориальной доской помещение бывшего штаба 83-й бригады морской пехоты — длинный подвал, в конце которого находится темная маленькая каморка. Там стоит грубо сколоченный стол и на нем — почерневшая от нагара коптилка, как было три десятилетия назад, когда здесь, на переднем крае, Л. И. Брежнев вручал кандидатские карточки и партийные билеты воинам, отличившимся в боях.

О размахе и ожесточенности происходивших боев напоминает вот этот удивительный памятник, воздвигнутый на территории совхоза. Он сложен из осколков снарядов, мин и авиационных бомб. 1250 килограммов металла использовано на постройку этого памятника 1250 килограммов! Ровно столько, сколько обрушил враг на каждого малоземельца. Горели камни и земля, плавилась сталь. Люди выстояли...

В ЭТИ ДНИ граждане Новороссийска видели Леонида Ильича у белоснежной стелы на месте высадки куниковцев, в городском музее, в аллее Героев, где состоялась торжественная церемония возложения венков, на девятом километре Сухумского шоссе — там, в штольне, находился КП 18-й армии, — у вагона-памятника перед цементным заводом «Пролетарий» — здесь наши воины остановили врага. И тогдашний начальник штаба 1339-го стрелкового полка 318-й дивизии майор Д. С. Ковешников, а ныне генерал-лейтенант, Герой Советского Союза, как и во время войны, встретил Л. И. Брежнева у сожженного, пробитого пулями и осколками снарядов вагона.

И повсюду в эти дни, так же как и у вагона-памятника, происходили волнующие встречи, завязывались оживленные беседы Генерального секретаря ЦК КПСС с трудящимися города, с ветеранами боев.

А кульминацией праздника стало торжественное заседание на городском стадионе «Труд», где Л. И. Брежнев вручал городу-герою орден Ленина и медаль «Золотая Звезда». Я слышал, с каким волнением говорил товарищ Брежнев о ратных подвигах советских людей в годы войны и с каким волнением слушал его многотысячный стадион. А за зеленой чашей стадиона, за белой подковой трибун открывалась неповторимая панорама города — гряда гор с грозной некогда Сахарной головой, на склонах которой велись кровопролитные бои. Поблескивала вода Цемесской бухты, поднимались трубы заводов, тех, что возродились из пепла, и тех, которые строились в годы послевоенных пятилеток. Город был тут, рядом, мы видели его краски, ощущали его дыхание, его сопричастность происходящему. И может быть, еще и поэтому с такой силой отозвались в сердцах участников митинга слова Л. И. Брежнева, когда, процитировав прекрасные строки Маяковского: «...землю, с которою вместе мерз, вовек разлюбить нельзя», он сказал: «Так и я не смогу разлюбить новороссийскую землю...»

Накануне отъезда из Новороссийска я побывал на танкере «Джордано Бруно», гигантском современном судне, которые представляют нашу Родину, город-герой Новороссийск во многих портах мира. Неподалеку от танкера я встретил Героя Советского Союза А. В. Райкунова, из когорты тех, о ком товарищ Брежнев сказал в своей речи, что боевые задачи, которые стояли во время боев за Новороссийск, могли осуществить «только поистине бесстрашные люди». Во главе роты автоматчиков, в день решающего штурма Новороссийска Райкунов одним из первых дерзко вломился в порт с моря, и теперь, три десятилетия спустя, метр за метром он обходил район Лесной пристани, откуда повел своих автоматчиков через минные поля на штурм железнодорожного вокзала. А шли в десант на маленьких морских охотниках, сторожевых судах и мотоботах. Рядом с махиной «Джордано Бруно» крохотный морской охотник, наверное, и не заметишь. Но моряки, которые плыли на этих судах, но пехотинцы, которые ворвались в город со стороны цементных заводов и с «Малой земли», с честью выполнили свой долг перед Родиной, чтобы грузились и разгружались в Новороссийском порту гигантские танкеры и дымились трубы цементных заводов, чтобы виноградари выращивали лучшие сорта винограда на плантациях совхоза «Малая земля» и радовали своими успехами в труде новороссийские машиностроители, судоремонтники, портовики, домостроители.

ХОРОШИМ примером того, как преобразилось лицо нашей страны за минувшие годы, Л. И. Брежнев назвал возрожденный Новороссийск. И сегодня жители города-героя неустанно трудятся во славу нашей Родины, добиваясь новых успехов в осуществлении исторических решений XXIV съезда КПСС!

Б. ГАЛАНОВ,
спец. корр. «ЛГ».

ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Участники пленуме правления Союза писателей СССР, посвященного сорокалетию Первого всесоюзного съезда советских писателей, шлют горячий привет ленинскому Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза.

Четыре десятилетия назад писатели Страны Советов собрались на свой Первый съезд, чтобы обсудить магистральные вопросы развития литературы, еще теснее сплотить свои ряды вокруг партии для активного участия в общенародной борьбе за социализм.

Сегодня мы с гордостью заявляем, что Союз писателей последовательно осуществляет предначертания партии, направляявшей всю работу съезда, заветы великого пролетарского писателя, основателя литературы социалистического реализма Алексея Максимовича Горького. Объединив литераторов разных поколений, национальностей, творческих индивидуальностей, Союз писателей деятельно способствовал плодотворному развитию многонациональной советской литературы, строительству социалистической культуры.

Четыре десятилетия, прошедшие со времени Первого съезда, были насыщены свершениями небывалого исторического масштаба. Литература, рожденная Октябрем, закаленная в огне революции и гражданской войны, создала широчайшую художественную панораму жизни и борьбы советского народа. Его героические подвиги на стройках первых пятилеток и на полях сражений Великой Отечественной войны, его мирная созидательная деятельность определили темы наших произведений, служат могучим, неиссякаемым источником творческого вдохновения.

Советские писатели повседневно ощущают вдохновляющее внимание и отеческую заботу, которые уделяют Коммунистическая партия, Центральный Комитет, его Политбюро во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Ильичом Брежневым вопросам развития литературы и искусства. Ответом на это большое доверие должно быть создание ярких, высокохудожественных произведений. Мы будем еще энергичнее бороться за высокое идейно-художественное качество литературы, стремиться к тому, чтобы наше творчество помогало формированию коммунистического сознания в людях, пробуждало инициативу и энергию трудящихся. Мы будем и впредь неустанно добиваться того, чтобы советская литература, искусство социалистического реализма становились ведущей силой мирового художественного развития.

Четыре десятилетия назад художники слова заверили Коммунистическую партию, что неразрывная связь с жизнью народа является основой деятельности писательского союза, главным источником вдохновения для каждого, кто посвятил свой талант служению новому обществу. Сегодня мы вновь подтверждаем: творчество советского писателя органически включено в созидательную деятельность народа, неразрывно связано с его делами и помыслами.

Союз писателей был и остается организацией глубоко интернациональной. Новая историческая общность людей — советский народ, сформировавшаяся за годы социалистического строительства, определила особый, качественно новый этап во взаимовлиянии и взаимообогащении национальных литератур. Пленум заверяет, что советские писатели и впредь будут верными проводниками ленинской национальной политики, осуществляемой Коммунистической партией Советского Союза, что забота о дальнейшем развитии и расцвете единой социалистической культуры будет занимать важнейшее место в нашей деятельности.

Союз писателей на своем Первом съезде заявил о себе как о коллективе единомышленников, отстаивающих революционные гуманистические идеалы, разоблачающих реакционную сущность буржуазной идеологии и искусства. Сегодня, когда благодаря активной политике нашей партии и Советского правительства на международной арене происходят глубокие позитивные перемены, мы полны решимости оружием художественного слова, всем авторитетом советского писателя бороться за неуклонное претворение в жизнь Программы мира, выдвинутой XXIV съездом КПСС, за то, чтобы сделать процесс разрядки напряженности необратимым.

Советские писатели полны решимости и дальше укреплять дружбу, расширять и углублять идейно-творческие связи с писателями социалистического содружества, развивать контакты с прогрессивными художниками всех стран, последовательно и бескомпромиссно бороться со всеми проявлениями буржуазной идеологии.

Мы заверяем родную Коммунистическую партию, что считаем своей почетной обязанностью активное участие в коммунистическом строительстве, в формировании духовного облика нового человека. От имени всей писательской организации нашей многонациональной страны пленум заверяет ленинский Центральный Комитет КПСС, что мы будем умножать успехи советской литературы во имя осуществления планов и предначертаний Коммунистической партии, во имя торжества идеалов коммунизма.

ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

БОЛГАРИЯ: 30 лет свободы

3 сентября в Кремлевском Дворце съездов в Москве торжественно открылись Дни болгарской культуры, посвященные 30-летию социалистической революции в Болгарии. Собравшиеся сердечно приветствовали делегацию болгарских деятелей искусства и культуры во главе с членом Политбюро ЦК БКП, секретарем ЦК БКП Александром Лиловым, посла НРБ в СССР Димитра Жулева.

На торжественном открытии присутствовали товарищи П. Н. Демичев, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, заведующий Отделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро, другие официальные лица.

Председатель оргкомитета, заместитель министра культуры СССР В. И. Попов поздравил болгарских друзей с открытием Дней культуры. О достижениях братского народа, строящего новое, социалистическое общество, о всестороннем болгаро-советском сотрудничестве рассказал председатель Комитета по искусству и культуре НРБ Павел Матев.

В Днях культуры принимают участие известные творческие коллективы, писатели, мастера театра, изобразительного искусства, кино, эстрады Народной Республики Болгарии. Концерты, показ драматических спектаклей, экспозиции работ современных художников, выставка книг болгарских авторов, открывшаяся во Всесоюзной государственной библиотеке иностранной литературы, — вот сухой и неполный перечень мероприятий, которые с большим успехом проходят в эти дни во многих городах Советской страны. Но разве можно ограничить эту праздничную манифестацию каким-то календарным сроком! Отношения между СССР и НРБ выражают истерически сложившуюся, братскую дружбу советского и болгарского народов. Наша дружба—пример интернационализма в действии. Иллюстрацией крепких уз, связывающих нации культуры, являются и взаимоотношения советской и болгарской литератур. Об этом ярко пишет болгарский поэт Орлин Орлинов в стихотворении «Ода СССР»:

Тебя — моя ода,
Тебе — моя песня,
Тебя
Ныне и на веки веков...

Писатели двух стран своим творчеством вносят вклад в укрепление дружбы болгарского и советского народов.

На Дни культуры в СССР прибыла делегация болгарских мастеров слова. В нее входят Камен Калчев (руководитель делегации), Ангел Тодоров, Липпа Стефанова, Драгомир Асенов, Ефрем Каранфилов, Иван Цветков, Добри Жотев. В нашей стране находились Павел Матев и Любомир Левчев, которые также входили в состав делегации болгарских деятелей искусства и культуры.

Праздничная демонстрация в Софии на площади 9 сентября

Телефото ТАСС

НЕПРЕРЫВНЫЙ РАСЦВЕТ

РАДОСТНО, всенародными торжествами отметила братская Болгария 30-летие победы социалистической революции.

Я видел, как похорошела предпраздничная София, принаряжаясь к великому дню — 9 сентября. Помолодели старые, выкрашенные в солнечную, желтую краску здания. Вечерами на площади Свободы репетировал сводный военный оркестр. Исполняемый марш звучал бодро, с каким-то весенним задором. Он словно аккомпанировал лозунгу, который встречался мне повсюду: «30 лет — непрерывный расцвет».

В этих словах — большая правда истории. За эти годы отсталая, «табачная» провинция Европы превратилась в одну из передовых стран. Ярким символом социалистической Болгарии стала первая на Балканах атомная электростанция, сооружаемая с помощью советских специалистов близ придунайского городка Козлодуй. Первый блок введен в действие перед праздником.

Изменился пейзаж страны, а прошлом отсталой, аграрной: сегодня повсюду высятся новые заводские трубы, сверкают белизной новостройки, многие деревни превратились в поселки городского типа. И совсем сказочное впечатление производит некогда пустынное Черноморское побережье — на многие километры протянулись там великолепные отели, санатории, парки, созданные любовно, с выдумкой и тонким художественным вкусом.

● ОКОНЧАНИЕ НА 13-Я СТР.

ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ВМЕСТЕ С ПАРТИЕЙ, ВМЕСТЕ С НАРОДОМ!

В ТЕЧЕНИЕ двух дней — 3 и 4 сентября в Москве, в Колонном зале Дома союзов работал пленум правления Союза писателей СССР, посвященный 40-летию Первого всесоюзного съезда советских писателей. Шел большой разговор о том, что за минувшие четыре десятилетия сделала советская литература, какие огромные духовные ценности она создала, как беззаветно служила и служит делу ленинской партии и советского народа. Глубоко, всесторонне, с полным пониманием высокой общественной миссии литературы участники пленума обсуждали существенные задачи ее дальнейшего развития. Представители всех братских литератур поставили на обсуждение много важных проблем, которые, можно не сомневаться, привлекут внимание всей литературной общественности.

Пленум получил многочисленные приветствия с пожеланиями советской литературе новых творческих успехов. Приветствия прислали Министерство просвещения СССР, Государственный комитет Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Государственный комитет Совета Министров СССР по кинематографии, Всесоюзное агентство по авторским правам, другие государственные и общественные организации, предприятия, колхозы, учебные заведения страны.

На заключительном заседании Б. Полевой зачитал приветственное письмо Центральному Комитету КПСС. От имени всех советских литераторов участники пленума заверили ленинский Центральный Комитет КПСС, что они будут неустанно умножать успехи советской литературы во имя осуществления планов и предначертаний партии, во имя торжества коммунизма.

Все встают. Под сводами Колонного зала гремит бурная овация. Приветственное письмо Центральному Комитету КПСС принимается единодушно.

* * *

5 сентября в Кремлевском Дворце съездов правление Союза писателей СССР устроило прием в честь 40-летия Первого всесоюзного съезда советских писателей. На приеме присутствовали участники Первого съезда, руководители творческих союзов, известные советские и зарубежные писатели, деятели культуры многих стран.

На приеме выступили первый секретарь правления Союза писателей СССР Г. Марков, участник Первого съезда Антал Гидаш (Венгрия), Пааво Рингала (Финляндия), Фаиз Ахмад Фаиз (Пакистан), Алекс Ла Гума (Южная Африка), Ярослав Ивашкевич (Польша).

— Я очень рад поблагодарить всех вас, советских писателей, за вашу прекрасную литературу, — сказал председатель Главного правления Союза писателей Польши Ярослав Ивашкевич. — Я глубоко тронут тем, что смог участвовать в вашем пленуме, смог снова встретиться с моими советскими друзьями и обменяться мнениями о замечательной советской литературе, пожелать вам новых великих достижений.

Да здравствуют нерушимая дружба социалистических стран и всеобщее стремление к прочному миру!

Прием прошел в теплой, товарищеской обстановке.

стр. 2–3

ВМЕСТЕ С ПАРТИЕЙ, ВМЕСТЕ С НАРОДОМ!

ЭТАПЫ БОЛЬШОГО ПУТИ

ВСЮ РАБОТУ пленума — вступительное слово Георгия Маркова, доклад Николая Тихонова, каждое выступление — объединяла мысль о том, что многонациональная советская литература, верная принципам партийности и народности, стала огромной силой в благородном деле воспитания нового человека — строителя коммунизма. С трибуны пленума вновь, как и сорок лет назад, прозвучали горьковские слова: «Вперёд и выше — это путь для всех нас, товарищи, это путь, единственно достойный людей нашей страны, нашей эпохи... Мы вовлечены в огромное дело, дело мирового значения, и должны быть лично достойны принять участие в нем... Нам нельзя ни на минуту забывать, что в нас думает, слушая нас, весь мир трудового народа, что мы работаем пред читателем и зрителем, каких еще не было за всю историю человечества».

Слова эти стали как бы девизом для каждого выступавшего. Шла ли речь о сегодняшнем развитии литературы или о ее героическом прошлом, о многообразии ее форм и стилей или [illegible]

[illegible]

Петрусь Бровка, — разными и по возрасту, и по литературному багажу, и по жизненному опыту, но уже активно вторгнувшимися в жизнь и своим творчеством помогающими народу, Коммунистической партии строить социализм. Среди нас были активные участники революции 1905 года и Великого Октября и молодые, пришедшие в литературу уже после революции. Среди нас были герои гражданской войны и те, кто в первые годы Советской власти работал в ревкомах, сельсоветах, избачами, учителями, да и непосредственно на полях и предприятиях.

Алексей Сурков вспомнил следующие слова из приветствия делегатов Первого съезда Центральному Комитету Коммунистической партии: «Мы знаем свое место в бою, мы — ин[illegible]

И, разумеется, совсем не случайно напомнил Алексей Сурков всем участникам [illegible]

[illegible]

ЧУВСТВО СЕМЬИ ЕДИНОЙ

ПЕРВЫЙ съезд советских писателей был «блестящим смотром советской литературы», доказал всему миру, на какие чудеса за короткие семнадцать лет способна новая культура, рожденная революцией. Достаточно представить себе тех, кто поднимался на трибуну съезда, — Л. Леонов, Я. Колас, С. Айни, М. Бажан, Е. Чаренц... Все они в той или иной мере «взращены революцией, они — ее великолепное цветение, ярков, красочное».

— Еще с первых лет Советской власти начались полезные взаимосвязи писателей братских республик, — вспоминает делегат Первого съезда, народный поэт Белоруссии Петрусь Бровка. — Начавшиеся с единичных обменных поездок, они все возрастали. Так, первой оказавшей помощь белорусской советской литературе была великая русская литература. И именно Максим Горький первым открыл дорогу белорусскому художественному слову... Я мог бы назвать многие славные имена и москвичей, и ленинградцев. Хотелось бы отметить выдающуюся роль в развитии нашей поэзии ближайших наших соседей — смоленцев Михаила Исаковского и Александра Твардовского...

[illegible]

туры России энергично шагнули к произведениям крупных форм. Они стремительно, как бы минуя детство, шагнули в эпоху молодости, даже зрелости.

Чтобы дать возможность наглядно представить подлинные масштабы и темпы движения новой художественной культуры киргизского народа к идейной и эстетической зрелости, первый секретарь правления СП Киргизии **Тендик Аскаров** сопоставил следующие факты: письменная киргизская литература родилась в 1924 году, всего полвека назад, а уже сегодня творчество Чингиза Айтматова «засияло звездой первой величины на небосклоне всей нашей многонациональной литературы». В связи с этим Т. Аскаров говорил «об особой миссии русской литературы, русской культуры в духовном возрождении киргизского народа, в становлении и расцвете профессиональной литературы».

Или другой пример...

— Как известно, узбекская литература, возраст которой исчисляется тысячелетием, до революции не знала жанра романа в современном понимании этого термина. Сегодня благодаря благотворному влиянию других национальных литератур народов нашей страны, и прежде всего рус[illegible]

[illegible]

ных явлений, которые мешали нашему движению вперед. И писатели активно откликнулись на этот призыв, создавая произведения, направленные против всего дурного, что встречается в жизни, утверждающие высокие нравственные идеалы советского человека.

Мужают наши литературы, и вместе с тем меняются их потребности, совершенствуются организационные формы единения. В этом смысле интересны размышления известного советского поэта **Мустая Карима**:

— Первый съезд писателей Советской страны создал свой единый союз — построил свой единый дом, раздул свой единый очаг. Создав все это, он сотворил атмосферу горьковской заботы о каждой национальной литературе — большой и совсем маленькой — о каждом писателе, старом и совсем молодом.

Я, литератор, более тридцати пяти лет состоящий в рядах членов Союза писателей СССР, представляю башкирскую литературу. Мы никогда не были обойдены вниманием. Когда было необходимо, нас за руку водили, советом поддерживали, словом одобряли. Это было очень важно в пору становления и обретения самостоятельности. От литераторов стар[шего поколения иногда при]ходится слышать, что в прошлые времена Союз писателей СССР постоянно опекал нас, больше занимался делами национальных, особенно младописьменных, литератур, а сейчас иначе. Я не разделяю такой точки зрения. Другое дело, что формы помощи во многом изменились.

По-разному складывались исторические судьбы литератур советских народов, и потому воздействие на них идей Первого съезда писателей не было однозначным. Так, писателям буржуазных Литвы, Латвии, Эстонии эти идеи оказали в свое время немалую поддержку в борьбе против эксплуататоров; художники Прибалтики видели тогда в этом съезде прежде всего вселяющую надежды манифестацию сил, обещание поддержки, руку, протянутую им в борьбе против коричневого смерча, охватившего капиталистическую Европу. Как сказал Ян Кросс, секретарь правления СП Эстонии, это воздействие в сочетании с другими факторами было столь серьезным, что позднее именно писатели сыграли большую роль в том политическом процессе, в результате которого в 1940 году буржуазная Эстония стала Советской республикой...

В составе демократического переходного правительства и в составе первого Совета Народных Комиссаров оказываются десять известных в литературе лиц, в том числе и некоторые из самых известных в то время. Премьер-министром переходного правительства, а позднее — Председателем Президиума Верховного Совета Эстонской Советской Социалистической Республики был Йоханнес Варес Барбарус, выдающийся поэт 30-х годов. Министром просвещения в этом правительстве был Йоханнес Семпер — уже тогда одна из центральных фигур эстонской литературной жизни...

— Сегодня, когда прибалтийские литературы в целом и в частности литовская литература как составная часть всей совет[ской литературы достигла немалых успехов, — заявил председатель правления СП Литвы **Альфонсас Беляускас**, — мы можем сказать, не колеблясь, что именно вывело ее на столь широкий, столь светлый и столь исторически закономерный путь дальнейшего развития. То было мудрое решение трудящихся Литвы вступить в общую семью советских народов, их желание увидеть расцвет всех творческих потенциалов, которые веками таились в нашем народе. Это разумное желание основного большинства литовских писателей творчески использовать тот общий разносторонний культурно-литературный опыт советских народов, опыт той литературы, чьи идейно-художественные и структурные вехи наметил Первый съезд советских писателей.

День ото дня усложняются художественные задачи, стоящие перед нашей многонациональной литературой. На их осмысление и сосредоточил свое внимание секретарь правления СП Азербайджана **Имран Касумов**:

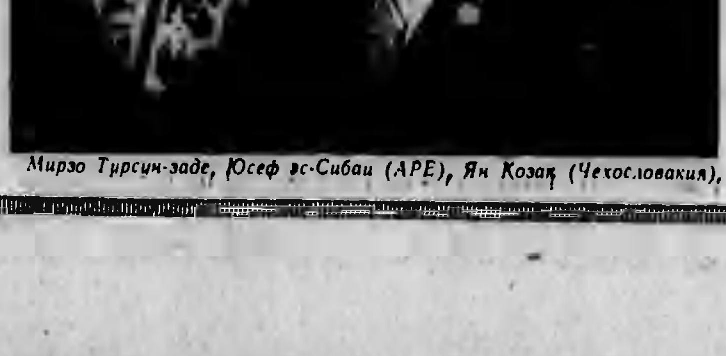
— Созданное усилиями партии коммунистов чудо современности — новая историческая общность — советский народ означает [illegible]

[illegible]

В ПЕРЕРЫВЕ МЕЖДУ ЗАСЕДАНИЯМИ

Ярослав Ивашкевич (Польша) и Алексей Сурков.

Мирзо Турсун-заде, Юсеф ас-Сибаи (АРЕ), Ян Козак (Чехословакия).

Альфонсас Беляускас, Григол Абашидзе и Мустай Карим.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении литературного критика Кедриной З. С. орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с семидесятилетием со дня рождения наградить литературного критика Кедрину Зою Сергеевну орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль. 30 августа 1974 г.

ПО ЗАВЕТАМ ГОРЬКОГО

В ОБРАЩЕНИИ к Центральному Комитету КПСС делегаты Пятого съезда писателей СССР заявили:

«Мы горды тем, что именно на нашу долю выпало счастье быть глашатаями социалистической нови, знаменосцами гуманизма и общественного прогресса, создавать художественную летопись развития советского общества... Жизнь требует от нас смелых поисков, новых художественных достижений, достойных нашей эпохи».

Выполнить эту высокую миссию под силу только писателям, вооруженным методом социалистического реализма, которых объединяют верность коммунистическим идеалам, глубокая партийность и народность.

— Идейная сплоченность советских писателей вокруг Коммунистической партии, бурный расцвет талантов и атмосфере, созданной XXIV съездом КПСС, — факт несомненный, мобилизующий, — отметил выступивший на пленуме правления СП СССР **Виталий Озеров.** — Тем важнее сосредоточить сейчас внимание на борьбе за высокий идейно-художественный уровень литературы. На эту задачу указал XXIV съезд нашей партии. Этим требованием проникнуто постановление ЦК КПСС «О литературно-художественной критике», являющееся долговременной программой всей нашей деятельности. Коренные вопросы эстетического развития здесь ставятся «крупным планом» и с полным учетом своеобразия литературного дела.

Далее оратор говорит о том, как в писательских организациях и на страницах литературных журналов практически осуществляются требования этого важнейшего партийного документа.

— Однако любые дискуссии или конференции нужны не для «самовыражения» ценителей искусства, а для воздействия на него, — отмечает В. Озеров. — Советская литература имеет большие достижения, нужна и дорога народу. Но читатели хотят видеть в новых книгах о современности крупные характеры, раздумья и накал чувств, который есть в жизни, однако затухает порой в литературных произведениях. Следовательно, нужно всерьез думать об эмоциональном заряде наших книг. Слишком бегло, отписочно говорим мы о мастерстве. Между тем выходит не так уж мало сочинений не только сероватых, но просто-напросто неинтересных — без напряженного развития сюжета, без полнокровных образов. Вполне ли мы сознаем, что писать тускло, неувлекательно — значит снижать коэффициент полезного действия литературы?

Сорок лет назад в этом зале Первый всесоюзный съезд советских писателей слушал доклад Алексея Максимовича Горького. Среди многих содокладов и выступлений главной его «содокладчицей», как образно выразилась делегат Первого съезда Анна Караваева, была трудовая Москва. Об этом вспомнил в своем выступлении на пленуме Сергей Наровчатов.

— Трудовая Москва, — сказал он, — как и тогда, является «главной содокладчицей» на нашем пленуме. Ее голос все время слышен в Колонном зале. Он доносится с «Серпа и молота», с ЗИЛа, «Трехгорки», «Красного пролетария» — твердынь рабочей столицы. Он поднимается к этим сводам из шахт метрополитена, с лесов московских новостроек. Он идет к нам из научных лабораторий, студенческих аудиторий, с шумных улиц и тихих переулков. Голос трудовой Москвы, дружелюбный, внимательный и требовательный, — это голос нашего великого читателя. Московские писатели прошли и проходят школу коммунистического воспитания у героического рабочего класса Москвы, они брали и берут у него предметные уроки патриотизма, интернационализма, партийности.

С. Наровчатов рассказал пленуму об укреплении творческого содружества московских писателей с коллективами крупнейших московских предприятий, с которыми у них заключен договор. Мы рассматриваем наше творческое содружество с рабочими коллективами, сказал оратор, как форму взаимного духовного обогащения, как одно из реальных достижений благотворного влияния рабочего класса на деятельность творческой интеллигенции, на жизнь нашего общества. Мы помним слова Горького о том, что «социалистическая индивидуальность может развиваться только в условиях коллективного труда...»

Разговор о теме труда в литературе, о крепнущем содружестве писателей с коллективами предприятий продолжил **Георгий Холопов:**

— Ленинградские литераторы, работающие в самых разных жанрах, стремятся продолжить ту линию активного писательского вторжения в жизнь, какая была определена Первым писательским съездом.

Далее Г. Холопов рассказал о крепнущей связи ленинградских литераторов с производственными коллективами. Вот уже несколько лет осуществляется договор о творческом содружестве с Невским машиностроительным заводом имени В. И. Ленина. Недавно журнал «Нева» установил писательский пост на Балтийском судостроительном заводе. У ленинградских литераторов давний и глубокий интерес к людям запо-лярного Севера. Северной тематикой вплотную начинают заниматься «толстые» ежемесячники. Со своей стороны, комбинат «Апатит» и трест «Апатитстрой» установили четыре ежегодные премии для писателей Ленинграда.

Дальнейшее укрепление связи писателей с жизнью народа — предмет постоянных забот Союза писателей СССР и писательских организаций республик. Этой цели служат многие начинания, и в частности поездки писателей на крупнейшие стройки, в важнейшие экономические районы страны.

— К так называемым «писательским десантам», за последнее время получившим широкое распространение, некоторые товарищи относились более чем сомнительно, — сказал Роберт Рождественский. — Относились так до тех пор, пока сами не приняли участия в таких «десантах». Число встреч перевалило за тысячу, число встречавших — за миллион. И, конечно же, никто не воспринимает такие поездки, как некий «скоростной» способ изучения жизни. Однако «писательские десанты» дают многое. Прежде всего, они дают представление о масштабности страны. Масштабности в географическом и эмоциональном смысле. Масштабности в смысле планов и в смысле реальных свершений. Я убежден, что, побывав на нефтяном Самотлоре или в Кулунде, на уборке хлебов, увидев все это, писатель как-то по-другому оценит и выверит свой труд. Ибо масштаб огромного дела Родины соизмерим только с творчеством самого высокого накала, самой высшей пробы. — Р. Рождественский говорит о незабываемых встречах с читателями далеких уголков страны. — Союз писателей — это единое «мы», объединяющее почти восемь тысяч самых разных «я», и очень здорово, что у «я» есть свой читатель, свой «болельщик». Кстати говоря, я не знаю, лучшие ли в мире писатели живут на нашей земле, но уж то, что в Советском Союзе живут лучшие в мире читатели, — это абсолютно точно! Спасибо им за то, что они — лучшие! Мы в долгу перед ними. Во всегдашнем долгу.

Публицистика — самый массовый, самый оперативный жанр художественной литературы. Тиражи наших журналов огромны. Но сегодня публицистика не только печатное слово. Это и живое слово писателя, звучащее с кино- и телеэкранов, по радио.

— Когда думаешь о том, как смотрели на литературу Горький и Маяковский, не представляешь себе, чтобы эти люди не подтолкнули нас на самое полное использование таких массовых средств разговоров с людьми на любые животрепещущие и волнующие человека темы, как разговор с экрана телевидения, с экрана кино, — сказал **Константин Симонов,** посвятивший свое выступление проблемам документальной литературы, боевой публицистики и очерка, посредством которых писатели призваны создать яркую летопись великих свершений советского народа. К. Симонов говорил о том, что надо по-настоящему приложить руку к многим историческим документам, успеть, пока живы еще многие герои Великой Отечественной войны, запечатлеть их подвиги.

— Мы получили письмо, подписанное строителями БАМ, — говорит далее оратор. — Они напоминают заветы Максима Горького и просят, чтобы мы помогли им создать летопись этой стройки. Они обращаются к нам: «помогите пером». Но мы можем помочь не только пером. Мы должны принять участие в создании телевизионных документальных фильмов. Байкало-Амурская магистраль — подлинно великая стройка. Велико ее политическое, государственное и нравственное значение. И мы должны считать своим долгом воспеть величие дел молодых первопроходцев. Мы примем самое активное участие в создании летописи Байкало-Амурской магистрали.

Памятуя отеческий наказ Максима Горького — всегда заботиться о молодых, участники пленума говорили о литературной смене, о том, что нужно шире использовать для творческого роста литературной молодежи наиболее эффективные формы воспитания.

О той помощи, которую оказывает молодым литераторам Ленинский комсомол, сказал с трибуны пленума секретарь ЦК ВЛКСМ **Л. И. Матвеев:**

— В речи на XVII съезде ВЛКСМ Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев пожелал больших успехов молодым писателям, художникам, творческим работникам театра и кино, призвал комсомол еще более крепить традиционные дружбу и сотрудничество с деятелями советской литературы и искусства, еще активнее использовать их творчество в интересах коммунистического воспитания молодежи. ЦК ВЛКСМ совместно с Союзом писателей СССР усиливает работу с молодыми литераторами, нацеливает их на главные темы современности, на создание масштабных образов молодых героев наших дней. Решению этих задач будет способствовать VI Всесоюзное совещание молодых писателей. ЦК ВЛКСМ совместно с творческими союзами намечает провести Всесоюзный конкурс на лучшее произведение литературы и искусства о молодом современнике под девизом «Корчагинцы 70-х».

Студентка Литературного института имени А. М. Горького **Лидия Степанова** обратилась к старшим товарищам со словами благодарности за неустанную заботу о них, молодых литераторах.

Героем советской литературы стал новый человек, человек труда — духовно богатый, нравственно чистый, устремленный в светлое будущее. Об этом сорок лет назад здесь, под сводами Колонного зала, пророчески говорил Максим Горький: главным героем будет труд и человек труда. И на том же Первом съезде советских писателей прозвучали слова о насущных задачах детской литературы, призванной формировать идейный облик, воспитывать, закалять подрастающих граждан Страны Советов.

— За сорок прошедших лет, — сказал Сергей Михалков, — на огромной территории советской литературы выросла и окрепла, как говорил Горький, «великая держава» со своими законами, задачами, приемами, техникой, со своими признанными мастерами. Эта держава — детская литература — развивается как неотъемлемая часть большой советской литературы. И дети наши располагают огромным числом замечательных книг, большинство из которых рождено крупнейшим в мире издательством «Детская литература», основанным Максимом Горьким.

О литературе для детей говорил на пленуме и **Владислав Крапивин:**

— Велика наша ответственность за воспитание подрастающего поколения, за тех, кто завтра возьмет в свои руки жизнь страны. Этот вопрос не стареет и никогда не устареет, потому что приходят новые и новые поколения, которые заново открывают для себя мир. И наша задача — помочь им войти в этот мир хозяевами и строителями, защитниками и творцами.

Первый секретарь правления Союза кинематографистов СССР **Лев Кулиджанов** посвятил свою речь проблемам взаимодействия и взаимообогащения различных видов искусств, активной преобразующей роли советской литературы в современном обществе. В заключение он сказал:

— Сорок лет прошло с Первого съезда советских писателей. Это славные сорок лет, которые многонациональная советская литература прошла хорошо, честно, отдавая все силы делу служения народу и партии. Я думаю, что выражу общее мнение ваших коллег, творческих работников всех искусств, если скажу вам: дорогие товарищи писатели, большое спасибо за прекрасный пример.

В ПЕРЕРЫВЕ МЕЖДУ ЗАСЕДАНИЯМИ

Анатолий Иванов, Олесь Гончар и Михаил Алексеев.

Камиль Яшен и Максим Танк.

Роберт Рождественский, Мумин Каноат и Олжас Сулейменов

Анатолий Ананьев и Юрий Бондарев.

Фоторепортаж **В. КРОХИНА**

ВЕРНОСТЬ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМУ

ИЗ ГОДА в год растет авторитет Союза писателей СССР на международной арене. Об этом говорили и в своих выступлениях зарубежные гости пленума, представители социалистических литератур, прогрессивные писатели Запада.

— Для нас, в Болгарии, как до социалистической революции, так и теперь советская книга является книгой откровений, книгой, которая заключает в себе величие нашей эпохи, несет истины о морально-гуманном смысле человеческого существования, — сказал председатель правления Союза писателей Болгарии академик **Пантелей Зарев.** — Болгарские писатели еще в первые годы Великой Октябрьской социалистической революции полюбили советских писателей, ветеранов революции и певцов мирного строительства. Так было и в двадцатые, и в тридцатые годы, так было и вчера, и сегодня...

Мы убеждены, что идем с вами по общему пути, что мы учимся у вас, что мы обогащаемся в процессе нашего взаимного сближения. Мы ощущаем вместе с вами свое присутствие в новой, социалистической цивилизации нашей планеты.

Вместе с советскими писателями в едином ряду их товарищи по перу — литераторы социалистических стран. Одной из предпосылок плодотворного развития литератур братских стран является успешное освоение писателями опыта советской литературы, ее эстетических и общественно-политических принципов, составляющих основу метода социалистического реализма.

Первый съезд советских писателей сыграл великую историческую роль в деле утверждения марксистско-ленинских взглядов на литературу, в деле сплочения прогрессивных писателей на позициях мира и социального прогресса.

«Нас, монгольских и советских писателей, — подчеркнул председатель Союза монгольских писателей **Лодонгийн Тудэв,** — роднит и сближает коммунистическая идейность нашего творчества. У нас общие идеалы и цели — мы восславляем социалистическое и коммунистическое преобразование мира, осуществляемое нашими народами, нашими партиями. Наша социалистическая действительность гигантски ускоряет сближение наций. По мере сближения наших народов усиливается их желание как можно больше узнать друг друга. Желание это в большой мере удовлетворяется благодаря писательскому таланту наших народов. Прекрасный, обаятельный облик советских людей раскрывается в лучших творениях советских писателей... В первых рядах борцов за мир шли и идут советские писатели, вооруженные самым мирным оружием — пером!

Ассоциация писателей стран Азии и Африки — прогрессивная консолидация литераторов, борющихся за идеал социального и национального освобождения, против империализма, колониализма и агрессии, — многим обязана советским писателям. Советскому комитету солидарности с писателями стран Азии и Африки, Союзу советских писателей. Стремясь к взаимопониманию и единству с прогрессивными писателями стран Азии и Африки, советские литераторы активно участвуют в конференциях, симпозиумах, встречах представителей литератур этих стран.

— Мы рады видеть сегодня здесь тех, с кем эти годы рука об руку шли и мы, советские писатели, внесшие в единство этой организации свой щедрый, от всего сердца идущий творческий, писательский вклад, — сказал Анатолий Софронов, обращаясь к сидящим в зале писателям Алжира, Пакистана, Индии, Палестины, Сирии, Турции, Южной Африки. — Пять конференций нашей ассоциации: Ташкент, Каир, Бейрут, Дели, Алма-Ата — это крупные вехи на пути единства писателей стран Азии и Африки.

От имени Ассоциации писателей стран Азии и Африки выступил генеральный секретарь ассоциации, видный египетский общественный деятель и писатель **Юсеф эс-Сибаи:**

— Мы в Египте и арабских странах познакомились с вашей литературой уже в 20-е и 30-е годы этого столетия. В это время великая русская литература нашла дорогу к нашим читателям и оказала влияние на нашу литературу...

На протяжении последних сорока лет советские писатели продолжали обогащать наследие и развивать его вместе с М. Горьким, В. Маяковским, М. Шолоховым, А. Фадеевым, А. Толстым, К. Фединым, Н. Островским, И. Эренбургом, К. Паустовским, а также наряду с творчеством десятков и сотен современных советских писателей.

Юсеф эс-Сибаи выразил глубочайшую благодарность и признание советским писателям, которые приложили много усилий для успешного развития движения афро-азиатских писателей. В заключение он сказал:

— Несомненно, что классическая русская и современная советская литература в особой мере способствует обогащению всемирной литературы и укреплению идеалов свободы, справедливости и благополучия.

Нужно отметить, что работа Союза советских писателей, проводимая в международном плане, помогает нам самим ощущать причастность ко всем событиям, происходящим на планете, и вносить свой вклад в дело сохранения мира на земле, в дело укрепления братской солидарности народов. Об этом говорил на пленуме первый секретарь правления СП Казахстана Ануар Алимжанов.

— Все наши победы, в том числе и наш творческий метод, завоеваны в жестоких, непримиримых классовых боях, чей гул явственно слышится в той острой идейной борьбе, свидетелями и участниками которой мы являемся, — сказал Василий Козаченко.

— Но до сих пор четкие, действующие положения Первого съезда не дают покоя всяческим «советологам» и антисоветчикам, главным оружием которых до сих пор остаются «идеи» всяческих националистов и националистов-ревизионистов, с лютой ненавистью восставших в свое время против дружбы наших народов и наших литератур... Они и сегодня мечут отравленными стрелами в самое сердце нашей литературы, атакуя прежде всего ее идейность, партийность, народность...

Литература Страны Советов, обладающая огромным воздействием на умы и сердца людей, оказывает значительное влияние на весь мировой литературный процесс. Она активно участвует в утверждении идеалов коммунизма. И потому не случайно подвергается непрерывным нападкам апологетов буржуазной идеологии. Мир капитализма, как подчеркнул **Александр Чаковский,** уже находится на положении обороняющегося, и все чаще на Западе приходится слышать признания о растущей силе духовного воздействия социалистической культуры на самые широкие массы людей. Однако сопротивление отживающего мира обретает все более изощренные, многообразные формы. И важная задача наших писателей — неустанно разоблачать происки идеологов капитализма, еще ярче воспевать советский образ жизни, нашу коммунистическую мораль, служить духовному возвышению человека.

Развивая эту мысль, Ануар Алимжанов, Рахим Эсенов, Тандик Аскаров, Мустай Карим и другие подчеркивали, что именно метод социалистического реализма позволил не только разоблачать старое, отживающее, но и вести наступательную борьбу против него, помогать утверждению нового, прогрессивного.

В своем выступлении Борис Сучков говорил о том, что в XX веке, в эпоху величайших социальных потрясений и жестокого кризиса капитализма, важной задачей становятся сохранение и приумножение того, что можно определить как генетический фонд духовной жизни, — сохранение ценностей общественной и художественной мысли. Однако в странах капитализма эти ценности подвергаются разрушению, инфляции, опустошению, в моду входят теории «отмирания» искусства, гибели слова, и одновременно с этим обосновывается, легализуется превращение искусства в коммерческий ширпотреб.

Марксистско-ленинский подход к роли литературы в обществе, к оценке мирового литературного процесса позволил советским литературоведам вывести глубоко историчную, объективную концепцию мирового литературного процесса.

Эта концепция подтверждает, что социалистический реализм возникает не как нечто привнесенное в искусство извне, о чем с тупым однообразием твердят ослепленные антикоммунизмом «советологи», а как исторически обусловленная фаза развития мировой художественной мысли.

В равной мере эта концепция направлена и против высокомерия европейской буржуазной науки, рассматривающей культуры Востока и «третьего мира» как второсортные и несамостоятельные, и против маоистских великоханьских претензий изображать культуру азиатского континента, и в первую очередь Китая, некоей обособленной от общеисторических закономерностей зоной.

Президент Международной ассоциации литературных критиков **Ив Гандон** (Франция) сказал, что подлинный гигант литературы Максим Горький видел долг писателя в служении делу мира и взаимопонимания. В этом же видит основную цель и Международная ассоциация литературных критиков: лучше понимать друг друга — значит, любить друг друга крепче, значит, отвести как можно дальше от себя уродливый призрак бессмысленных войн.

Мы верим, продолжал Ив Гандон, что война — деградирующий пережиток времен варварства, мы знаем, что мир — условие творческого прогресса в литературе, в искусстве, в науке. Разумеется, за сорок лет во многом изменилось лицо планеты, но я убежден, что Максим Горький, будь он жив сегодня, не отверг бы эти цели.

Он, познавший нищету человек, знал, что на земле не быть братству без справедливости, что на лице справедливости чудотворная улыбка мира и что она вместе со свободой озаряет землю.

Идеи мира и дружбы народов, братского единства прогрессивных литератур всех стран нашей планеты определяли пафос выступлений участников пленума.

— На пленуме, — сказал председательствующий **Сергей Сартаков,** — присутствует известный чилийский писатель, друг Пабло Неруды, ближайший соратник Луиса Корвалана, член Политкомиссии Центрального Комитета Компартии Чили Володя Тейтельбойм. Позвольте от имени пленума приветствовать товарища Тейтельбойма и просить его передать чилийским писателям, коммунистам, всем трудящимся Чили, что советские литераторы были и остаются с чилийским народом. Мы требуем прекратить злодеяния хунты, освобождения Луиса Корвалана, всех борцов за свободу чилийского народа.

В зале вспыхивает бурная овация. Все встают. Писатели Советской страны выражают чувство глубокой солидарности с героической борьбой коммунистов, всех демократов-патриотов Чили за счастье своей родины.

Председательствовавший на последнем, четвертом заседании В. Озеров сообщил, что в адрес пленума поступили приветствия выдающегося греческого поэта-патриота Яниниса Рицоса и генерального секретаря Союза венгерских писателей Имре Добози, в которых высказаны сердечные пожелания советской литературе новых творческих успехов. От имени участников пленума В. Озеров поблагодарил Яниниса Рицоса и Имре Добози за дружеские приветствия.

С высокой трибуны писательского форума прозвучали так созвучные нашему времени слова основоположника литературы социалистического реализма: «...взаимопонимание, единство сил необходимы не только для всех людей союзных республик, — они необходимы как урок и пример для всего трудового народа земли».

* * *

Участники пленума с гордостью подводили итоги славного сорокалетнего пути советской литературы, говорили о том, что предстоит сделать для ее дальнейшего развития.

Показать во весь богатырский рост нашего современника, человека-созидателя — такую задачу ставит перед советской литературой народ и партия. И решить ее под силу художникам, вооруженным методом социалистического реализма, которые по-хозяйски вглядываются во все многообразие жизни, стремятся отразить ее ярко и масштабно.

Верность коммунистическим идеалам, глубокая партийность и народность, высокое художественное мастерство — вот черты, присущие советской литературе. Все выступавшие на пленуме подчеркивали, что советская литература была и остается могучим орудием формирования духовного облика человека нового общества.

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Коллектив редакции и издательства «Литературной газеты» понес тяжелую утрату: умер Петр Васильевич Головко, главный инженер типографии, замечательный мастер своего дела, человек большого душевного обаяния.

Двадцать с лишним лет трудовой жизни отдал Петр Васильевич изданию «Литературки». Здесь, в издательстве, начинал он рядовым печатником, без отрыва от производства закончил полиграфический техникум, возглавлял печатный цех, а последние 14 лет — всю инженерную службу. Здесь он стал коммунистом.

Высококвалифицированный специалист, активный общественник и хороший товарищ, Петр Васильевич пользовался всеобщим уважением, его труд был отмечен значком «Отличник печати», грамотой Союза писателей.

...Готов к печати новый, очередной номер газеты. И трудно поверить, что уже не покажется в редакционном коридоре высокая фигура Петра Васильевича со свежим оттиском полосы... Прощай, дорогой наш товарищ, память о тебе навсегда останется с нами.

КОЛЛЕКТИВ РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЬСТВА «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

НА СОИСКАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССР

ЛИЦО ЭПОХИ, ПРИРОДЫ ЛИК

СТИХОТВОРЕНИЕ «Гиперболы», именем которого Леонид Мартынов назвал книгу, начинается строкой: «Что говорить! Конечно, жизнь сложна». Потом он повторит ту же мысль в стихотворении «Поэзия»: «Поэзия отчаянно сложна...». А вспоминая «вчерашний дождь», задумается о необыкновенном сочетании запахов: «И пахло прелью прошлогодней, осуществлявшей заодно позавчера, вчера, сегодня, и завтра, и давным-давно». Природа тоже сложна.

Но Мартынова занимает не красноречивое декларирование известной истины. Он стремится не повторить, а продолжить вековечный разговор. Допытаться сегодняшнего смысла старого вопроса и заново оценить его меру.

Обратите внимание на строки, начинающие книгу «Гиперболы»:

Я как будто несколько столетий
Не писал стихов.
И вновь берусь.
Промелькнуло,
я и не заметил,
Несколько веков.
Иная Русь,
И над ней совсем
иная осень,
И над ней иные облака.

Книга пишется заново, как будто поэт несколько столетий не брал перо, и жизнь предстает иной, будто прошли века. В цепенеющую систему вторгается небывалое. Она снова распахнута. Меняется лицо жизни и меняется поэзия. «Если бы все было, как и было,— я бы за перо и не брался!» — пишет Мартынов.

Что же изменилось? За этой декларацией следуют подряд стихотворения «Волненье», «Творчество», «Чистота», «Капля крови», «Красота», «Детский мир»... Новизна мира оборачивается «ураганом в области сердечного волненья», в век «сложнейших вещей» душевною тоскою «об очень несложном», в пору красочных поэтических деклараций — жаждой слова, тяжелого, «будто... капля крови».

Причем для Мартынова ураган сердечного волненья не противопоставлен мятущемуся миру, а вызван им. Несложному: «Как — попросту — солнце, как просто звезда!» — придан планетарный масштаб. Тоска по «несложному» обращена к космосу. Кровавая капля насущного слова «тяжелей земного шара». А парадоксальность поэтических красок провозглашена не ради игры в слова: «Поэзия не ребус, но вольна звучать с любого белого пятна...»

«Озвучивая» белые пятна, поэт постигает тайны словаря. Погружается в глубины языка, недоступные поверхностным пробам.

Земля и тля.
Вина — вино.
Апрель и прель. Мороз
и проседь —
Все это будто не одно,
Но от другого не отбросить!
Береза — розга. Лик и лак.
Увенчить и увековечить...
Неужто это просто так,
Одна случайность —
Чет и нечет?

Это не элементарная игра контрастов, замен и перестановок. Это диалектика тончайших, неочевидных, скрытых поэтических связей.

Но вот что примечательно. Эти связи Мартынов обычно рассматривает не через лупу, а в телескоп. Обнаруживает их не робким эпитетом, а лихой гиперболой. Вглядываясь в «лики жизни», он не станет с дотошностью натуралиста расписывать каждый сосудик. Он возьмет крупный негатив и выполнит с его помощью художественный портрет. И пока совершается этот творческий акт, происходит — и куда как не прямолинейное! — постижение добра и зла.

Вот он — негатив:

Над миром тучи молотн нависли,
Как будто впрямь не раз
он был сожжен,
Жестокость жизни, — думал я, — осмыслим:
Любой ее источник заражен...

И — портрет:

Но вижу вдруг:
Тропой мужичьих жен
Навстречу мне на грубом коромысле,
Изваянном посредством топора,
Живой воды два полные ведра
Она несет. Два глаза, два бедра
Есть у нее, а также есть
два лика,
Причем один из них,
глядящий дико,
Она сирызает,
Дьявольски добра!

Мы вольны формулировать свои выводы. Эмоциональный вывод Мартынова склоняется в пользу эпического могущества жизни, выявленного в ней разумного и творческого начала, которое неизменно вносит свои поправки в слепую игру страстей.

В книге «Гиперболы» современный инвентарь мира оценивается нравственно. Мартынов по-прежнему находится в бурном потоке открытий, изобретений, перемен.

Мир един, связан, взаимозависим в своих контрастах. Павлиний хвост нефти напоминает о ее природном естественном происхождении. Травы, звери, люди слеплены из одного и того же теста. «Я сговорюсь с молчанием камней и с вами, рыбы, как и с вами, птицы!» — пишет Мартынов. И если люди договорятся друг с другом, разум окончательно восторжествует. Но вопрос остается открытым и насущным: «Так почему же все же всех трудней нам, людям, меж собой договориться?». В этом обращении поэтическая речь Мартынова начинает звучать как лирическая проповедь.

Лиризм «Гипербол» восстает против худосочных оздоровительных расписаний, механической жизни, стариковских «нельзя», «неразумно», «вредно».

Он заратан,
Мой косматый парус,
Но исправно служит кораблю,
Я тебя люблю; при чем тут старость,
Если я тебя люблю!

Новая особенность книги «Гиперболы» прежде всего в этом всеобъемлющем, самозабвенном лиризме, взвихрившем застывающую статистику примет современности. Не сложность внешней темы увлекает Мартынова, а сложность отношений внутри простого, но великого вопроса: природа и мы.

Поэт словно вернулся к дерзкому и раскованному лиризму своей молодости, к опыту стихотворений 1920—1930-х годов.

Луг воспоминаний
Глухо шелестит,
Плуг воспоминаний по лугу блестит.
Утренние пташки
подымают крик,
Но ходить в упряжке
не желает бык.

Однако полное возвращение невозможно и не нужно. Оно было б новой «упряжкой». В книгу «Гиперболы» вложен опыт всей жизни. Юной молодость встречается со зрелостью, чтобы дать ключ ко всему пути поэта.

В «Гиперболах» Леонида Мартынова явственно прочитывается знакомое имя поэта, мечтающего «с лицом эпохи слить Природы лик».

Адольф УРБАН

Леонид Мартынов. «Гиперболы». Издательство «Современник». М. 1972.

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Ст. РАССАДИН

БИ-БИ-БИ И СЮ-СЮ-СЮ

О ЧЕМ ни заговори, всегда в основе есть несколько истин — спокойно подразумевающихся, монолитных, фундаментальных. Повтори их вслух, и они покажутся банальными. Но без них — никуда.

Вот и я, начиная статью, твердо помнил, что поэзия для детей — увлекательно сложная и пугающе трудная область, что дар детского поэта — редкий, счастливый, особенный, что Блок, Пастернак, Есенин — даже они, попытавшись писать для детей, терпели неудачи...

И тут фундамент закачался у меня под ногами. Я раскрыл изданные для «младшего школьного» «Басни» Сергея Красикова, и то, что казалось непреложностью, приобрело туманно-нездешне-несбыточные черты. Господи, да какой там Блок! Какой Есенин! Какие высокоученые споры о редком даре, о специфике, еще о чем-то... Вот вам — «Хвастливая Мышь»:

Мышиный дом
украшен повиликой,
Решила Мышь:
«И я сродни великим...»

«Повиликой — великим»... Тут я споткнулся. Да и где связь между повиликой и мышиной манией грандиоза? Где имение и где наводнение? Но потерпим. Станем на горло своим представлениям и о рифме, и о логике.

И никого она не опасалась,
Но как-то со Слонихой
повстречалась,
«Идет гора?!
Я рядом с ней мала!..»
Мышь, вспищав,
со страху умерла.

Конец. Теперь можно и подумать. Есть над чем.

Речь, стало быть, о том, что не надо зазнаваться. Вот Мышь зазналась — и готово дело. Так? Да нет, что-то не выходит. Сказано же: «И никого она не опасалась», — а это как будто не так уж плохо. Наоборот, прекрасно! Ну да! Смысл прояснился! Значит, Мышь погибла, так сказать, на взлете внутренней свободы, ее предсмертный писк звучит трагической музыкой, а Слониха играет роль мрачно-зловещую. Для понятности прибегнем к аналогии: вроде Статуи Командора.

Нет, черт возьми, опять не сходится. Мышь-то — «хвастливая»... К тому же еще одно сомнение не перестает терзать меня. «И я сродни великим», — декларирует Мышь, а потом является Слониха. Почему именно она? В чем тут потайной смысл? Ведь не может же быть такого, чтобы Красиков спутал величие и величину...

Перестанем мучиться собственной непонятливостью. Скажем только: да, не до теорий, когда нужен ликбез.

Я вовсе не хочу осуждать Красикова. В конце концов, большая часть населения земли не умеет писать стихов, и это не бросает на человечество тени. Даже тем, кто, не умея, все-таки пишет, отвечают доброжелательные литконсультанты:

«Уважаемый товарищ (к примеру) Красиков! К величайшему сожалению, вы пока не овладели азбукой писательского ремесла. Нельзя рифмовать: заметался — зайца, видом — инвалидов, всплески — двести, громко — сторонке (тем более в детской книге: ведь дети, как никто, ценят полную, точную, богатую рифму). Не стоит увлекаться канцеляризмами: «И стал бы умножать твои успехи». Да и с грамотностью у вас, извините, не все гладко. Например, вам никак не даются частицы «не» и «ни». То вы ставите их не туда, куда следует: «Тебе не место здесь, а — в доме инвалидов» (надо: «место не здесь»), то просто путаете между собой: «Когда бы ни враги со всех сторон».

...Может, Красиков — печальное исключение? Печальное — да, не могу отрицать. Но исключение — увы, нет. Александр Говоров («Каравай») полагает, что нету рифм лучше, чем кроватке — космонавтки, утро — грустно, тонна — дома. Солидарен с ним и Леонид Шкавро, автор «Земляничкиной поляники»: брата — завтра, сон — горизонт.

Георгий Ладонщиков в своей книге «Помощники весны» отчаянно сражается с канонами языка: «Два полосия, где прошел он, появились на снегу», «Море света, тени — тьма!» А вот что сказано про лису: «Она — и певица. Волк ей играет».

Что хотел сказать автор? Что волк аккомпанирует лисе? Очень может быть. Но вот беда: в таком случае придется признать, что автор, мягко говоря, крайне небрежен. Ибо фраза «волк играет лисе», как ни крути, не вполне грамотна. Так что более лестно для Ладонщикова предположить, будто речь идет о чем-то, я бы сказал, мистическом. О чем-то в духе раннего Метерлинка. Волк играет ей — то есть играет лисой. Вероятно, как судьба. Рок.

Куда больше интересного у Шкавро. Можно сказать, феноменального. Феномен геометрический: «Цилиндрическая горка». Феномен физический: «В сугроб, рыхлеющий и мокрый, вонзаясь, плавятся лучи» (горячие солнечные лучи плавятся в ледяном сугробе; надо думать, от холода).

Феномен синтаксический: «Легче выстоять и вьюгу, и сильнее стать еще, если только можно другу опереться на плечо».

И все же первенство я присудил бы Говорову: «Листья с ветел свеять смею... Нужно хлеба тонна... Чтобы сытный хлебный дух не покинул мякиш» (разберитесь на досуге, кто кого тут собирается покинуть). У одного говоровского героя дух сперва «зашелся», а после «разошелся» (на этот раз — феномен физиологический). Другой, у которого «рубит брат дрова», сообщает: «Я за братом хожу, дрова ношу». Ходит за тем, кто стоит на месте. Или теперь дрова рубят по-новому — на ходу?

Вообще персонажи Говорова, да и сам он, говорят примерно так же, как в старинных водевилях говорили петербургские немцы («и по плече потрепетал»). Читая его книжку, я все надеялся: вот переверну страницу, и автор улыбнется с нее. Ага! Поняли, как не надо говорить? А теперь я вам покажу, как надо!

Жаль, не дождался. Может, в следующем издании?

Но, как водится, самое интересное впереди.

Корней Чуковский с болью вспоминал «свирепую строку»:

Ах, почаще б с шоколадом...

«Щебсш! — не писал, а кричал он. — Нужно ненавидеть детей, чтобы предлагать им такие языколомные щебсши. Не мешало бы сочинителям подобных стихов поучиться у тех малышей, которым они царапают горло своими корявыми щебсшами».

Эстетика «щебсшей» оказалась заманчивой. «...Свеять смею», — шелестит Говоров. «Штопором восходят и сверхвысоты», «Штамповщик и пресс-форме оттиснул меня», — испытывает горло читателей Ладонщиков.

А в книге Владимира Котова «Каким быть?» все персонажи страдают неизлечимыми дефектами речи. Орел, тот косноязычен и в русском языке нетверд (что, впрочем, птице простительно): «Я волен и быстр, словно ветер! Ты тоже, как я, должен стать!» У Вороны зуб... простите, клюв со свистом. Вместо того, чтобы каркать, она не то свистит, как суслик, не то шипит по-змеиному: «Когда подрастешь, в схватке жаркой...» СТПСХВТКЖ! Это рекорд. По сравнению с таким фонетическим чудом старый добрый «щебсш» пенуч, как итальянское бельканто.

И все-таки я не согласен с Корнеем Чуковским. Не надо нам «свирепую строку» о Корнее Ивановиче — может быть, потому, что нет у меня его великолепного темперамента. Творцы «щебсшей» не ненавидят детей. Они просто равнодушны — и к ним, и к своей профессии. Только и всего.

Да, всего-навсего. Но равнодушие тиражировано. Книги вышли. В издательстве «Малыш».

ОНИ ВЫШЛИ и уже делают свое дело: воспитывают на свой лад, внушают, «каким быть». Каким же?

Прежде всего — крайне неразборчивым. А иначе нам переварить, допустим, стихотворение Василия Бирюкова «Жук проснулся», стихотворение программное, судя по тому, что в честь его озаглавлена вся книга: «Под листочком жук проснулся, потянулся и встряхнулся, брюшко, нос, глаза, усы вымыл капелькой росы».

Вы ждете продолжения? Напрасно. Все, граждане. Как говорится, больше ничего не покажут. Это и есть стихотворение. Это все, что автор имел поведать городу и миру.

Кроме того, наш современный инженерат, оказывается, обязан быть выражаясь деликатно, чистой доской. Такой, что чище некуда. В противном случае как он сумеет увлечься сведениями, сообщенными ему Дмитрием Смирновым («Цвета радуги»)? А сведения уникальные. Например: «Человек поднялся в воздух — появился самолет. Быстро крутится пропеллер — совершается полет».

Но и этот бурный поток технической информации кажется Смирнову непосильным для детских голов. И вот маленькому читателю предлагают сменить шортики и джинсики на кружевные панталончики, пелеринки и фаунтлероевские воротнички. Предлагают скакнуть лет на семьдесят назад, во времена ветхозаветной «Тропинки», где жеманные дамы сочиняли жеманные стишки: «Смотрит месяц из-за веток — месяц любит умных деток».

Сами-то поэты уже совершили этот головокружительный скачок, успешно перепрыгнув и детские стихи Маяковского, и «Мистера Твистера», и «Дядю Степу». Словно ничего этого и не было.

«Знают девочки, знают мальчики, что игольчаты у елок пальчики», — любезничает с читателем Д. Смирнов. Даже суровый В. Котов, и тот отдался во власть умиления: «Два василька сияли под светлым его хохолком, вот потому-то и звали все Василька Васильком». А уж Леонид Шкавро просто купается в патоке уменьшительных суффиксов: «Росные дорожки. Теплый ветер веет. На мохнатых ножках земляничка млеет. Листики-платочки прямо (?!) до макушки. Пухленькие щечки, а на них — веснушки».

Откуда это так знакомо? Ах, да это же точь-в-точь пародия Саши Черного на сюсюкающих «тропиночных» дам, выразительно названная «Сиропчик»:

Дама, качаясь на ветке,
Пикала: «Милые детки!
Солнышко чмокнуло
кустик.
Птичка оправила бюстик
И, обнимая ромашку,
Кушает манную кашку...»

Ненастоящее всегда норовит выглядеть настоящим. Вот и в книге Юрия Маркова «Игрушки для Андрюшки» настойчиво повторяется: «Лошадка гнедая, совсем как живая... Андрейкин трамвай — настоящий трамвай...» И про машину: «Новая, блестящая, словно настоящая». Но ребенок, вот кто ненастоящий; не тот, который — в стихах Барто — всерьез любил и жалел изуродованного мишку: «Все равно его не брошу, потому что он хороший»; не тот, чей взгляд — в стихах Берестова — был способен преобразить игрушечный автомобиль в настоящую, рабочую машину, которая убегала в настоящий лес и там на равных перекликалась с настоящим лосем. Тут, у Маркова, все другое: «Стоит ключик повернуть, и... би-би-би! Счастливый путь!»

В книге «От двух до пяти» есть запись прекрасного разговора. Бабушка суетится вокруг двухлетнего внука: «Бибика!.. Сереженька, это бибика!» А внук глядит на нее с пренебрежением: «Это не бибика, а «Победа».

«Бибика», «би-би-би» — это все то же самое сю-сю-сю. Неуважение к ребенку, неумение его понять.

А от би-би-би и сю-сю-сю совсем недалеко и до ой-ой-ой. От бессодержательности рукой подать до дурного содержания.

БАСНОПИСЕЦ Красиков изобразил свару Рояля и Гармошки. И надо отдать ему должное: оба на редкость мерзки. «Трехрядная, с таким печальным видом тебе не место здесь, а — в доме инвалидов... Хоть ты Рояль с большим диапазоном, но выступаешь больше по салонам!..» Так они поносят друг друга, после чего автор морализирует: «А спор был зряшным. Я встревать не буду — все инструменты ныне служат трудовому люду!»

Прочтет эту басню ребенок с его удивительно конкретным восприятием. Прочтет и спросит: а на кой нужны трудовому люду такие противные слуги?

Да и почему только ребенок? Перед нами басня, где Рояль — не рояль, Гармошка — не гармошка, где они маски, аллегории, персонажи: высокомерный грубиян и нахрапистая дура. Надо ли радоваться их трогательному союзу? Можно ли верить в их благородное служение?

Зря все-таки автор не встрял.

Правда, в книге Котова все персонажи как раз активно встревают: звери и птицы, преодолевая свои речевые дефекты, учат маленького Василька уму-разуму. А верх берет Вертолетчик, сумевший-таки, несмотря на то, что и он нервически заикается («Каким быть — вот в этом суть»), внушить ему правила жизни. Короче говоря, замысел книги... слаб человек, и чуть-чуть не вырвалось у меня что-нибудь вроде: «Замысел сам по себе достоин одобрения». Но не бывает замысла «самого по себе»! Он не рассудочное прикидывание: дай-ка я что-нибудь здакое напишу. Не инструкция, приложенная к стихам. Замысел созревает и вынашивается, он-то и дает самым обычным словам душевный жар.

А тут... «И на разных высотах приветствовали их затем спутники и самолеты разных размеров, систем». Ни дать, ни взять, жар души. «Токарем, или шахтером, иль земледельцем — будь! Артистом, электромонтером, строителем или шофером, дворником иль дирижером... Каким быть — вот в этом суть!» Ведь это стиль объявления у проходной: «Требуются токари, электромонтеры, строители...»

Но не будем обижать объявления. Они явно превосходят эти стихи по части содержательности.

Уж так ли все равно, кем быть: дворником или дирижером? Так ли не имеет отношения к «сути» то, как человек реализовал свои способности? Полно! «Каким» и «кем быть» — это неразрывно (во всяком случае, в жизни, а не на схеме), и особенно для ребенка, который всегда загодя, нетерпеливо и увлеченно выбирает себе взрослую профессию. Это понял Маяковский, написавший «Кем быть?». Котов от классика отмахнулся. Да и от живого ребенка — тоже. Не зря сам мальчик у него воркует: «Ведь все-таки я не растение, хоть имя мое Василек...» Чей это голос? Мальчишки? Или стареющей жеманницы?

Так не у одного Котова. В стихах Говорова малыши, изображенные перед горою блинов, ликующе сообщают: «И в масле, и в сметане — все за присест сметали. Из-за стола не вылезали, сидим, друг друга слушаем...» Вот как укомплектовались. Уж и на ноги не могут стать, сердечные. Но не сдаются. Есть не могут, ходить тоже, зато обращаются к сверстникам с патетическим нравоучением: «Мы с братом много кушаем, чтоб хилыми не вырасти!»

Пусть от этих рецептов хватаются за голову педиатры, по слухам, не считающие обжорство залогом здоровья, — но слышите, как самодовольно («кушаем»), как не по-детски пошло звучат эти слова? Говоров — не слышит...

Книга Юрия Маркова открывается так: «Все игрушки в детский сад взял с собой Андрюшка. Очень рады все ему и его игрушкам». Браво, маленький коллективист! Но... возникает неловкость. Игрушек — переизбыток. И недешевых. Конечно, дай бог здоровья этому состоятельному мальчику, но хвастливая демонстрация — вот что режет ухо. Да и глаз тоже: художник простодушно договорил за автора. На картинке мальчика сопровождают мама, бабушка, сестра, и все перегружены. Жаль, папа на работе. Но ничего не поделаешь: надо же зарабатывать на «игрушки для Андрюшки».

И, как положено хозяину, владельцу, он всякой игре голова. Прочие смотрят. Сам автор оставляет их в сторонке: «Не робей, не трусь, Андрей, полезай в седло скорей!.. Пусть знают все! Андрей не трус, он в порт доставит нужный груз... Космонавтом будет в ней... Ну, конечно, сам Андрей».

«Ну, конечно...» А как же иначе? «Сам Андрей», А кто же еще?

У всякого произведения, даже самого бесхитростного, есть своя логика. Рисуя хозяйчика, который захватил первенство только потому, что игрушки — его (других объяснений нету), автор невольно и выразительно проговаривается: «Андрей доволен самосвалом...»

Хорошее словцо: «доволен». Сытое, снисходительное. Слава богу, удоволили ребенка. Так удоволили, что, если бы он рос и развивался по этой схеме, то вырос бы барином и хамом.

ВУКОР стихотворцам можно было бы призвать традицию: Маяковского, Маршака, Михалкова... Или поэтов следующих поколений — например, Заходера, Берестова... Но я призываю совсем других поэтов, следуя совету: «не мешало бы... поучиться у малышей...».

Да! Поучитесь у них, у детей, бьющей через край энергии:

Паровоз, паровоз,
Силы в тебе сколько!
Ты везешь тыщи тонн,
Как не лопнешь только...

Поучитесь трепетному лиризму:

«Мимоза! Мимоза!
Мимоза в январе!»
Веточка качает
бегущей детворе...
«Погляди-ка, мама!
Человек с цветами!»
И человек с цветами!
Какое это звание —
человек с цветами!..

И философии — даже ей! Наверное, кто-то удивится, узнав, что это знаменитое четверостишие сочинено не автором песни, а четырехлетним мальчиком, выкрикнувшим его много лет назад:

Пусть всегда будет небо!
Пусть всегда будет солнце!
Пусть всегда будет мама!
Пусть всегда буду я!

В самом нежелании принимать конечность бытия, в нежелании, рожденном счастливым неведением, сказалась такая невероятная напряженность внутренней жизни, какая бывает только у детей и гениев.

Вот они какие: умницы, знающие толк в звонком стихе, органически неспособные сотворить корявый «щебсш», презирающие сюсюканье и снисходительность. А им предлагают: «И стал бы умножать твои успехи... Штамповщик в пресс-форме оттиснул меня... Ты тоже, как я, должен стать...».

Не скажу: плохо, непрофессионально, неграмотно. Скажу: стыдно.

ХУДОЖНИК И КНИГА

Иллюстрации художника Я. Пинежанина к сборнику латышских народных песен «Сила труда творит большие чудеса». Издательство «Лиесма». Рига

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

З. С. КЕДРИНОЙ — 70 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по казахской литературе и Совет по узбекской литературе направили Зое Сергеевне Кедриной приветствие:

«Сердечно поздравляем Вас, известного советского критика, литературоведа, ученого, со славным юбилеем.

Свыше сорока лет продолжается Ваша плодотворная общественная и творческая деятельность. Исследование текущего литературного процесса Вы успешно сочетаете с углубленной разработкой коренных вопросов художественного развития, изучением взаимовлияния и взаимообогащения братских культур страны. Ваши монографии, научные труды, статьи вносят существенный вклад в осмысление современных проблем социалистического реализма, убедительно раскрывают богатство и разнообразие стилей и жанров многонациональной советской литературы. Высокую оценку получили Ваши книги «Из живого источника», «Главное — человек», «Правда жизни и правда искусства». Ваши принципиальные выступления в периодической печати.

Известен Ваш постоянный интерес к казахской литературе. Критико-биографический очерк о Мухтаре Ауэзове, многочисленные статьи и научные труды, составительская и редакторская работа по выпуску произведений Джамбула, переводы книг казахских писателей на русский язык — весомый итог Ваших усилий по изучению и пропаганде культуры Советского Казахстана.

Примечательна Ваша трудовая биография. В годы гражданской войны по командировке Политуправления Реввоенсовета республики Вы отправлялись на фронт для работы в красноармейских клубах. В двадцатые годы, когда страна приступила к мирному созидательному труду, Вы заведуете детским домом в Егорьевске. Центральной библиотекой на Ленинском руднике в Западной Сибири, библиотечным коллектором в Алма-Ате. В 1932 году Вы начинаете работать в Оргкомитете Союза писателей Казахстана. Дальнейшая Ваша деятельность связана с литературной печатью — в журналах «Октябрь», «Новый мир», в «Литературной газете», с научно-исследовательской работой в Институте мировой литературы имени А. М. Горького.

Орден «Знак Почета», Государственная премия Узбекской ССР имени Бируни, Почетные грамоты Президиумов Верховных Советов РСФСР, Узбекской ССР, Казахской ССР и Азербайджанской ССР — высокое признание Ваших заслуг в развитии советской многонациональной литературы.

Мы с благодарностью отмечаем сегодня Ваше активное участие в общественной жизни Союза писателей СССР, в работе Советов по литературной критике, по казахской и узбекской литературам.

Поздравляя Вас с юбилеем, от души желаем Вам крепкого здоровья, больших жизненных свершений, новых творческих успехов».

■

Мне не раз приходилось наблюдать, как в ауле возводят юрту. По извечному обычаю сосед приходит к соседу и молча принимается за дело. Работает он ради своего удовольствия, не требуя никакой мзды...

Когда воздвигали «здание» казахской советской литературы, на помощь поспешили соседи — народы-братья. Как всегда, доброе дело вызвало живой отклик прежде всего у русских друзей — писателей, переводчиков, критиков, среди которых имя Зои Сергеевны Кедриной по праву занимает одно из первых мест. З. С. Кедрина написала глубокие статьи о творчестве Мухтара Ауэзова, стала переводчиком и редактором одной из книг его романа «Путь Абая», не одному ныне известному писателю дала «путевку» в жизнь.

Уверен, что то же чувство признательности испытывают к ней представители многих литератур. Она принадлежит к той части русской советской интеллигенции, которая посвятила себя благородному делу расцвета и сближения культур братских народов нашей страны, популяризации их достижений. В ее творчестве отсутствуют какие бы то ни было любование экзотикой, высокомерие мэтторского тона. Критическая взыскательность, обостренное чувство нового, широта и справедливость оценок отличают выступления З. С. Кедриной по кардинальным проблемам развития нашей многонациональной литературы. Она знает казахскую, как и десятки других, литературу не по отдельным, хотя и выдающимся произведениям, а «из живого источника» — скажем так, используя название одной из ее книг, — знает не только «фасад», не только широкие улицы и проспекты, но и внутренние «помои», весь круг забот, которые волнуют писателей.

З. С. Кедрина поддерживает критиков, живущих не отраженным светом, а тех, кто имеет самостоятельное творческое лицо, кто владеет искусством точного анализа, отличается партийной страстностью и принципиальностью. Эти качества присущи и ее собственным многочисленным литературным трудам.

Русская эстетическая мысль продолжает работать на расцвет и сближение братских литератур. В этой плодотворной деятельности есть немалый личный вклад З. С. Кедриной, глубокого и многогранного ученого, взыскательного критика.

У нас говорят: чтобы дожить до 100 лет, надо читать стихи Джамбула. Зоя Сергеевна знает их блестяще...

Шамиддан ЕЛЕУКЕНОВ

***

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

Вадим КОЖЕВНИКОВ

ТЕЧЕТ РЕКА АЛТЫНСАЙ...

В РЕЦЕНЗИЯХ вроде бы не принято прибегать к помощи статистики, но я все же рискну. За цифрами скрывается порой так много реалий нашего бытия, что их лаконичный язык сродни языку высокой поэзии. В прошлом году хлопкоробы Узбекистана одержали замечательную победу: государству продано более 4 миллионов 900 тысяч тонн «белого золота» — на четыреста шестьдесят три тысячи тонн больше плана. Такое количество хлопка было заготовлено впервые за всю историю хлопководства в республике.

Полноводные реки сами собой не возникают. У них есть животворные истоки. Это прежде всего результат самоотверженного труда, горячего патриотизма советских людей, постоянной заботы и внимания партии к нуждам хлопкоробов. Именно поэтому сбывается их давняя страстная мечта о «большом хлопке», год от года растут урожаи. Немалое значение в практическом осуществлении этой задачи имело освоение узбекистанской целины. Кто хоть раз был, например, в Голодной и Каршинской степях, тот навсегда сохранит удивление, и восторг, и благодарность труженикам земли. Поистине: «Воля и труд человека дивные дива творят»!

Об этом — роман Шарафа Рашидова «Победители». О героизме советских людей, об их трудовом энтузиазме, о великой силе дружбы народов. Как показывает писатель, борьба за целинный хлопок началась в республике не вчера и не сегодня, а гораздо раньше, еще в первые послевоенные годы. Автор сосредоточил свое внимание лишь на одном кишлаке, но, как это бывает, когда горячий материал действительности попадает в руки настоящего художника, он сумел выявить важнейшие стороны, типические черты жизни и труда своих земляков, своих современников.

...Только что кончилась война. Страна принималась залечивать раны, нанесенные жестоким врагом. Огненное дыхание четырехлетней войны опалило и далекий от фронта узбекский кишлак Алтынсай. Чуть не в каждой семье горькие, невосполнимые утраты. В колхозе не хватает рабочих рук, техники. Чем и как могут алтынсайцы поддержать напряженные усилия всего советского народа по восстановлению экономики страны? Есть ли у них силы и возможности для этого? Об этом думают и главная героиня романа Айкиз Умурзакова — молодой коммунист, председатель сельсовета, и парторг Алимджан, и их товарищи по борьбе за хлопок Смирнов и Погодин...

Плодородна земля Алтынсайской долины, но огромные пространства тоненный когда-то басмачами могучий источник Кокбулак, начинают сооружать плотину и водохранилище на реке Алтынсай.

Велика жажда алтынсайцев добыть для Родины хлопок. Есть еще энергия в запасе, думает Айкиз, есть «второе дыхание», «за годы войны у них прибавилось и опыта, и сил — вернее, сознания своей силы». Потому-то она так страстно призывает земляков вступить в схватку с природой, вдохнуть жизнь в бесплодные предгорные просторы: «Стоит напоить их водой, расмятся без воды. Урожая пшеницы, которые собирают здесь на неполивных участках, — слишком малый вклад в закрома Родины. Вот если бы сеять хлопок... Но для этого необходима вода, много воды.

И по инициативе Айкиз ее земляки выступают в поход за воду: они расчищают заброшенные родники, освобождают из неволи завапахать, они дадут обильные урожаи хлопка! ...Нет, вы только подумайте, у нас будет расти хлопчатник — мечта и гордость каждого узбека...»

Сложные жизненные коллизии предстают перед нами в романе «Победители». Не сразу, не по мановению волшебной палочки реализуются планы Айкиз. Есть люди, которые боятся их, не верят в их осуществление. Одним из таких перестраховщиков является председатель колхоза «Кызыл юлдуз» Кадыров, живущий по принципу «лучше синица в руки, чем журавль в небе». Он противник любого риска, «пустых фантазий», «опасной самодеятельности», то есть решительной активности, продиктованной заботой о благе народном. Именно поэтому Мадыров встречает в штыки начинания Айкиз. Другое дело — коммунисты и все честные труженики Алтынсая, живущие с думой не только о сегодняшнем дне, но и о будущем родной земли. Они единодушно поддерживают планы Айкиз. Подробно рассказывает писатель о том, как бригада Алимджана, секретаря парторганизации, ищет воду Кокбулака, раскрывает высокие душевные порывы своих героев, окрыленных светлой мечтой, их трудовой подвиг во имя могущества и процветания страны.

Бесспорная удача произведения — образ главной героини. Айкиз уже знакома читателям по роману «Сильнее бури», и критика в свое время доброжелательно отозвалась об этом новом в узбекской литературе характере. А вот в «Победителях» мы знакомимся с более ранним периодом жизни и деятельности героини.

В изображении писателя это непосредственная, трепетная натура, наша живая современница, ставящая превыше всего интересы дела, благо Родины. Остро, с болью переживает Айкиз свои ошибки. Но важно, что девушку страшит не злопыхательство противников, не косые взгляды, а горькое, иногда преувеличенное сознание того, что причинила ущерб «делу, в которое сама же вложила всю душу». Но зато как счастлива она, когда ей удается «найти» воду, зажечь земляков своей верой в победу! Она горда тем, что алтынсайцы оказываются в авангарде широкого наступления на целину, и всем своим существом радуется их успеху.

Айкиз «еще девчонкой в дни войны мечтала о подвиге». Она и в мирное время готова совершить его; и хотя плечи у нее отнюдь не богатырские, она считает, что «просто обязана совершить что-то особенное, необыкновенное!» Характер ее, пожалуй, можно назвать романтическим, но вместе с тем Айкиз очень земная, глубоко женственная. Она трогательно беззащитна в печали, тверда и непреклонна, когда отстаивает свои убеждения, защищает интересы дела, а с любимым человеком, с Алимджаном, то чисто по-женски лукава, то неприступно горда...

Не менее убедительны и другие образы романа. Мы встречаемся здесь с колоритными фигурами Умурзака-ата, отца Айкиз, поначалу тоже не принимающего плана дочери из опасения, что она может оступиться, не выдюжить; смелого, настойчивого и принципиального Алимджана, ирригатора Смирнова и механизатора Погодина, хохотушки Лолы, старого садовода Халим-бобо, любителей соленой шутки-аскии богатыря Суванкула и неунывающего Бекбуты, партийного руководителя Джурабаева.

Особенно широко развернут образ Джурабаева в романе «Сильнее бури!». Испытанный боец партии, в прошлом красный конник, участник Великой Отечественной, он живет на страницах произведения полнокровной жизнью. Люди тянутся к нему, ибо его волнует все, что связано с их судьбой. Он умеет влиять на них своей горячей убежденностью, верой в успех начатого дела. Часто высказывания Джурабаева, как, впрочем, и некоторых других героев, носят публицистический характер. Публицистическая струя вообще сильна в произведениях Шарафа Рашидова — это одна из особенностей его творчества. Авторские размышления о судьбах людей, о прошлом и настоящем колхозного села, лирические отступления, раскрывающие душевную биографию героев на широком фоне общественно-политической жизни страны, — все это составляет одну из важных стилистических особенностей романа.

Хотелось бы остановиться еще на одном, весьма существенном моменте. Роман «Победители» родился из небольшой повести, увидевшей свет более двадцати лет назад. Спустя некоторое время после написания романа «Сильнее бури!» автор вновь возвратился к первой книге дилогии, чтобы коренным образом переработать ее. Теперь перед нами не просто дополненное и исправленное издание, а новая книга, и уже не повесть, а добротный многоплановый роман. Естественно, и перевод новый. Его осуществили А. Удалов и Ю. Карасев — писатели, хорошо знающие республику и поэтому сумевшие тонко уловить своеобразие изображенной автором действительности, донести до всесоюзного читателя богатый колорит этого значительного произведения.

Шараф Рашидов. «Победители». Роман. Журнал «Октябрь», №№ 7, 8. 1974.

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ

Б. АНАШЕНКОВ

ПОТЕНЦИАЛ ЛИЧНОСТИ

ГЕРОЙ или антигерой Парфен Локтионов из повести Анатолия Кривоносова «Гори, гори ясно» («Новый мир», №№ 3, 4, 1974)?.. Если танцевать от привычных литературных представлений, то вопрос такого рода может вызвать только неловкость, замешательство у читателя, воспитанного на определенном социальном типе. Да и сам Парфен, усади его в один ряд с Чумаловым, скажем, засмущался бы, сбежал... Следовательно, если и герой, то в узком, чисто литературном плане?..

И материал повести как будто утверждает нас в таком выводе. О чем повесть? О том, как рабочему-ремонтнику предложили стать мастером. Парфен долго колебался, сомневался, потом решился, снова заколебался, чуть не уволился даже и опять вроде бы передумал... Есть из-за чего огород городить? Но проблема — стать Парфену мастером или нет, — конечно, лишь внешний пласт повести. Суть ее в нравственном и социальном выборе, перед которым оказывается рядовой, ничем не примечательный член рабочего коллектива спичечной фабрики.

Жизнь складывается вроде неплохо, если судить о ней по принятым в Синезерках стандартам. Свой домик на окраине, огород, кабанчик, куры, неплохие заработки. Даже мотоцикл — пусть и «Ковровец» — исхитрились приобрести. Привычный, устоявшийся круговорот вещей, людей, событий. Он не выпирает на этом фоне, Парфен, но и не из последних, причем как ни мягок характером, ни добродушен, умеет в нужный момент и рамки себе поставить: глянула на него раз-другой по-особенному Ксюша Маркелова, жена приятеля, и все — как ножом, отсек Парфен былую дружбу...

Надо ли, стоит ли ломать эту размеренную, твердую жизнь? Да, вроде бы и повышение — начальство, но это как посмотреть. В заработках потеря, а забот — полон рот. Раньше отвечал за себя, а теперь и за себя, и за людей, за участок, на собрании уже не отсидишься, не отмолчишься, как бывало, из цеха по часам, минута в минуту, не побежишь. Чувствует Парфен: хоть и невелика ступенька, на которую предстоит подняться, но может нарушить все, чем он дорожит.

И еще одно обстоятельство, очень тонко и точно установленное автором. Место действия — город только по названию, нравы, атмосфера здесь почти деревенские, все знают все, новости, даже из-за закрытых дверей, распространяются мгновенно, обсуждаются всенародно, запрограммированность повседневного существования настолько велика, что Парфен не решается даже сообщить приятелям, с которыми проработал не один год бок о бок, ошеломившую его новость: новый, так не понравившийся ему поначалу главный инженер, вместо того чтобы резать его, Парфена, на переаттестации, предложил стать мастером.

И не только потому промолчал, что скромен. Черта эта только усиливает, оттеняет главное: явление, в соотнесении с которым и вырастает, укрупняется повесть. Действует неписаный закон: «не высовываться!». Знать, помнить свой шесток, то бишь свой станок, свою узкую операцию, а собрания там разные, неполадки общие, качество, производительность, снабжение и прочее — об этом пусть у начальства голова болит, оно за это деньги получает...

А Парфен высунулся. Пусть пока и в мыслях, да и не своей волей, все равно прегрешение его велико, и совестливость Парфена это состояние только обостряет.

И все же Парфен решается. Мотивировку автор нашел очень точную, убедительную, а это нелегко, когда имеешь дело с таким «материалом», как наш герой, хотя этой графической, сюжетной найденности недостает пока художественной плоти. Друг, слесарь Иван Колчин, горячее других уговаривавший Парфена не соглашаться, оказывается, бегал за спиной Парфена к главному инженеру, доказывал, что Парфен ни рыба ни мясо, без всяких перспектив, а вот он, Иван, самая подходящая кандидатура в мастера: и слесарь не из последних, и техникум кончает...

Иван, как и Парфен, мог бы стать открытием авторским, фигура достаточно характерная: если Парфен как бы и стесняется расти вверх, то Иван поставил себе целью стать «начальством». К сожалению, характер лишь намечен, назван, его слишком мало, чтобы он, взволновав, подвинул нас на домысливание, приоткрыл явление.

Парфен становится мастером, и вся прежняя жизнь (не обмануло сердце-вещун) идет наперекосяк. Даже из дома родного пришлось уйти. Да что там — сбежать!

То, что домашние наотрез отказываются переехать в новую, благоустроенную квартиру, Парфену тоже в общем-то понятно: там ведь кабанчика не заведешь, грядки не разобьешь... Взорвался Парфен, услышав, как Эмма назвала дом, в который Парфен вложил столько труда, забот, «нашим» (с матерью) домом. Парфен в нем не имеет права распоряжаться. Не очень весёлая, но правда характера, взятого в типических обстоятельствах жизни героя.

И тем не менее, все понимая и принимая в доводах жены и окружающих, того же Ивана Колчина, возвращаться в прежнее состояние скитающийся по чужим углам Парфен не торопится. Вот лежит он на сеновале у Мокея Коломеева, своего наставника, рядом Ксения (и тут пошел против себя, прежнего), и размышляют:

«...Почему у тебя Валентин, а у меня Эмма, у тебя такая жизнь сложилась, у меня такая? Могла она другой получиться или не могла? Что нам надо было делать, чтобы она другой вышла?.. От кого это зависит? От тебя, от меня, от людей это или не от людей?.. Если жизнь моя от меня самого зависит, то, выходит, я себе враг?.. Выходит... понравилось мне восемнадцать лет слесарем проходить, да?.. Мне эти мысли откуда пришли?.. А все оттуда. Откажись я от мастера, ну и жил бы себе как жил. А сдвинулся с точки — и закрутилась карусель. Вот я лежу сейчас и думаю, хуже мне стало или лучше? С одной стороны поглядеть — хуже не придумаешь, а с другой... Интересная штука получается: можно жизнь свою и так и этак повернуть. Не на все сто градусов, а все же можно».

Грустно, горько, что где-то под сорок лет, да еще в такой коривой, наивной форме, герой задает себе вопросы, которыми обычно переболевают в ученические годы, но это опять-таки если судить «вообще». Перед нами же живой, полнокровный, вполне конкретный характер, «выше головы» ему не прыгнуть, а заслуга автора в том, что он очень точно уловил, зафиксировал момент пробуждения героя от обывательской спячки, его первый, робкий и властный одновременно, порыв к активной, осмысленной жизни.

Рассуждения-то, столь неожиданные, удивительные Парфену, они не на пустом месте, не вдруг, они — от дела, от того положения, в котором очутился Парфен. Вот в цехе «бабий бунт», как его разрешить, уладить? Решать ему, Парфену.

Или вот: по подсчетам Парфена, его смена впереди, но премию дали Мокею — как тут быть? Нож острый для Парфена сомневаться, обижать людей недоверием, да и перед Мокеем, старым, заслуженным мастером, приютившим его в трудную минуту, неловко. Если бы только его касалось, смолчал бы. А тут ведь вон сколько народу задето...

К сожалению, эти две вешки, столь необходимые и важные для становления Парфена, оказались смазанными, автор скорее информирует нас об этих событиях, чем раскрывает их художнически, потому, думается, и «плывет» несколько конец повести, отдает возвращением блудного сына. Наверно, так оно и есть: Парфен возвращается домой, но не на круги своя, и утвердить нас в этом должны сцены, которые пока остаются проходными. Премию Мокею присудили не случайно, не по инерции: Мокей — столп, вериик, столько лет был впереди, как бы смятении умов не получилось... Парфен восстает против такой «политики», глубже, острее, трагичнее может (и должен!) быть его конфликт с Мокеем. К более детальной художественной разработке взывают и «бабий бунт», и выход, который находит Парфен... Вот тогда только опалит нас в полную силу второе дыхание Парфена. Мы увидим отчетливее новые резервы его души, интеллекта, о которых ни сам Парфен, ни окружающие недавно и не подозревали. И в этом будет главный итог, главное открытие повести.

ДВА МНЕНИЯ О ПОВЕСТИ АНАТОЛИЯ КРИВОНОСОВА «ГОРИ, ГОРИ ЯСНО»

Причем Парфен не только сам вверх потянулся, но и других с места сдвинул. Теперь, пожалуй, Аристарх Гребенников не увидел бы унижения в том, чтобы стать за «гуляющий» станок. Занимают «гопкомпанию» вопросы, которые раньше ее не посещали, считались как бы и неудобными. О смысле жизни, о месте в ней человека. Правда, дальше упреков по адресу жен, которые «приросли к своим хатам, мозги себе одной зарплатой забили, ничего понимать не хотят», дело не идет. Но и это немало: хоть на словах себя от жен и тещ и отграничивают, но в душе-то уже понимают, что и сами не безгрешны, тоже «приросли» и «обросли»...

Мы часто вспоминаем ленинское: нужно добиваться, чтобы каждый сознательный рабочий чувствовал себя не только хозяином на своем заводе, а и представителем страны. С чего, как в каждом конкретном случае, начинается это «добиваться», что в этих процессах зависит лично от Парфенов и что объективно их тормозит, как «несознательный» рабочий становится сознательным, как у последнего прорезается чувство хозяина и представителя страны?.. Конечно же, дело тут не в степенях и не в должностях, можно занимать ответственный пост и быть «наригом», суть — в преодолении самого себя. Заслуга А. Кривоносова в том, что он вышел на ситуацию рядовую, характерную именно для будней, сумел художнически в нее проникнуть, приподнять, обнажить сложное, противоречивое явление — потребительский растительный подход к жизни, стремление некоторых замкнуться в узком, тесном мирке своих, и только своих, интересов. Не бог весть какую победу, на первый взгляд, одержавает Парфен над собой и своим окружением (да и победа ли это, не впереди ли главные битвы?), но былой безоблачности и самоуспокоенности нет уже и в помине. Герой или антигерой?.. Думается, все-таки герой. И не только в узколитературном плане.

С. ФИЛЮШКИНА

ОСТАЛОСЬ В ПОТЕНЦИАЛЕ

ВОЗВРАЩАЯСЬ домой после долгой и горестной размолвки с женой, Парфен Локтионов слышит веселый голосок играющей дочери: «Гори, гори ясно, чтоб не погасло!» — и с грустной снисходительностью взрослого думает о беззаботности детей, которые «ничего еще о жизни не знают, видят солнце и этим счастливы». Так заканчивается повесть Анатолия Кривоносова, и мелькнувшая в сознании героя мысль о сложности жизни, отнюдь не случайная, а многозначительная, как бы подводит итог и всему произведению, и изображенной в нем судьбе Парфена, за короткий срок испытавшего немало неприятностей и бед.

Узнав о последней своей беде — самой страшной — о смерти едва родившегося сына, столь долгожданного и трагически утраченного, Парфен бежит с заявлением к начальству, то требуя, то умоляя освободить его от должности мастера, в которую он вступил несколько недель назад и которую в эту горькую минуту посчитал источником всех напастей. Растравляют его рану и подвернувшийся под руку двуличный Иван Колчин, напоминая, как он когда-то советовал Парфену «не ходить в мастера», и сочувствующие приятели из бригады слесарей-наладчиков, спорящие о том, кто же виноват в случившемся.

Один из слесарей, Глеб Кершанок, разделяя настроение Парфена, высказывается робко, но определенно: «Нам, братцы-кролики, лучше сидеть на своем месте и никуда не рыпаться». И хотя автор спешит вложить в уста друзей Парфена яростную отповедь подобному самоуничижению, все же, закрывая книгу, не можешь преодолеть неприятное ощущение, что сомнительная мораль, высказанная ограниченным Глебом, так и остается до конца не опровергнутой и словно бы вытекает из произведения сама собой. И противясь этому первому впечатлению, искренне надеясь на его обманчивость, спешишь вновь обратиться к истории Парфена, чтобы еще раз, пристально и придирчиво, проследить всю длинную цепь сцен, диалогов, размышлений героя, все этапы его пути, выбор и художественное осмысление которых должны обнажить «сверхзадачу» повести, раскрыть подлинный смысл развернувшейся драматической коллизии.

Повесть А. Кривоносова написана в той, уже ставшей привычной, но не утратившей привлекательности «современной» манере, когда рассказ «от третьего лица» по временам незаметно перерастает в своеобразный внутренний монолог героя, обращенный прямо к читателю зачастую без комментирующих замечаний автора. Многие сцены, страницы прошлой и настоящей Парфеновой жизни (например, история женитьбы, разговор с главным инженером, предлагающим ему должность мастера, возвращение домой после этого разговора) предстают перед нами, как бы преломившись через призму восприятия героя, им увиденные, им осознанные и вроде бы им для нас пересказанные. В описание плотно обступившего Парфена мира, мира людей и вещей, широко вплетаются шутливые и грубоватые реплики героя, жаргонные словечки, меткие эпитеты и сравнения, которыми он наделяет окружающих, и в этих оценках, точно запечатленных реакциях героя на внешнюю среду непосредственно обнаруживают себя его внутреннее «я», своеобразие его не то чтобы очень сложного, но и непростого характера.

Выразительно запечатлены человеческое окружение Парфена, незатейливые будни спичечной фабрики и соседнего с ней городка, в обрисовке которых подкупают точность авторских наблюдений и спокойная, строгая трезвость, мягкое сочувствие персонажам, лишенное вместе с тем всяких попыток что-то подправить и приукрасить. Правда, подчеркнутая «колоритность», а фактически ущербность приятелей Парфена из бригады слесарей-наладчиков, изображенных с претензией на гротеск (один — заика, другой — хромой, третий — усыпан угрями), поначалу шокирует читателей, но, смягченная легкой иронией, эта внешняя непривлекательность Филимона, Порфирия и Жорки воспринимается как стремление писателя сразу же четко наметить исходную позицию: именно такой вот Парфен — всем своим обликом, духовным и физическим, превосходящий некатастую, но дружную «гопкомпанию» и в то же время не столь далеко от нее ушедший, ставится автором перед лицом неожиданного поворота в судьбе, который воспринимается героем не как простое повышение по службе (был слесарем — стал мастером), а как изменение во всей жизни, обязывающее его и к внутреннему перерождению.

Итак, замысел писателя серьезен и глубок. И в этом можно всецело согласиться с Б. Анашенковым. В произведении А. Кривоносова отчетливо ощущается интересная заявка — заключить тематику так называемого «производственного» романа в рамки романа психологического. Сама избранная писателем исходная ситуация таит в себе богатейшие возможности для изображения острых морально-этических коллизий, для постановки злободневных социально-психологических проблем, связанных с жизнью современного рабочего коллектива.

Однако эти возможности, к сожалению, не реализуются в полной мере. Едва только вступление Парфена в новую должность сообщает действию, до сих пор развивавшемуся медленно, динамизм и драматическую напряженность, направление сюжета и постепенно определяющийся конфликт принимают характер неожиданный и странный. Став мастером, герой теряет покой и утрачивает прежнее благополучие, с горечью ощущая, что «жизнь его рушится». Выразительно запечатленные переживания Парфена (пока оставим в стороне их причины), вероятно, призваны утвердить все более четко проступающую мысль о сложности, которая неминуемо вторгается в жизнь человека, едва он поднимется на ступеньку выше, «с места сдвинется», как говорит слесарь Аристарх Гребенников. Устами Локтионова-старшего, отца героя, автор даже проводит параллель между человеком и деревом: обретая рост и силу, дерево живет с каждым годом все труднее, толщина его колец «от середки к краю все меньше...». Подобным образом и Парфен вступает в «настоящую жизнь».

Пусть так. Только вот об этом «настоящем», «новом» в облике героя, в его поступках автор говорит довольно скупо, зато не жалеет красок на изображение огорчающих Парфена неурядиц, внимание к которым все более сводит развитие действия с магистрали на боковые тропы. Ведь конфликтная ситуация, в которой оказывается Локтионов, отнюдь не обусловлена реальной логикой возможных столкновений, скажем, усложнившимися отношениями с друзьями из «гопкомпании» или «с начальниками», в число которых попадает и сам Парфен. Нет, «начальники» и среди них сразу привлекший внимание читателя и героя (!) главный инженер по-прежнему остаются на протяжении всей повести лишь статистами, а не участниками действия, способными так или иначе определить судьбу новоиспеченного мастера. Острые коллизии, с которыми Локтионов мог бы столкнуться в процессе производства, также мало занимают писателя. Едва наметив конфликтную ситуацию и даже интересно определив «расположение сил» и роль героя, он спешит скорее разрешить ее, позволяя Парфену без особых усилий справиться с «бабьим бунтом», добиться справедливого распределения премий.

А главным источником переживаний Локтионова, ознаменовавших его движение к «настоящей жизни», становится события совсем иного плана, хотя и подчеркнуто связанные с его вступлением в новую должность. Среди них прежде всего — напряженные отношения с женой, недовольной его усложнившимися обязанностями и уменьшившейся на первых порах зарплатой, а также усугубляющие это недовольство разные мелочи, вроде интриг Виталия Анашкина и Ивана Колчина, по вине которых задержавшемуся на работе Парфену приходится возвращаться домой не на фабричном автобусе, а пешком — восемь километров по весенней распутице. С развитием сюжета автор все чаще переводит действие за пределы фабрики, подробно повествуя о размолвке героя с женой, о скитаниях его по чужим углам, о встречах с Ксенией Маркеловой, нерадостных и неловких. Но горькие сетования Парфена на судьбу, его недоумение, почему же на долю чуткой Ксении достался немилый ей Валентин, а ему самому — столь оскорбившая его Эмма, не способствуют более глубокому осмыслению выступающего на первый план личного конфликта. Ссора с Эммой вызвала у героя лишь обиду и сожаление об утраченной семейной идиллии, но не заставила его осознать подлинную цену своего былого «благополучия», державшегося только на совместном приобретательстве, общих материальных интересах.

Таким образом, и сфера личных отношений не становится, вопреки ожиданию, отражением происходящих в герое внутренних перемен. Разрыв с женой, связанный с отказом Эммы переселиться в новый дом рядом с фабрикой, где и жить удобнее, и на работу ближе (не нужен Виталькин автобус!), выступает как проявление лишь внешних изменений в жизни героя, как звено длинной цепи причин и следствий, на одном конце которой смерть до времени родившегося ребенка, а на другом — переход Парфена из слесарей в мастера, шаг в «настоящую жизнь».

«Резервы души, интеллекта», открывшиеся в Парфене и его товарищах, которые представляются Б. Анашенкову главным итогом повести, А. Кривоносовым не использованы.

Итак, вопреки надежде на ошибочность первого впечатления, непривлекательная мораль «сидеть и не рыпаться» подтверждается в повести А. Кривоносова назойливой логикой сюжета, которую не заставишь замолчать, как замолчал, по воле писателя, Глеб Кершанок, вызвавший справедливый гнев товарищей, но так и не добившийся от них ответа: кто же все-таки виноват в случившемся? В самом деле: кто? Скорее всего только автор, наделивший Парфена Локтионова столь нескладной судьбой и при раскрытии интересной исходной ситуации сместивший акценты с главного на побочное и второстепенное.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1975 ГОД

на массовый литературно-критический и библиографический

журнал «ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

(орган Союза писателей СССР)

Журнал «Литературное обозрение» широко и оперативно освещает современный литературный процесс, творчество писателей всех братских республик, а также произведения зарубежных авторов.

На страницах журнала читатель найдет статьи, обзоры и рецензии на новые книги, беседы писателей о своем труде, диалоги писателей с читателями и критиками, размышления ученых-социологов, исследующих читательские интересы, а также полемические заметки, литературные фельетоны, обширную библиографическую информацию.

В журнале сотрудничают видные писатели, критики, литературоведы. Почетное место на страницах ежемесячника занимает слово самих читателей.

«Литературное обозрение» адресовано широкому кругу читателей.

Подписка принимается общественными распространителями печати по месту работы и учебы, в отделах и агентствах «Союзпечати», а также в отделениях связи.

Цена одного номера журнала — 30 коп.
Подписная цена на год — 6 руб.
На полгода — 3 руб.
На 3 месяца — 1 руб. 50 коп.

Издательство «ПРАВДА»

ОТ РУКОПИСИ К КНИГЕ

ДИАЛОГ

В. ОЧЕРЕТИН,
писатель, главный редактор журнала «Урал»

Продолжая разговор на тему «Писатель и издатель» («ЛГ», №№ 28, 29, 1974), мы публикуем сегодня диалог В. Очеретина и Н. Еремеева, а также строки из некоторых читательских писем, поступивших в редакцию.

Н. ЕРЕМЕЕВ,
директор Средне-Уральского книжного издательства

В. ОЧЕРЕТИН. Проблема, о которой я хочу, Николай Дмитриевич, говорить, волнует не только меня. В этом я еще раз убедился, прочитав недавно на страницах «Литературной газеты» (№ 28, 1974) диалог Д. Гранина и Д. Хренкова.

Партия призывает нас, писателей, активнее вторгаться в жизнь, рассказывать о буднях нашего народа, о его замечательных делах. Семимильные шаги научно-технической революции, когда вчерашнее становится давнишним, когда люди нашей индустрии (а на Урале мы это особенно чувствуем) сегодня уже не такие, какими были вчера, — все это чрезвычайно увлекательно, захватывает каждого социально активного литератора. Но что, если вам в книжное издательство принести сегодня нечто вроде «Брусков», «Не переводя дыхания», «Время, вперед!», то есть злободневную — с пылу с жару — рукопись, созданную со всей страстностью гражданина по горячим следам событий? Ведь издательство включит ее (в самом оптимистически возможном случае, когда она в принципе приемлема) в план редакционно-подготовительной работы на 1976 год, в план производства 1977 года, и в магазинах книга появится в 1978 году. Так?

Н. ЕРЕМЕЕВ. Нет, Вадим Кузьмич, вы несколько растянули время издания шедевра. У нас, действительно, сверстан и утвержден план на 1975 год. Но ведь, согласитесь, шедевров не так много. А для исключения разговор особый. Ныне любое издательство имеет возможность выпустить такую книгу в 1975-м, а не в 1977 году. Теперь тематический план утверждается в объеме 80 процентов от общего годового выпуска, остальные — в распоряжений издательства как его резерв для публикации актуальных и выдающихся работ...

В. ОЧЕРЕТИН. Следовательно, для шедевра, как вы говорите, издательство может обеспечить «зеленую улицу». Возможности имеются. Так?

Н. ЕРЕМЕЕВ. Да, имеются. Но обычная рукопись, с которой предстоит поработать, пройдет приблизительно тот путь, который вы нарисовали. И этот путь, я с вами согласен, весьма длителен. Об этом же, кстати, говорил и Д. Гранин: «Не просто издать, а поскорее».

В. ОЧЕРЕТИН. Вот видите, я ничего не придумал, путь рукописи от писательского стола до читателя очень длинен. Вы сами это понимаете. Работа над животрепещущей книгой небольшого объема, с сюжетом, с определенно прорисованными действующими лицами, с продуманной на основе жизненных впечатлений концепцией, при хорошей работоспособности автора займет год, если не больше. Писатель, мучаясь над своим детищем, уже в процессе работы часто видит, как стремительная жизнь его обгоняет. Особенно в смысле роста технических знаний, культуры, бытового устройства наших сограждан. Да еще издание книги — два-три года... Неужели нынешние писатели обречены отображать только день вчерашний?

Н. ЕРЕМЕЕВ. Не понимаю, почему вчерашний? Мы в издательстве стремимся издавать прежде всего произведения о современности.

В. ОЧЕРЕТИН. И все-таки любая рукопись, даже самая оперативная, самая злободневная, утрачивает свою свежесть, если ее выход в свет задерживается. Старики-писатели рассказывают, что до войны книга выходила через несколько месяцев после окончания работы автора над рукописью. А теперь? При колоссальном росте полиграфической промышленности, которая совершенствуется из года в год... Не видите ли вы здесь противоречия?

Н. ЕРЕМЕЕВ. Это противоречие понятно и вполне объяснимо. Сам процесс печатания книг стал короче. А в скором времени полиграфическая промышленность еще более преобразится от внедрения техники, управляемой электронно-вычислительными устройствами. Но время нахождения рукописи в редакциях не сократилось, а даже увеличилось. Сейчас с рукописью работают скрупулезнее, основательнее. Какой материал при этом отсеивается? Который легковеснее. Наиболее весомый идет в производство. Кто пострадал от того, что материал, полежав в редакционном портфеле, отправлен в архив? Один автор. Читатель же в выигрыше, он получил более добротную продукцию. Логично?

В. ОЧЕРЕТИН. Так-то оно так! Но, позвольте, почему весомый материал должен лежать в редакционном портфеле, а не идти оперативно в производство? Разве для того, чтобы понять, актуальна или не актуальна рукопись, нужны месяцы? Добротное видится сразу. А раз так, нечего такому материалу лежать в пухлом портфеле.

Н. ЕРЕМЕЕВ. Нет, чтобы материал был хорошим во всех отношениях, нужно время. Нескончаемым потоком идут сегодня авторские работы в издательство. К сожалению, в этом потоке редко — очень редко! — встречается что-то похожее на «Время, вперед!». Вы, как редактор журнала, знаете это по своему опыту. Рукописи, как правило, должны серьезно дорабатываться. А для этого требуется не месяц и не полгода. И, наверное, поэтому в редакции журнала «Урал» рукописи обрабатывают по два-три года. Но ведь журнал должен быть гораздо оперативнее издательства. Не так ли?

В. ОЧЕРЕТИН. Ну, положим, два-три года — большая редкость в наших журналах... Мне кажется, что вы, Николай Дмитриевич, все пытаетесь найти оправдания издательской неоперативности где-то на стороне. Давайте толковать об издательских делах.

Н. ЕРЕМЕЕВ. По-моему, только об издании книг я и веду речь. Ну, а если и вспомнил о журнале, то это только для сравнения... Так вот, вы приводите в пример предвоенные годы, когда, дескать, быстрее выходили книги. Но ведь и число-то их было небольшим. В тридцатых—сороковых годах на русском языке выходило примерно сто стихотворных книг в год, ныне таких книг появляется в год около тысячи!

Далее. Число читателей значительно увеличилось, а значит, возросла и ответственность автора и издателя за выпускаемые произведения. В 1970 году средний тираж одной художественной книги составил почти 61 тысячу. 61 тысяча судей! К тому же каждую книгу прочтет не один человек. Какого же качества должна быть эта книга, чтобы рассчитывать на внимание такого круга людей?! Полиграфическую машину усовершенствовать проще. Человека же заставить думать в десять раз быстрее (или хотя бы в два раза) гораздо сложнее... Я согласен: технологию подготовки книги надо шлифовать, ужимать. Для этого есть резервы и у редакционных работников, и у сотрудников типографии. Но превращать сокращение времени издания книги в самоцель нельзя. Важнее содержание книги, ее качество.

В. ОЧЕРЕТИН. Автор задумывает произведение на свой риск и страх. Договор с издательством заключается только при наличии и одобрении рукописи. Почему не бывает социальных заказов на книгу? За двадцать пять лет своей литературной работы я получал только единожды заказ на публицистическую брошюрку в два листа. Да еще бывают заказы на юбилейные издания — очерки к какой-нибудь торжественной дате...

Н. ЕРЕМЕЕВ. Извините, Вадим Кузьмич, я вас перебью. Вы несколько неточны. Не автор пишет произведение на свой страх и риск, а издательство заключает договор с писателем на, так сказать, «кота в мешке». У нас почти нет фактов, когда бы договор составлялся при наличии готовой и одобренной рукописи. Как правило, договор заключается, когда рукопись в работе или даже ее нет и в «чернильнице». Нередко автор вместе с редактором обсуждают план будущего произведения. В отношении социальных заказов вы тоже допустили неточность. Возьмите серии книг нашего издательства «О времени, о поколении, о себе», «Будь мужчиной», «Ленинская гвардия Урала», «Библиотечка юного географа», «Библиотечка юного историка», «Рабочие династии Урала», «Юноша и закон» и т. д. Все книги в этих сериях написаны по заказу.

Не один десяток авторов у нас выполняет социальный заказ, но многие из них не сумели его выполнить. Они получили гонорар от издательства. Им всячески помогали, создали все условия, чтобы появилось нужное произведение. Но не все писатели оказались творчески состоятельными. А ведь мы — хозрасчетная организация, допускать материальные издержки нам противопоказано. В целом практика социальных заказов себя оправдала. Мы и впредь будем пользоваться такой формой связи с писателями. И даже сию минуту. Пользуясь случаем (пусть «Литературная газета» и ее читатели будут свидетелями!), делаю вам, Вадим Кузьмич, официальное предложение: напишите нам повесть, роман. Выбирайте любой жанр. Напишите произведение о нашем современнике, о советском образе жизни, о героической деятельности партии, о рабочем человеке — словом, о том, о чем вы призывали написать на Всесоюзном совещании писателей, проходившем в Свердловске несколько лет назад. Если согласны, сегодня же заключаем с вами контракт.

В. ОЧЕРЕТИН. Ловлю вас на слове, я готов подписать с вами контракт, но при условии, что рукопись сразу пойдет в работу... И поскольку вы меня перебили, то позвольте продолжить свою мысль. Итак, если план у издательства на будущий год сверстан (обычно в середине предыдущего года), то книга ставится в план редакционной подготовки следующего. Время идет. Бывает, что редактор книги специально думает, какую доработку рукописи предложить автору, чтобы в оттягивании сроков не слишком выпячивалась невозможность издать книгу быстро (дескать, и автор еще не справился). Бывает, что издательство по разным причинам просто откладывает выпуск книги еще на год (замена другой, для удобства выполнения плана по тем или иным показателям). Разумеется, я говорю прежде всего о книгах новых, злободневных, беспокойных, с которыми надо повозиться. Перездания обычно идут «зеленой улицей» — им только бы попасть в план.

Н. ЕРЕМЕЕВ. Может быть, вы еще не знаете, Вадим Кузьмич, сейчас права издательств в области планирования значительно расширены. Прежде годовой план выпуска литературы утверждался по названиям с разбивкой по кварталам, было строго определено, в каком квартале та или иная работа из годового тематического плана должна выйти в свет. Изменение можно было вносить по разрешению Госкомиздата не позднее чем за 45 дней до истечения квартала. Нарушив этот порядок, коллектив лишался премии. Теперь издательство само определяет, какую книгу в каком квартале выпустить. И затем 20 процентов от общего годового выпуска в печатных листах-оттисках дают издательству как резерв для выпуска злободневных и весомых произведений. На мой взгляд, этот процент следовало бы увеличить до 30. Потому что жизнь наша полна бурных событий, неожиданных поворотов, открытий, оригинальных починов, перспективных опытов. Не только газеты и журналы призваны оперативно отражать жизнь, но и «тяжелая артиллерия» — книги должны соответствовать духу дня, ни в коем случае не отставать в освещении волнующих проблем современности. Предугадать, что будет через год или даже через полгода, порой бывает невозможно. И потому для большей гибкости, оперативности, для того, чтобы годовой план изданий не оказался железными шорами, барьером в выпуске высококачественной литературы, я бы увеличил процент резерва с 20 до 30. Но говорить о том, что в нынешних условиях невозможно создавать литературу, отражающую наше сегодняшнее время, по меньшей мере несерьезно.

В. ОЧЕРЕТИН. И тем не менее вы, Николай Дмитриевич, в какой-то степени приблизились к моей точке зрения. Для оперативных, злободневных рукописей вы даже предлагаете увеличить процент так называемого издательского резерва. Вы предлагаете 30 процентов. А почему бы не 50 или 60? Может, это и поможет быстрее издавать нужную книгу. А то ведь длительные процедуры с выпуском книги отучают писателей работать над темами животрепещущими — многие писатели ударяются в историю, в камерные морально-этические сюжеты вне времени и пространства...

Н. ЕРЕМЕЕВ. На мой взгляд, Вадим Кузьмич, если писатель ударяется в камерные морально-этические сюжеты вне времени и пространства, то его увлечения не исправит ускоренное печатание книг. Этот писатель просто не знает жизни, ее проблем. Или они его не волнуют. Для оперативного появления книг на актуальные и серьезные темы современности нужна, видимо, кропотливая организаторская работа прежде всего писательской организации, ну и работников издательства, естественно, по отысканию и воспитанию дарований.

В. ОЧЕРЕТИН. И все-таки, Николай Дмитриевич, вы отвлекаетесь. Я продолжаю свою мысль. Очень хочу, чтобы вы назвали художественное произведение, изданное вами, чтобы в нем рассказывалось о событиях не далее годичной давности и чтобы его пожелали обсудить (и обсудили) пять-шесть читательских конференций. Назовите также художественное произведение о сегодняшней жизни, которое было бы издано у нас без апробации в журнале.

Н. ЕРЕМЕЕВ. Таких книг немало, Вадим Кузьмич, которые обсуждаются на конференциях и на которые приходит множество писем. Большой популярностью пользуются книги Владислава Крапивина, Бориса Рябинина, Ольги Марковой, Беллы Дижур, Николая Никонова и некоторых других свердловских писателей. С большим интересом обсуждались книги «Разведчик Николай Кузнецов», «Добровольцы Урала», краеведческие книги, серии «Рабочие династии Урала», «Экономическая библиотечка рабочего», «В помощь цеховому экономисту», «Юноша и закон» и т. д.

В. ОЧЕРЕТИН. Все перечисленные книги высоко оценены читателями. Но, если не говорить о брошюрах «Экономическая библиотечка», «В помощь цеховому экономисту» и т. д., то при чем здесь оперативность?

Н. ЕРЕМЕЕВ. Полагаю, однако, Вадим Кузьмич, я ответил на ваш вопрос. Далее, вы просите назвать произведение о сегодняшнем дне, которое было бы издано книгой без апробации в журнале. Пожалуйста. «Повесть о Жене Хмелеве» Аркадия Бусыгина, «Волшебные руки труда и науки» Беллы Дижур, «Два дня «Верity» Владимира Печенкина, «Кедровые шишки» Виталия Борисова и ряд других произведений. Но к чему этот вопрос? Писатель заинтересован опубликовать свое произведение сперва в журнале. Это выгодно для него и в творческом, и в материальном плане. Каждый требовательный автор постарается встретиться с читателями, узнать их мнение, плюс реакция критики — все это помогает выпустить книгу наиболее полноценной. Издательство в этом тоже заинтересовано.

В. ОЧЕРЕТИН. Ежегодно издательство обсуждает свои планы на собрании писателей. Но еще не было случая, чтобы обсуждение повлияло каким-либо образом на уже сверстанный, полностью приготовленный план.

Н. ЕРЕМЕЕВ. Нет, Вадим Кузьмич, тут вы не правы. Нам известно, что писатели в общем довольны, что их предложения и заявки учитываются при составлении издательских планов. Как бы мы ни хотели, как бы ни старались составить идеально точный план, после обсуждений приходится, как правило, вносить некоторые коррективы. И мы не в обиде: ведь от этого наша работа только улучшается. Обсуждение наших планов в среде ученых, специалистов, партийных и советских работников, в Союзе писателей дает нам очень многое. Мы определяем степень нашей связи с жизнью, актуальность выбранных тем, правильность направления нашей работы — это же совершенно очевидно. А если план одобрили, разве это плохо? Неужели было бы лучше, если бы его раскритиковали в пух и прах, сочли бы неприемлемым? Чего бы стоили тогда предварительные планы редподготовки и вся большая подготовительная работа издательства к верстке окончательного производственного плана?

Что же касается перспектив сокращения сроков выпуска произведения в свет, то давайте думать вместе. Только нельзя сбрасывать со счетов той ответственности автора и издателя перед читателем, о которой я уже говорил.

Диалог записал
Ю. ЛЕВИН

СВЕРДЛОВСК

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

ЦЕЛЬ ОДНА

Сотрудничество писателя и редактора, общность их интересов и равная ответственность перед читателем не исключают и некоторых противоречий между ними, возникающих при оценке произведения, его редакционной обработке и подготовке и изданию. Эти противоречия и проявились в диалоге Д. Гранина и Д. Хренкова. Однако они, естественно, не носят неразрешимый характер, ибо и автор, и редактор стремятся в своей работе к единой цели: дать советскому читателю хорошую книгу.

Некоторые моменты в диалоге представляются мне весьма спорными. Так, не могу согласиться с утверждением, будто выбор автором того либо иного издательства случаен. Чаще всего писатель связан именно с определенным издательством, причем эти связи носят устойчивый характер.

Думаю, что Д. Гранин несколько умаляет значение редактора, когда говорит, что в знании предмета, проблематики он никогда не сравнится с автором и что ему (автору) редактор интересен лишь как собеседник, как первочитатель будущей книги. При такой ограниченной миссии редактора в процессе работы над рукописью ему отводится лишь «созерцательная» роль. Между тем ведущий редактор вместе с автором несет ответственность за качественный уровень выпущенного произведения...

Рассуждая о работе над рукописью, Д. Гранин приходит к выводу, что редактор (обычный) и издательство склонны «охотнее браться за работу над вещью заурядной, посредственной». Развивая эту мысль, писатель подвергает сомнению заинтересованность издательства в выпуске хорошей книги вместо средней. Такая точка зрения, на первый взгляд, кажется парадоксальной. Ведь каждое издательство отдает предпочтение выдающимся и хорошим произведениям талантливых писателей. Именно эти произведения входят в «золотой фонд» издательства и характеризуют качественную сторону его работы. Вместе с тем сомнения Д. Гранина по данному вопросу не лишены основания. Дело в том, что каждое издательство имеет утвержденный тематический план выпуска произведений, выполнение которого является важнейшим показателем, учитываемым при оценке его работы. Стремясь к выполнению тематического плана по количеству названий книг, издательство объективно заинтересовано в выпуске немалого включенного в план произведения, что вынуждает его заниматься и такими рукописями, которые требуют основательной работы редактора для доведения их до кондиции.

Высокая требовательность и непримиримость к посредственным произведениям должны быть проявлены ВСЕМИ работниками, принимающими участие в их рассмотрении и выпуске. Соблюдение этого принципа — одно из важнейших условий в борьбе за повышение качества публикуемых произведений художественной литературы.

В. ДИНКЕВИЧ,
доцент Полиграфического института имени Ивана Федорова

ЛЬВОВ

«ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЗОНЫ»?

Каждый у нас волен предлагать свои материалы для публикации любой газете, журналу или радио, любому издательству. Дальнейшая судьба этих материалов должна зависеть прежде всего от их качества: идейно-художественного уровня, актуальности, оригинальности, новизны затронутых проблем, их общественной значимости и т. д. И отнюдь не должны приниматься в расчет, скажем, пол автора или его место жительства... Однако в практике иных издательств наблюдается явно «местнический» подход: если автор проживает вне отведенной «географической зоны», рукопись возвратят...

Судьбы разных людей складываются по-разному. Не все живут там, где выросли, где познали жизнь и первые радости творчества. Всякое бывает. Например, где-нибудь в Полтаве волею судеб может осесть писатель-маринист, а зональное издательство от маринистики далеконько, опыта в ней не имеет, ему куда ближе и нужней тема, скажем, колхозно-совхозная. Издательство ждет произведений, отражающих жизнь края. Тем временем в Одессе мудится автор-«деревенщик», уроженец Мирограда или Сорочинцев. Но одесскому издательству, естественно, гораздо ближе произведения, посвященные морской романтике, судостроению или домерам. Вот и получается, что оба автора фактически очутились на мели, а издательства лишились нужных им рукописей.

Не думаю, чтобы подобные неоправданные препоны, возведенные на литературном стезе, стимулировали творчество. Мне кажется, надо предоставить авторам возможность самим решать, в какое издательство им предлагать свои рукописи, а в наших — нет. Кстати, те издательства, где умеют и любят работать с авторами, зеленую окажутся в лучшем положении.

Ю. КОТЛЯР,
член комитета литераторов при Литфонде СССР

СТАРЫЙ КРЫМ

***

Читатель не будет в обиде на издателя, не выпустившего плохой книги. Все равно прочесть всю нашу книжную продукцию физически невозможно. Пусть книг будет не так много, но пусть поменьше будет серых и слабых. Лучше меньше, да лучше!

С. ДЕММЕ

БЕЖЕЦК

***

Издавать отдельными книгами нужно лишь те произведения, которые были опубликованы в журналах, а затем одобрены критиками и читателями. Каждое издательство, отвергая слабую рукопись, тем самым борется за свой престиж, так что не следует бояться обиды со стороны «отвергнутых» авторов.

Т. ДРОЖЖИНА

МОСКВА

ЕГО ПЕСНИ ЖИВУТ

К 90-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЛЮДАСА ГИРЫ

После эпохи Майрониса, отца новой литовской поэзии, появилась целая плеяда поэтов. Один из виднейших среди них — Людас Гира, родившийся 90 лет назад, 27 августа 1884 года, в Вильнюсе. Первые стихи его появились в печати в 1903 году. В 1909 году увидел свет сборник стихотворений. С тех пор Людас Гира неустанно работал, создавая произведения, обогатившие литовскую поэзию новыми мотивами и художественными формами.

Людас Гира писал не только стихи, он был и драматургом, литературным критиком, литературоведом, публицистом, активным общественным деятелем.

Творческий путь Людаса Гиры сложен и противоречив. Но поэт всегда оставался верен правде жизни. Уже в раннем его творчестве звучат мотивы народной скорби и стремления к свободе.

Горячий сторонник дружбы народов, Людас Гира постоянно поддерживал тесные связи с русскими, белорусскими, украинскими, польскими, еврейскими писателями. Особенно дружен он был с Янкой Купалой и Якубом Коласом.

В 30-е годы писатель, которого никогда не покидали думы о судьбах родного народа, сближается со сторонниками антифашистского фронта, проявляет возрастающий интерес к Советскому Союзу.

Хорошо помню, как в 1937 году мы вместе с ним встречали делегацию советских журналистов и литераторов. С каким восторгом и энтузиазмом Людас Гира выражал свои симпатии и дружеские чувства к писателям первой страны социализма! Большое впечатление произвела на него поездка в Советский Союз в 1939 году для участия в торжествах по поводу 125-летия со дня рождения Тараса Шевченко.

После свержения буржуазно-фашистской диктатуры в 1940 году Людас Гира сразу же включился в социалистическое строительство. А в годы войны в звании капитана он активно участвует в создании Литовской дивизии. Его стихи становятся боевыми песнями литовских бойцов.

В 1943 году в связи с 40-летием литературной деятельности Президиум Верховного Совета СССР наградил Людаса Гиру орденом Трудового Красного Знамени. По долгу своей тогдашней службы мне довелось вручать в Кремле ордена большой группе военных и гражданских лиц, среди них — и нескольким литераторам. Трогательно было видеть, как маститые писатели Ф. Гладков и Людас Гира помогают друг другу прикреплять только что полученные правительственные награды. Этот момент и запечатлен на снимке.

Людас Гира вернулся в родной Вильнюс после войны тяжело больным. Однако он продолжал активно работать, писал новые стихи и поэмы. Когда не смог держать перо, он стал диктовать их.

Творческий дух не покидал неутомимого поэта до самой кончины — 1 июля 1946 года. Уже несколько десятилетий песни на слова Людаса Гиры звучат в Литве. Им предстоит еще долгая жизнь.

Юстас ПАЛЕЦКИС

ТАКИМ ОСТАЛСЯ В ПАМЯТИ...

К 75-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГРИГОРИЯ САННИКОВА

Сегодня Григорию Александровичу Санникову, поэту-коммунисту, исполнилось бы 75 лет...

Вся его сознательная жизнь была отдана служению идеалам революции. Он еще в марте 1917 года вступил в Коммунистическую партию. Выполняя поручения партии, Санников выступает агитатором, организатором, красногвардейцем, комиссаром курсов командного состава Красной Армии. Однако главным своим призванием он считает художественную литературу, поэзию.

Первые в 1920 году с Пролеткультом, группа молодых поэтов (Александровский, Герасимов, Казин, Кириллов, Обрадович, Полетаев, Санников и др.) создала новое литературное объединение — «Кузница», в которое позднее вошли и известные прозаики (Гладков, Бахметьев, Новиков-Прибой, Ляшко, Низовой и др.).

С этой поры Г. А. Санников, собственно, и становится настоящим профессиональным литератором-поэтом, активным участником литературного движения, хотя писать и печататься он начал несколько раньше — в 1917 году. В заметке о себе он правильно говорит, что «дорогу в литературу» ему «открыла Октябрьская революция». Она открыла ему и другую дорогу — в широкую общественную жизнь. Дала ему возможность путешествовать по странам Ближнего и Среднего Востока, по морям и океанам, по Советской стране; дала возможность познакомиться с жизнью и бытом разных народов.

В двадцатые и тридцатые годы, да и позднее, поэт отдает много времени общественной и организационно-литературной работе — редактированию журнала «Октябрь» и руководству отделом поэзии в журнале «Новый мир».

В эти годы поэт создает наиболее значительные свои произведения — и не только подсказанные путешествиями, но и стремлением отразить движение истории своей социалистической Родины.

В стихотворении «В ту ночь», написанном в 1922 году, поэт показывает порожденную войнами хозяйственную разруху:

Я видел кладбище
разбитых паровозов.
За городом
в широком тупике
Они рядами черными
стояли
И, темный пыл в себе тая,
Застывшим ужасом
железным
В пустые пялились поля.

Прошло двенадцать лет. Страна восстановила народное хозяйство, выполнила пятилетний план, построила фундамент социализма.

В стихотворении «На московской окраине», датированном 1934 годом, поэт рисует картину возведения этой новой цивилизации.

Герой стихотворения возвращается в Москву. Идет в знакомые с детства места, где раньше широко простирались пустыри.

Что за город?
Иль это мираж,
Пустыря пивавшего
ночное?
Громоздятся стрежнем
этаж на этаж,
Белокаменной полнятою.

Строгость линий,
бетон и гранит,
Но фасадам резные
балконы,
И повсюду огни — огни —
Оранжевые, зеленые...

Мертвые паровозы и уходящие в прошлое, преодолеваемые пустыри, на места которых возникают величественные здания. Растет устремленный в будущее, молодеющий и хорошеющий старый город.

Каждый новый этап жизни страны, каждый ее значительный шаг поэт отмечает новыми стихотворениями, являющимися своего рода ее главами, указывающими движение народа и поставленной Октябрем заветной цели — к победе коммунизма.

Мне довелось длительное время работать с Г. А. Санниковым в редакции журнала «Новый мир». В небольших двух комнатах, занимаемых редакцией, постоянно было людно. Писатели, поэты, критики, старые и молодые, шли в редакцию, как к себе домой. Л. М. Леонов, В. Г. Лидин, А. С. Новиков-Прибой, М. М. Пришвин, Ф. В. Гладков, М. С. Шагинян, П. Н. Васильев, Б. Л. Пастернак, И. Н. Мининкенко, Б. П. Корнилов, Янка Купала, Якуб Колас, Паоло Яшвили, Тициан Табидзе, Гасем Лахути и многие, многие другие. Разве всех перечтешь! А сколько ежедневно приходило и нам молодых литераторов — и поэтов, и прозаиков, критиков! И со всеми Григорий Александрович подолгу и всегда терпеливо беседовал, особенно с молодыми, начинающими писателями. Я не берусь судить, сколько начинающим поэтам Санников помог войти в литературу. Думаю, многим. По своему характеру Григорий Александрович был человеком уравновешенным, внимательным, доброжелательным, предельно честным и принципиальным. Он всегда пользовался большой любовью и уважением.

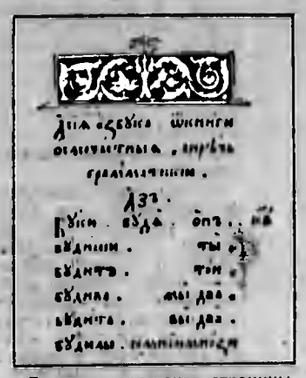
Таким он и остался в моей памяти.

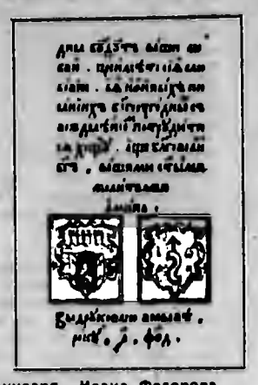
И. ГРОНСКИЙ

Русскому букварю — 400 лет

К дням торжественного юбилея нашей национальной культуры издательство «Просвещение» выпускает богато иллюстрированную книгу, снабженную обстоятельным научным комментарием. Она называется: «От Азбуки Ивана Федорова до современного Букваря».

Сегодня мы воспроизведем некоторые иллюстрации из этой книги.

Первая и последняя страницы Букваря Ивана Федорова. Под гербом города Львова и гербом первопечатника — слова: «выдрукувано во Львове року 1574».

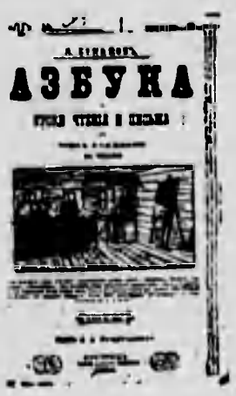
Василий ВУРЦОВ. Букварь языка славенска... Москва, 1637, 8 февраля.
Первая русская иллюстрированная азбука.

Карион ИСТОМИН. Букварь славяно-российских письмен уставных... Москва, 1694.
Это было первое русское иллюстрированное издание для детей, где текст и рисунок органично слиты, где иллюстрация несет познавательную нагрузку.

Русская азбука или собрание рисунков, изображающих разнощиков. Москва.
Интерес передовых деятелей русской культуры к жизни народа, развитие реализма в литературе и исиусстве привели и созданию азбук, изображающих людей труда.

Н. ВУНАКОВ. Азбука и уроки чтения и письма в трех книжках. Санкт-Петербург, 1871.
Николай Федорович Вунаков, один из последователей К. Д. Ушинского, теоретик и практик начального обучения, автор многих учебников и учебных пособий. Его «Азбука...» выдержала более 90 изданий.

В. ВОДОВОЗОВ. Русская азбука для детей... Санкт-Петербург, 1875.
Учебник В. Водовозова был иллюстрирован выдающимся русским художником В. Васнецовым.

***

Над книгой «От Азбуки Ивана Федорова до современного Букваря» работали В. П. Богданов, Г. В. Карпюк, В. Г. Горецкий, Е. Е. Смирнова, Д. В. Белоус, А. В. Прудникова.

И. СВЕРЧКОВ. Пионер. Детский букварь. С 130 рисунками художника Симфиеаа. Ленинград, 1924.
Идейная насыщенность материалов делает Букварь «Пионер» примечательным явлением в истории наших букварей.

Александр ЖИНУА. Азбука в картинах. Санкт-Петербург, 1904.
Это была веселая, красивая детская книжка, преследовавшая не только учебные, но и развлекательные цели. Она уносила детей в мир фантазии, развивала их эстетический вкус.

Д. и Е. ТИХОМИРОВЫ. Букварь для народных школ. Москва, 1873.
Составленный известным русским педагогом и деятелем в области народного образования Д. И. Тихомировым в соавторстве с женой, Букварь выдержал 181 издание.

Вл. ПРИБЫТКОВ

«ДРУКАРЬ КНИГ, ПРЕД ТЕМ НЕВИДАННЫХ»

...Многое в биографии Ивана Федорова до сих пор остается загадкой. Нельзя с уверенностью сказать, где и когда он родился, и какому сословию принадлежал, с кем из современников-москвичей был близок и т. п.

Советские ученые выдвинули интересные и убедительные гипотезы, проливающие свет на наиболее «затемненные» моменты биографии первопечатника. Публикуемые заметки писателя Владимира Прибыткова, автора книги «Иван Федоров», ставят вопрос: каким образом за столь короткий срок, всего несколько месяцев, можно было разработать и подготовить и изданию такое серьезное и во многом новаторское педагогическое сочинение, как «Букварь»? Не велась ли над ним работа в течение долгих лет? Не считал ли его Иван Федоров главным делом своей жизни?

«ДРУКАРЬ книг, пред тем невиданных» — начертали на могиле Ивана Федорова, человека удивительной судьбы, создателя первого русского букваря.

Требовались недюжинный ум, ученость, талант и мужество, чтобы пойти против устоев, дерзнуть издать русские книги, которые затмили бы искусно сделанные рукописные.

Иван Федоров против устоев восстал, изыскал способ отливать литеры, наладил печатный станок, подготовил тексты, и в марте 1564 года с этого станка сошли первые листы «Апостола», а 1565 году — листы «Часовника», а около 1566 года — листы «Евангелия».

Поднимал печатное дело Иван Федоров не один. Поддержал царь Иван Васильевич, потребовалось благословение митрополита Макария, помощь образованнейших людей эпохи—Адашева, Курбского, Висковатого, помощь мастеров-товарищей.

Но митрополит Макарий, первый заступник печатников, вскорости умер, царь Иван, занятый Ливонской войной и борьбой с боярами, к искусству книгоделания охладел, Адашева по навету уморили в Дерптской темнице, Висковатый, перепуганный церковным судом над еретиками, препятствовал править тексты, даже донос на печатников настрочил, Курбский бежал, и вся тяжесть издания книг свалилась в конце концов на Федорова.

Он эту тяжесть поднял. Выдюжил.

Первыми печатными книгами на Москве стали, как говорилось, «Апостол» и «Евангелие» — книги, исполненные противоречий и поучений, идущих вразрез с церковной практикой. На эти противоречия и поучения извека ссылались русские еретики, ополчавшиеся на мирскую и церковную скверну. Посему простому люду читать «Апостол» и «Евангелие» возбранялось: чтоб «не смущался». Иван же Федоров не только стремился издать эти книги в большом числе, он еще и заботился, чтобы тексты их стали понятны каждому: заменял «мертвые», отжившие слова живыми, принятыми в тогдашней разговорной речи, освобождал тексты от непонятных иноземных слов.

Дерзость неслыханная и невиданная, вполне объясняющая и донос Висковатого, и лютую ненависть к печатнику со стороны высшего духовенства и бояр!

Нет сомнений, что Иван Федоров не бежал из Москвы, а был «отпущен» царем в Литву, а город Заблудов по настоятельным просьбам гетмана Ходкевича, занятого борьбой против польско-литовской унии: гетман замышлял издание православных книг, пытался противостоять напору католической церкви.

Случилось это около 1567 года. Однако пребывание в Заблудове было недолгим. В 1569 году Люблинский сейм положил конец существованию независимого Великого княжества Литовского. Дразнить католическое духовенство и королевский двор уже не приходилось. Ходкевич закрыл заблудовскую печатню. Правда, неблагодарным гетман не остался. Предложил Федорову записать на его имя волынское село Спасово. Владение Спасовом сулило достаток и спокойную старость, а первопечатнику в ту пору было уже за пятьдесят. Здравомыслящий кинулся бы целовать гетману руки. Федоров здравомыслящим не был. Он был безумцем. Неопределенное будущее и недовольство гетмана его не страшили. Страшило, что не исполнит свой долг на земле, если откажется от служения избранному делу и начнет «житные семена вместо духовных семян по вселенной рассевати».

Федоров отверг дар гетмана, покинул Заблудов, остался прежним безумным сеятелем правды и добра.

В 1573 году он обосновался во Львове. Денег не было ни гроша, бумаги тоже не было, местное духовенство об издании книг и слышать не желало: дорого, хлопотно, опасно. Иван Федоров обратился с папертей к прихожанам. Подняв над головой московский «Апостол», взывал к сердцам и разуму ремесленников, мелких торговцев, крестьян, просил помощи. И простой люд его услышал. Прихожане собрали семьсот злотых. С этим можно было начать...

В 1574 году во Львове на деньги, собранные по копейкам, вышло второе издание «Апостола». А следом за ним появилась еще одна книга. Книга, написанная самим первопечатником, — «Грамматикия», или «Азбуковник», первый русский букварь, «начала письменного и книжного учения», как говорил Иван Федоров.

Большой — на восемьдесят страниц! — объем этой книги, ее тщательно составленные таблицы букв и слогов, образцы спряжений, хорошо продуманные примеры, так называемая «азбучная молитва», способствующая лучшему запоминанию грамоты, подбор остального материала наводят на мысль, что букварь готовился долго и тщательно, скорее годы, чем месяцы.

Обращаясь на последних листах книги к читателю, Иван Федоров умалил свои заслуги, сказав, что «...не от себя написал это немногое, но от учения божественных апостолов и богоносных отцов и от грамматики преподобного отца Иоанна Дамаскина, сократив до малого, сложил для скорого обучения детей...»

Сравнение букваря Ивана Федорова с грамматикой Иоанна Дамаскина свидетельствует как раз о том, что первопечатник писал «от себя», ссылки же на апостолов понадобились, как и прежде, чтоб набежать возможных нападок за самовольное обращение с каноническими текстами, вставленными в книгу. Одной только правды не скрыл первопечатник в послесловии — правды о цели своего труда: «сложил для скорого обучения детей».

Кто знает, может быть, мысль издать букварь пришла к Федорову еще в Москве. Может быть, проводил он долгие часы над листами будущего «Азбуковника» еще в Заблудове. И, может быть, ни в Москве, ни в Заблудове его никто не поддержал. Так или иначе, но факт остается фактом: второе издание «Апостола» печаталось с московских матриц, а «Грамматикия» печаталась с новых, сделанных уже во Львове. Значит, книгой, созданной самим Федоровым и изданной им на собственные средства, стал первый русский букварь.

Новое издание «Апостола» и «Азбуковника», разошедшееся по Европе, попавшее и в Москву, и в Париж, и в Лондон, прибыли не принесло. Бедствуя, Иван Федоров принял предложение могущественного князя Константина Острожского и вступил в управление германским монастырем, который зависел от князя. Предполагалось, что Федоров, проживая на жалованье управителя, осуществит издание Библии. Но хлопотная должность управителя монастыря, враждовавшего с окрестными крестьянами, оказалась не для первопечатника. Претило принимать мужиков, прикрывать самоуправство и грабежи монастырских слуг.

Федоров объявил князю, что отказывается от должности, возвращается во Львов. Острожский воспротивился этому намерению, взял Федорова в город Острог, разрешил заниматься лишь созданием типографии и работой над будущей книгой.

Чтобы довести работу до конца, Иван Федоров заложил свою львовскую типографию: не мог ждать, пока даст деньги уезжавший надолго князь. Поэтому, покидая Острог, Федоров счел себе вправе забрать тысячу экземпляров книги: выручка от них едва покрыла бы сумму залога, а князю Острожскому оставались и станок, и все новые шрифты.

Однако князь Острожский рассудил иначе. Обладатель годового дохода в 1 200 тыс. злотых счел себя ограбленным и наложил на имущество Федорова арест. Лишь два года спустя накопил Федоров малую толику денег. Этой суммы для нового дела не хватало. Пришлось опять набирать в долг. А когда стало невыносимо трудно, Федоров решился на отчаянный шаг. Приехал в Краков к королю Стефану Баторию, искавшему пушечных мастеров, взялся отлить королю медную пушку и ясе деньги, полученные от короля... заложил в новый печатный станок и в новые шрифты...

Опутанный долгами, а предверии разорения и нищеты, Иван Федоров умер, не увидев даже первых ростков сделанного посева. И долго не всходил чудесный посев. Зато когда взошел, миру осталось только удивиться свершившемуся чуду.

И свершилось оно потому, что четыреста лет назад перебивающийся с хлеба на воду русский книжник не пожелал покориться судьба, не убоялся обвинений в ереси, до конце исполнил свой долг...

К 225-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. И. РАДИЩЕВА

Благодарная память народа отмечает 225 лет со дня рождения А. Н. Радищева, первого русского писателя-революционера, посмевшего в глухую пору истории России открыто выступить против самодержавия и крепостничества, за человеческое достоинство порабощенного крестьянства. В. И. Ленин назвал Радищева первым среди тех, кто противостоял насилию и гнету самодержавия. Александр Николаевич Радищев, автор «Путешествия из Петербурга в Москву», стоит у истоков русской реалистической прозы. «Зритель без очков», как его называли, он наблюдал непредвзятым, всевидящим писательским оком подневольную жизнь народа и, ничего не приукрашивая, о ней рассказал.

В заунывных и прекрасных ямщицких песнях услышал он «нечто, скорбь душевную означающее», горе миллионов, томящихся в неволе и унижении, и увидел в них «истинных сынов отечества», будущих участников освободительной борьбы.

Радищев, мечтавший о «блаженстве общественном», о достижении «источнике всех великих дел — вольности», призывал к социальной революции и заложил основы передового мировоззрения в нашей стране.

В 1790 году он был осужден за свое «Путешествие...», а его великая книга уничтожена. Но ни Петропавловская крепость, ни сибирская ссылка не сломили его духа. За последние годы появилось много доказательств, убеждающих нас в том, что Радищев остался верен своим идеям и продолжил работу над своей книгой в конце жизни. Он воскресил ее, ее голос, зазвучавший для потомков набатом. Пушкин и декабристы пошли «вослед Радищеву».

Сегодня Г. П. Шторм на основе архивных разысканий ставит вопрос: достаточно ли известна нам степень воздействия Радищева на декабристов и на их ближайших, главным образом юных, последователей? И указывает источники, изучив которые, можно будет ответить на этот вопрос с гораздо большей подготовкой.

«О ВОЛЬНОСТЬ, ВОЛЬНОСТЬ, ДАР БЕСЦЕННЫЙ...»

Радищев в своем «Путешествии...», в главе «Хотилов», обращаясь к воображаемому Самодержцу, писал: «По истреблении мужественных граждан останутся и будут подвластны тебе робкие души, рабство иго восприяти готовые».

Но мужественные граждане России в 1826 году были истреблены не все.

И не успели еще отслужить «очистительный» молебен и сжечь фейерверк после того, как пятеро были удушены, а остальные сосланы в Сибирь, на поселение и на каторгу,— опять началось.

Русская молодежь приняла эстафету от старшего поколения и начала создавать в разных городах тайные революционные кружки.

Николай I осенью 1827 года посетил столичные кадетские корпуса. Осматривая спальни, царь заглядывал под матрасы. В Военно-сиротском корпусе под одной из кадетских перин он нашел тетрадь с переписанными стихами Рылеева, посадил под арест командира и унес тетрадь с собой.

Осенью того же года один из воспитанников Пажеского корпуса пятнадцатилетний Петр Ефимовский учинил нечто до такой степени дерзостное, что директор корпуса Гогель 1-й не решился рапортовать о том подробно; известно лишь, что царь «повелел» Ефимовского в присутствии товарищей наказать розгами, исключить и ни в какую службу, кроме военной, рядовым, не принимать.

В это же самое время в Москве начал свою деятельность тайный революционный кружок братьев Критских, студентов Московского университета. Члены его вели беседы о цареубийстве; рассуждая о положении русских крепостных, говорили, что «в России унижено человечество» и что «декабристы открыли всем глаза».

С конца 20-х и по начало 30-х годов молодежные тайные общества возникали в Харькове, Курске, Оренбурге, Владимире, Астрахани. Один из участников московского кружка, состоявшего из студентов и мелких чиновников, возглавляемого И. Сунгуровым, писал: «Чувство свободы беспримерное в истории, кажется, овладело миром». Даже донесший на этот кружок камер-юнкер, когда его самого на всякий случай тоже арестовали, уверял, что «имеет крайнюю нужду в свободе». И вот нашелся человек, пожелавший объяснить правительству, откуда взялся этот неистовый дух.

В фонде Военно-ученого архива Главного штаба (в ЦГВИА) хранится подлинник известного доноса [Булгарина] на Царскосельский лицей. По словам доносителя, еще задолго до восстания декабристов духом вольности были поголовно заражены воспитанники Лицея. Деятельность просветителя Новикова в конце XVIII века была-де источником возникновения этого духа. «Когда Новикова сослали в Сибирь, — писал доноситель, — его ученики продолжили дело своего учителя, и оно дало «горькие плоды».

Однако Новикова никогда в Сибирь не ссылали. Автор доноса по своей безграмотности и короткой памяти спутал Новикова с Радищевым. И тут уместно будет вспомнить ответ В. Кюхельбекера на предложенный ему Следственной комиссией вопрос: «С какого времени и откуда заимствовали вы свободный образ мыслей, т. е. от общества ли, или внушения других, или от чтения книг, сочинений в рукописях, и каких именно?» — Кюхельбекер среди прочитанных им запрещенных сочинений выделил «Вадима» Княжнина и «Путешествие...» Радищева. Декабристы Вл. Штейнгель и Петр Бестужев ответили так же, только первый назвал печатное «Путешествие...», а второй — рукописный экземпляр.

Этих трех свидетельств достаточно, чтобы в год радищевского юбилея поставить вопрос о степени распространенности «Путешествия из Петербурга в Москву» и отдельных списков «Вольности» в преддекабристские годы и в пору возникновения революционных кружков в России конца 20-х — начала 30-х годов.

ДВЛА ПОДСПУДНЫЕ

Окрашенный желтой охрой Лефортовский дворец в Москве хранит документальные материалы Центрального Военно-исторического архива (ЦГВНА). Из всех центральных архивов этот является наименее изученным исследователями движения декабристов, а в отношении части своих фондов — сущей «целиной».

«Ознакомление с некоторыми из них приводит к выводу, что политическими делами в России XIX века ведало не только III отделение (департамент полиции), но еще — независимо от него — Главное военно-судное управление Военного министерства, причем делами не только военных, но и гражданских лиц. Так, оказывается, что процесс декабристов ДУБЛИРОВАЛСЯ Военно-судным управлением; он касался несравненно более широких кругов населения и протекал медленно, затягиваясь на несколько лет. Уже главари восстания были казнены, уже осужденные по остальным десяти разрядам были сосланы, а военно-судная машина продолжала работать. И тень Рылеева вставала «в казенном прахе», и Пестеля (в 1827 году) судили посмертно, взыскивая с него какой-то полковой долг.

Перед военным судом держали ответ все, так или иначе «прикосновенные» к движению декабристов: полковые музыканты, денщики, крепостные повара, портные, священники, студенты, часовщики, издатели, книгопродавцы. И солдаты, солдаты!.. Старший научный сотрудник ЦГВНА Л. П. Петровский, готовя к печати капитальный Путеводитель по декабристским документальным материалам архива, выявил свыше восьмисот дел о рядовых.

Это уже не «сто прапорщиков», мечтавших преобразовать Россию, как полагал Грибоедов.

Как же не проверить по богатейшим, зачастую не тронутым фондам ЦГВНА (конечно, не забывая и о других архивах) степень влияния Радищева на движение предшественников декабристов и их преемников?..

В коллекции Военно-ученого архива Главного штаба имеется второй ретростективный донос [Булгарина] — в данном случае на литературное общество «Арзамас».

Услужливо сообщая имена членов общества и высказывая мысль, что его, в сущности, можно было считать «безобидным», доноситель утверждал: «Некоторые члены отдельно приготовляли порох, который впоследствии вспыхнул от буйного пламени тайного общества».

Тут, кстати, вспомним, что в опубликованных протоколах «Арзамаса» описан шуточный, но многозначительный, соблюдавшийся при приеме новых членов обряд: «Василий Львович Пушкин, проходя через это испытание, должен был «низломить» стрелой чучело с надписью на груди: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайё». Так в среду «арзамасцев» вошел стих Тредиаковского, символизирующий самодержавие и взятый Радищевым в качестве эпиграфа к «Путешествию из Петербурга в Москву».

Это имело место в 1816 году, как раз в то время, когда в России возникло первое тайное общество — Союз спасения.

И примерно в том же году один из последователей Радищева, В. В. Попугаев, закончил свое замечательное сочинение «О рабстве в России». В откровенно радищевской манере он писал: «Сжимается, обливается кровию сердце путешественника при виде рядов хижин опустевших, орошенных слезами злосчастных их обитателей...»

Еще несколько усилий по просмотру материалов Военно-исторического архива привели к находке дела 1829 года о прибытии рядового Петра Ефимовского в Тифлис для определения его в Нижегородский драгунский полк.

Шла война с Турцией. Рядовой Ефимовский, который двумя годами ранее был исключен из Пажеского корпуса, теперь почему-то подставлялся под турецкие пули. Что еще успел он натворить?..

Из дела можно было понять, что Ефимовский направлен в Отдельный Кавказский корпус по воле царя и что переписка об этом велась по ведомству Бенкендорфа. Подробности нужно было искать в делах III отделения (в Архиве Октябрьской революции). И они нашлись.

Георгий ШТОРМ

ПРЕЕМНИКИ

«ПОКА СЕРДЦА ДЛЯ ЧЕСТИ ЖИВЫ...»

Это было дело о «дерзких замыслах и непозволительных поступках» недоросля, графа Петра Ефимовского, числящееся по I Экспедиции III отделения за 1829 год под номером 72.

Родословие этого недоросля заслуживает внимания: его графское «достоинство» необычное, так как прадед его был женат на родной сестре императрицы Екатерины I, а дед — на собственной своей крепостной.

В феврале 1829 года бывший паж, юный Петр Ефимовский, живя в имении своих родителей под Можайском, решил основать тайное общество, чтобы свергнуть в России монархию и установить республиканский строй.

Для начала он набросал рисунок печати, которою намеревался «заклеймить» себя, а затем и будущих членов тайного общества: на щите, накрытом сверху шляпой с перьями, были изображены сокрушенный скипетр, меч, якорь надежды, всевидящее око русского карбонария и его рука, сжимающая кинжал; позади щита виднелось древко знамени, в самом его навершье — сердце, а на полотнище знамени — четко выписанный девиз: «НА ОБЛОМКАХ САМОВЛАСТИЯ НАПИШЕМ ИМЕНА СВОИ». (Стихотворение Пушкина «Любви, надежды, тихой славы» полностью не было еще напечатано и ходило в списках).

Юный тираноборец послал рисунок в Москву с запиской к крепостному резчику Ефимовских Агафонову, наказав ему изготовить печать. Агафонов, «усумнившись», показал рисунок отставному прапорщику Козловскому, а тот, не теряя времени, кинулся в канцелярию московского генерал-губернатора Голицына с доносом (Николай I пожаловал ему за этот донос немалую сумму — целых 500 рублей).

Ефимовского арестовали. При этом у него изъяли бумаги. Их было много. Голицын, отправляя вскоре Бенкендорфу это дело, сообщал, что препровождает следственные материалы «при особой описи в трех томах».

Как видно из переписки, Бенкендорф спустя некоторое время возвратил дело Ефимовского Голицыну, но из канцелярии генерал-губернатора оно исчезло; во всяком случае в описи 31-й фонда 16-го ЦГА Москвы под заголовком этого отсутствующего дела стоит загадочная помета: «Въ папкѣ 1816», сделанная еще по старой орфографии. В фонде Собственной канцелярии шефа жандармов Бенкендорфа (ЦГАОР) бумаг Ефимовского также нет.

Между тем обнаружение их могло бы иметь самые неожиданные последствия. Ведь именно под знаменем радищевских идей, по выражению Г. В. Плеханова, «совершались самые многозначительные общественные движения конца XVIII — первой трети XIX столетий». И глубоко права М. В. Нечкина, утверждая, что большинство декабристов были знакомы с радищевским «Путешествием...».

Ефимовский был заключен в Шлиссельбург, затем, по ходатайству отца, переведен на Кавказ, в Нижегородский драгунский полк, рядовым, и вскоре убит.

Дело Ефимовского — в значительной своей части — недоследованное дело о Пушкине. Но, может быть, и о Рылееве, и о Радищеве. Читатель вправе заметить, что прямых связей с Радищевым здесь пока нет. Но в статье и ставится вопрос о доследовании «вещественных доказательств» в делах юных революционеров первой трети XIX века. А дело Ефимовского — яркий пример тех архивных загадок, пронизанных атмосферой последекабристского революционного подполья и подозрительных по возможностям найти нечто новое о Радищеве, обходить которые никак нельзя.

Три тома (секретного следствия и бумаг) вряд ли могли исчезнуть бесследно. Ефимовским занимались не только в III отделении и в канцелярии московского генерал-губернатора, но и в Главном штабе. Значит, поиск надо вести и в Военно-историческом архиве, раскрывающем нескончаемое разнообразие хранящихся в нем дел.

«ЕНИСЕЙСКИЙ АЛЬМАНАХ»

Среди этих дел, наряду с массой не связанных с проблематикой данной статьи сведений, нет-нет, да и попадается искомый «редкий элемент».

Это дела о «рукописной словесности».

Друг Рылеева, ротмистр Астраханского кирасирского полка Антропов в письме к Рылееву благодарил его за присылку купленных у издателя Селивановского экземпляров «Войнаровского» и «Дум».

А московский издатель С. И. Селивановский был тот самый «типографщик», с которым Радищев в свое время вел переговоры об издании «Путешествия...».

В 1828 году на Селивановского обратило «особенное внимание» III отделение. Это произошло вскоре после издания им сборника стихов и прозы под названием «Енисейский альманах».

В этом сборнике в числе других прогрессивно настроенных сибирских литераторов принял участие писатель А. П. Степанов, поместивший в альманахе две статьи (о Китае и Монголии) и поэму «Поэзия и Музыка», представляющую для нас особый интерес.

В наиболее полных списках «Путешествия...» Радищева имеется служащая прямым продолжением оды «Вольность» ораторий «Творение мира», написанная на библейский сюжет сотворения Вселенной; скрытый же ее смысл — рождение нового свободного мира. Таких списков с этой ораторией известно только три.

Поэма Степанова в жанровом отношении тоже является ораторией и начинается с темы творения Вселенной, по своему содержанию и словарному составу в некоторых местах близка «Творению мира» Радищева и тоже имеет скрытый смысл. Строки —

Моя гремит
потомству лира,
Она перун злодею шлет
И пальму
правоте стесненной...

— в 1828 году, спустя полтора года после расправы царя с декабристами, могли истолковываться только так: «злодей» — Николай I, а «правота стесненная» — сосланные в Сибирь.

Возникает подозрение, что Степанов был знаком с одним из полных списков «Путешествия...» и испытал на себе радищевское влияние.

А. П. Степанов, калужский помещик, был женат на племяннице М. Д. Кашталинского, самого главного кредитора А. Н. Радищева, и хорошо знал его семью.

Кстати, А. Степанов, будучи в ту пору енисейским губернатором, сделал много добра декабристам, имел из-за этого неприятности и, кажется, главным образом за благоволение к ним был смещен.

***

Военно-судных дел множество, и это подает надежду найти кое-что новое о Радищеве, в частности, новые списки его книги первой трети XIX века. А искать их нужно прежде всего в бумагах революционной молодежи, для которой он был одним из властителей ее дум.

УРОКИ МАСТЕРА

Сергей БОНДАРЧУК

НА ВТОРОМ всесоюзном съезде писателей Довженко произнес вещие слова: «Эйзенштейн живет в мировом киноискусстве «Броненосцем «Потемкиным», составившим в свое время славу русского советского киноискусства».

Спустя четыре года, по итогам опроса ста крупнейших кинокритиков и киноведов всех стран во время Международной выставки в Брюсселе, «Броненосец «Потемкин» возглавил список из двенадцати лучших фильмов всех времен и народов. Среди эти картин есть и довженковская «Земля».

Я понимаю, почему «Земля» входит в эти двенадцать шедевров: как всякое истинное произведение искусства, картина от начала и до конца — от начала и до конца! — абсолютно самобытна и неповторима. Как неповторимо явление природы — любая яблоня, любое растение. Такое впечатление, что «Земля» — создание не человека, а природы. По-моему, это высшее проявление творческого гения.

Вообще, на мой взгляд, совершенство истинного произведения искусства — будь то живопись, скульптура, архитектура, музыка — именно в этом выражается: кажется, что человек не причастен к его созданию.

Перед «Джокондой», скажем, можно стоять часами; и возникает ощущение какой-то чертовщины — ты знаешь, что это творение Леонардо да Винчи — его рук, его кисти, но хочется заглянуть за картину, чтобы удостовериться, что женщина, воздух, перспектива нарисованы на холсте, а не уходят в бесконечность. Недавно я читал, что главный хранитель национальных музеев и руководитель исследовательской лаборатории при объединении французских музеев изучала «Джоконду» под микроскопом, в рентгеновских и инфракрасных лучах и в живописном слое не обнаружила следов кисти. Ну разве не чертовщина?

Для меня такое же явление природы и «Земля» — тут нет «следов кисти», это совершенное произведение искусства...

ОДНАЖДЫ Довженко сказал об Эйзенштейне: «Как человек, он всегда был больше своих картин». Мне кажется, он имел в виду вот что: у Эйзенштейна всегда был творческий запас — это неточно сказано, но я объясню, что имею в виду.

Вот художник делает картину? Она получится какая-то. Но все-таки он должен понимать, что то, что получится,— по разным причинам, не будем их сейчас перечислять — ниже того, о чем мечталось. В этом смысле художник должен быть выше своего произведения. Он всегда должен чувствовать несовершенство его в сравнении с замыслом, и это — источник творческой неудовлетворенности, а значит, и роста.

Так вот, Довженко всегда был недоволен — и уже сделанным, и тем, что делал.

Для него было мукой смотреть свой материал. Почему? Потому что, заставив себя посмотреть, он обязательно его пересматривал. Так могло продолжаться до бесконечности, его нужно было бы просто насильно оттаскивать, настолько замысел режиссера — великого прежде всего своими фильмами — был выше того, что удавалось ему воплотить.

Я наблюдал, как снимался один эпизод в «Мичурине». Вначале Александр Петрович смотрел на выгородку декорации кабинета Мичурина, когда были одни только стены. Он говорил:

— Вот эту стенку перенесите справа налево, перегородку уберите, и вообще планировка должна быть другой.

Он мог заниматься этим три дня, неделю.

Потом декорацию обставляли. Как известно, Мичурин увлекался собиранием часов, даже сам чинил их. Поэтому собрали все часы, какие только можно было найти на «Мосфильме» и за его пределами, самые разнообразные, часто — уникальные экземпляры. Довженко сам проверял каждые часы и находил им место. Казалось, этот процесс будет длиться бесконечно...

Потом приходили актеры. Александр Петрович брал в руки рашпиль и другие «побочные» инструменты и принимался обрабатывать, скажем, мичуринскую кепку... Когда одежда была приведена, так сказать, в состояние готовности, он обратился к реквизитору:

— Принеси мне палку, — и подробно объяснил: — Палка должна быть изогнута вот здесь, вот такой высоты...

Приносили палку — первую, вторую, пятую, десятую, двадцатую... И снимал он так же тщательно и мучительно. «Кино — искусство одержимых», — сказал однажды Довженко, и это в полной мере относилось прежде всего к нему самому.

Я СНЯЛСЯ у Александра Петровича всего-навсего в одной картине — «Мичурин». Меня пригласили на роль академика Цицина, но после августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года этой роли в сценарии не стало. Тогда мне предложили эпизодическую роль Уральца, селекционера, который приезжает к Мичурину посмотреть на то, как работает ученый.

Снимали мой крупный план — три-четыре метра — единственный в фильме. Поставили камеру, свет. Я собрался, сосредоточился и жду указаний режиссера. Никаких указаний нет. Я спросил:

— Александр Петрович, а все-таки, что я должен здесь сыграть?

Не сразу он ответил. Посмотрел на меня, вокруг, в камеру заглянул, помолчал, потом подошел и лишь тогда уже торжественно — не бытово, а как будто величайшее задание давал — сказал:

— Вы должны сейчас сыграть отношение простого человека к науке.

Это грандиозно. Это даже уже и не режиссура, а какой-то синтез его необыкновенных свойств — литератора, кинематографиста, человека. Он столько вмещал в понятие «крупный план»!.. А сейчас некоторые говорят «крупняк», «середняк» и «общак», то есть, в переводе на русский язык, крупный план, средний и общий. Или — «крупешник». Когда я слышу это слово или еще одно — «киношники», меня аж в дрожь бросает. Недавно известная женщина-режиссер при мне сказала во ВГИКе: «Ну, мы, киношники». Так и сказала: не «кинематографисты», а — «киношники», и после этого на душе остался неприятный осадок.

Излишне говорить, что таких слов в лексиконе Довженко и быть не могло.

Он трепетно относился к искусству и во имя него мог сказать, что думает, любому человеку. Вот уж кто говорил не взирая на лица!

Однажды во время съемки к нему в павильон пришли люди. Пришли в пальто, в шляпах... Довженко сказал:

— Снимите шляпы. Запомните: вы вошли в храм.

В другой раз в Доме кино была премьера «Мичурина». В то время смотрели фильм, удобно расположившись в кресле и покуривая. Очевидно, Довженко не очень устраивало такое соседство курящих с картиной о преобразователе природы. К тому же за клубами дыма никакого цвета не увидишь... Уже начал гаснуть свет, как раздался голос Александра Петровича:

— Я прошу во время просмотра не курить, бо фильм цветной и вместо цвета будет вата!

...Когда-то Станиславский сказал, что театр начинается с вешалки. Довженко исповедовал ту же веру. Он писал однажды, что только после реконструкции улицы, ведущей на Киевскую студию, «режиссеры начнут делать хорошие картины». А вот другой случай. Однажды его пригласили во ВГИК — выступить перед студентами. Войдя в зал, Александр Петрович обратил внимание на рояль, вынул чистый платок, провел по крышке рояля и обнаружил густой слой пыли. Он показал платок, сказал:

— Вот эта грязь проникнет на экран, — и ушел, ничего не добавив.

То была великолепная лекция, я слушал ее вместе со всеми.

ДОВЖЕНКО представляется мне как человек, стремившийся к гармонии. Он искал ее не только в кинематографе, но и в жизни. Отсутствие гармонии приносило ему личные страдания.

Он приходил утром на «Мосфильм», замечал кирпич, лежавший не на месте, и спрашивал:

— Почему он лежит, этот кирпич, именно здесь? Я прошу его убрать, — и не успокаивался, пока криминальный кирпич не убирали.

Он никогда не мог пройти мимо того, что, как он считал, должно быть сделано по-другому.

Его интересовали живопись, архитектура, порядок вещей, двор, труба, окно. «Самое разочаровывающее в Киеве место — Галицкий базар...» Словом, его интересовало все. И он составлял проект реконструкции Брест-Литовского шоссе, план реконструкции нескольких площадей и улиц города, писал докладные записки Советскому правительству «о принципах оформления берегов будущего моря от Запорожья до Каховки»; «о принципе постройки новых сел в связи с проведением канала, в связи с тем, что эта местность будет морем»; о том, как растопить льды Северного Ледовитого океана...

Он любил стариков и детей, они есть у Довженко в каждой картине. Почему? Может, потому, что старики мудры, а дети — мечтатели и фантазеры? Может, потому, что и сам он был таким — мудрецом и мечтателем?..

Довженко любил людей, и люди несли к нему и радость, и печаль. Скольким он помог!.. Интересные он иногда характеристики людям давал — это произведения искусства. Собрать бы их все вместе — в литературе появился бы, возможно, новый жанр... Можно было бы привести текст одной характеристики — она сохранилась, но, боюсь, до нее трудно добраться. Когда-то я знал ее наизусть... Ну, попробую процитировать по памяти.

Только здесь надо знать предысторию, а она такова. Один артист (назовем его Ивановым), знаменитый своими габаритами (в самом прямом смысле слова — не столько в театре, сколько в кино), «разошелся во мнении» с руководством театра, где работал. Он пришел на «Мосфильм» и Довженко с просьбой помочь — написать в театр, чтоб его не увольняли. Что делать Александру Петровичу? Человека он знает плохо, но тот в беде, стало быть, надо помочь. И Довженко откладывает сценарий, над которым в тот момент работал, закладывает в машинку лист желтой бумаги и пишет примерно следующее:

«Знаю Иванова. Талантлив ли он? Не знаю. Что он может? Может переносить холод и стужу, вытащить тани из

нювета. Так как он играл много отрицательных ролей, то и сам стал приобретать эти качества. Спиртного в рот не берет, но если и выпьет, то по причине простуды или особого душевного состояния. Возьмите этого Иванова, нагрузите его работой, и если он теперь уже не оправдает ваших надежд, гоните его и чертовой матери. Возьмите Иванова!»

После этого обращения Довженко артиста в театре оставили...

Довженко любил актеров. Подбирая исполнителей для очередного фильма, он иногда вызывал какого-то артиста и говорил ему:

— Я вызвал вас для того, чтобы сказать, что в этом моем фильме вы сниматься не будете.

Почему он так говорил? Чтобы актер, к которому он питал симпатии, «его» артист не мучился, ожидая и надеясь; чтобы знал, что в этой картине режиссер ему применения не находит. Что-то я не слышал, чтоб кто-то еще поступал так сейчас...

Как-то на одном высоком совещании, напомнив, сколько лет по разным причинам он был в простое и не снимал художественных фильмов, Александр Петрович сказал:

— Я подсчитал, что мой «Довженко-час» стоит 15 тысяч рублей. Сколько же государство потеряло?

Часто ли мы задумываемся над тем, что простой талантливого художника — прямой убыток, и, конечно, не только материальный?..

ЭТО БЫЛО в 1952 году. К тому времени я уже сыграл Шевченко, а Александр Петрович работал над сценарием «Поэма о море», за который он посмертно, в 1959 году, был удостоен Ленинской премии. Тогда в ЦДРИ на вечере, посвященном Украине, упросили выступить Довженко. Меня тоже пригласили: во втором отделении я должен был читать стихи Шевченко и какой-то эпизод из сценария. Получилось так, что я приехал раньше, а Александр Петрович опоздал. Он пришел страшно взволнованный и сказал мне:

— Я попрошу вас помочь мне найти столик,— и подробно описал его: — Овальный, с гладкой поверхностью, невысокий столик. Мне уже показывали столики, но это не те. Пожалуйста, поищите, помогите...

В ЦДРИ много комнат, я, кажется, заглянул во все и наконец нашел что-то, приблизительно соответствовавшее описаниям.

— Пожалуй, этот столик подойдет ...— сказал задумчиво Александр Петрович.— Я прошу вас, проследите, пожалуйста, чтобы этот столик поставили не на середине, а немножко в глубину и левее от зеркала сцены — так, чтобы он не выпирал.

Я еще уточнял — занавес открывался и закрывался, столик переставляли туда и сюда. Все было не то. В конце концов я попросил:

— Александр Петрович, может, вы сами определите, где должен стоять столик? — и он было поставил его, но в это время открыли занавес и объявили: «Сейчас с вами поговорит Александр Петрович Довженко!»

Довженко вышел из-за кулис, посмотрел на столик, уже хотел направиться к нему, но потом на секунду остановился, подумал и, видимо, найдя более совершенное решение, шагнул на авансцену. В тот момент я подумал: «Зачем я столько мук вынес с «этим столиком»?» — но, наверное, я был не прав, потому что сделал не все, что было нужно. Может, требовалось, чтобы столик создавал масштаб и глубину «кадра»? Довженко на авансцене и столик в глубине — может, это и было искомое?.. Во всяком случае, я до сих пор не знаю, что Александр Петрович имел в виду. А тогда он вышел и сказал:

— Я в скором времени закончу работу над сценарием «Поэма о море».

Но эти слова я уже слышал. Не раз. На худсовете «Мосфильма» то и дело спрашивали: «Александр Петрович, когда вы закончите сценарий?» Довженко думал, потом отвечал: «В этом году собираюсь закончить». Позже, уже с раздражением, спросил И. А. Пырьев: «Александр Петрович, когда же?» Довженко подумал, потом ответил: «В скором времени закончу». И так далее. Словом, сценарии он писал так же тщательно и мучительно, как снимал.

Когда режиссер читает свой сценарий, это не всегда производит должное впечатление на слушателей, потому что сценарий — лишь некое обозначение будущего фильма, а вся картина — в голове, в мыслях, в сердце. Я, например, был свидетелем того, как Александр Петрович — в Театре киноактера или на худсовете студии, точно уже не помню, — читал свой сценарий, который начинался так:

— Пейзаж... Пейзаж... Еще один пейзаж... Наикрасивший (то есть лучший) пейзаж... Пейзаж... Пейзаж... Пейзаж...

Только у него, конечно, перед глазами вставали «нужные» картины, для остальных они, разумеется, были до выхода фильма завешаны до семью печатями.

К сожалению, чтение Довженко в тот вечер в ЦДРИ особого впечатления не произвело. Молодежь, собравшаяся в зале, приготовилась слушать концерт. А тут выходит режиссер со сценарием... Стоял шум, гам, кто-то разговаривал, кто-то вышел из зала. И чем больше Александр Петрович хотел удержать внимание, чем громче звенел его высокий «несолидный» голос, тем больший был шум. Наконец, он кончил читать. Я стоял за кулисами. Довженко сказал с горечью:

— Не понимаю нынешнюю молодежь, — хотя понимал он ее очень хорошо...

Александра Петровича от многих отличала особенная стать — это был красивейший человек.

У него была крепко посаженная голова поэта. Он всегда гордо нес свою седую голову... Именно «нес» — другого слова не подберу. Высокий лоб мыслителя, красивый соразмерный нос, светлые глаза... Вся голова была скульптурной, недаром многие скульпторы хотели его лепить — и лепили.

Для него палка не являлась физической опорой — то была **воинственная** палка: он ею показывал, чертил... А если шел с ней в злаки, то располагал ее, как древо, на которое опирался чисто символически. Палка была простой, но — довженковской, я бы сказал, формы.

И ноги его никогда не были ногами старца: они напоминали ноги одной из скульптур раннего Родена — в них чувствовалась такая энергия...

ВИН БУВ такий високий интеллигент, но проявления в нем — селянские. То есть не был он городским человеком. Он вырос «в семье земледельца» и любил землю: в городе ему было трудно. Не «монтировался» Александр Петрович с городом. На фоне городского пейзажа как-то обидно становилось аа него, за этого льва: его ж надо выпустить вон туда — на простор...

«Я всегда думал и думаю, что без горячей любви к природе человек не может быть художником. Да и не только художником», — писал Довженко. Сам он любил природу беззаветно.

Я помню: перерыв между съемками. Довженко собирает вокруг себя людей, опускается на траву (только он мог так, садясь, поджать ноги; он так их располагал, что думалось: «Как же это вообще возможно?» — но ему было удобно) и начинает рассказывать, **настраивая артистов для следующей** съемки.

В тот раз он говорил об аистах, о своей любимой птице. О том, что когда должен возвратиться аист, аистиха ждет его. Но проходят сроки—«Нет аиста... И тогда она поднимается высоко в небо, складывает крылья, камнем летит вниз и разбивается о землю». Каждый знает эту легенду, но в его устах она оборачивалась поэмой, потому что рассказчик он был необыкновенный.

Всю жизнь он был связан с землей, в которой что-то выращивал. Много посадил он деревьев, многого. У себя на даче, в киноэкспедициях, на студиях. На «Мосфильме» сады — довженковские. А в Киеве он находил участки, занимался их планировкой, отбирал деревья.

Он любил естественность природы и, может быть, потому не принимал многие здания города. Когда на «Мосфильме» поднялись новые корпуса, связанные со старыми сложной сетью переходов, Александр Петрович сказал:

— На этом «Мосфильме» есть места, где не ступала нога человека...

До сих пор, когда я в кино вижу подсолнух, у меня перед глазами встает Довженко. Тут же. Мгновенно. Потому что Александр Петрович очень любил подсолнухи...

ОН и фотографироваться любил на природе — в высокой траве или злаках. Взгляд у него всегда был обращен вдаль. Як у сокола. «Чому я не сокіл, чому не літаю?..» Если взять большинство фотографий Довженко и провести линию горизонта, то обнаружится, что Александр Петрович обычно смотрел поверх этой линии, будто заглядывал туда, за край земли, в беспредельность мира. Надо сказать, он любил и умел заглядывать «туда». Говорят, одни из первейших признаков человеческого величия — способность предугадать наступление великих событий. Этой способностью обладал Довженко.

Теперь уже, наверное, многими забыто, что Александр Петрович еще на Втором съезде писателей говорил о научном прогнозе — о том, что до двухтысячного года «человечество обследует всю твердь солнечной системы». «Что же, как не кино, перенесет нас зримо в иные миры, на другие планеты? Что расширит наш духовный мир, наше познание до размеров поистине фантастических? Кинематография».

А меньше, чем через три года, когда Александра Петровича уже не было в живых, в космос взлетел первый наш спутник...

В последние годы Довженко собирался снимать фильм о космосе и даже написал несколько вариантов заявок, последняя из которых была озаглавлена так: «В глубинах космоса. Краткое содержание художественного научно-фантастического фильма о полете на Марс и другие планеты». Когда он выступал на Втором съезде писателей, то уже думал о будущем фильме.

НЕ ТАК давно мне довелось вместе с другими на Киевской студии художественных фильмов имени Довженко смотреть лучшие работы года. Мне называли там имена режиссеров «среднего поколения» (то же самое утверждение я встречал в статьях некоторых наших киноведов), якобы сменивших у нас родоначальников «поэтического кинематографа». Такие утверждения было странно слышать, потому что еще не так давно слова «родоначальник поэтического кинематографа» на этой студии относились лишь к одному имени — Довженко. Потому что поэтический кинематограф Довженко — это глубина постижения жизни поэтом. Глубина не исследования, как стало модным сейчас говорить, а именно — постижения жизни.

А то ведь порой получается так, что за поэтический кинематограф принимают распределение цветовых пятен на плоскости. Но это ведь дает длиннофокусная оптика, разве не так? Лет сорок назад ее не было, зато був сам поэт — ДОВЖЕНКО. Кое-кто сейчас берет телеобъектив и смотрит на ту же землю, на которую смотрел и Довженко, но с другим результатом: обозначаются некие цветовые пятна. Говорят, получается ближе к абстракции, а это модно и современно. И не замечают, что за всем тем уходят и поры человеческой кожи, и поры земли, и роса на траве, и восковая патина яблок, заменяясь упрощенным понятием «пятна на плоскости».

Мне кажется, одно наличие в кадре ярких национальных костюмов недостаточно, чтобы впредь числить фильм по разряду поэтического кинематографа. Нет спору, яркие костюмы — красочное зрелище, но одной этнографии все-таки маловато для причисления к искомому разряду. И совсем плохо, когда все подчиняется цветовым пятнам — даже не в глубину, а на плоскости.

Как воспринимаем мы мир? Что поражает нас в природе? Скажем, воздушная среда, которая создает перспективу и которую величайшие художники каким-то чудом умели уловить. Или, например, поражает многоплановость, которая тоже создает сложность мира. Но всего этого нет в картинах, где оператор выходит на первый план, подменяя «жизнь человеческого духа».

Наверное, не надо забывать и о традициях нашего кинематографа — они ведь существуют. Не бывает того в природе, чтобы возникло что-то новое, крестнакрест перечеркнув все старое: новое собирается по крупинкам и вырастает из того же старого. Не надо забывать ни об этих крупинках, ни о глыбах, которые в свое время положил в основание поэтического кинематографа Довженко. «По жанру я относился к поэтическому роду», — писал Довженко. Многие ли могут повторить это вслед за ним?

ЕСЛИ взять сценарии Довженко и сложить в отдельную книгу его знаменитые лирические отступления и авторские реплики, получилось бы своеобразное сочинение о его взглядах на искусство и жизнь, об эстетике кино, о теории и практике кинодела. Если бы кто-нибудь проделал такую работу, он принес бы пользу прежде всего кинематографистам, для которых книга явилась бы учебником по теории и практике сценарного дела и минорежиссуры.

Один пример того, что Максим Рыльский назвал «довженковскими» «неправдоподобностями»: в «Зачарованной Десне» среди прочей живности вдруг появляется... рыкающий лев. Лев! Не знаю, был ли в начале нынешнего века на реке Десне львы — скорее всего, и сто, и двести лет до того не водились. Но какое это имеет значение? Художнику дано право на вымысел, тем более — маленькому мальчику, будущему художнику, от имени которого ведется рассказ в картине. А дальше следует воображаемый разговор автора с редактором:

— Почему не написать, что, когда я был мальчиком на Десне, мне страстно хотелось, чтобы всюду водились львы...

— Это неправдоподобно, и потом это могут не понять.

— Но я же маленький был и не имел еще тогда здравого смысла. Я чувствовал тогда, что, может быть, оно пригодится.

— Для чего?

— Не знаю. Может быть, для счастья.

— Вычеркиваем. Льва ведь можно было и не увидать, если это вообще не фантазия.

— Ни за что!..

— Спокойно. Льва можно заменить чем-нибудь более созвучным. Можно написать правдиво про коней. Кони ведь были у вас?

— Мне про коней стыдно писать.

— Почему?

— Они были худые и некрасивые.

— Ну тогда можно их как-то обобщить.

— Их нельзя обобщать. Они были в коросте. Кроме того, наши кони были невеселые.

— Ну и что?

Где Довженко увидел льва, другие лягушку не увидели, хотя много их в тех местах по болотам квакает...

Сценарии Довженко — это большая литература, им уготована долгая жизнь, и не только в собраниях сочинений. Сколько уже было экранизаций «Войны и мира», «Анны Карениной», «Тихого Дона»? И будут еще. Так и сценарии Довженко, по которым он не успел снять фильмы, послужат еще, я уверен, основой бесконечного числа экранизаций.

О ВЛИЯНИИ Довженко на советский кинематограф уже говорилось много и подробно. Нелишне напомнить, что его творчество имело огромное значение и для мирового кино. Вот хотя бы, в частности, опубликованное в нашей печати высказывание крупных кинематографистов Италии К. Лидзани и М. Мида: «Теперь уже установлено, что в наиболее значительных и волнующих произведениях итальянского неореализма, прежде всего в работах Росселлини и других, глубоко сказываются хорошо усвоенные уроки Довженко».

Всем своим творчеством Довженко пробуждал и утверждал в условеке любовь к жизни, а это и есть высшее назначение искусства. Чтобы быть способным на такие свершения, художник, помимо таланта, мастерства и прочего, должен еще и беззаветно любить людей. Вот так любил людей Довженко.

После одной из поездок к строителям Каховки Александр Петрович говорил на лекции, прочитанной им на режиссерских курсах «Мосфильма»:

— Я так полюбил этих людей, что (вы, может быть, посмеетесь надо мцой) иногда плакал от чувства любви к ним.

Он читал лекцию 19 ноября 1958 года. Через неделю его не стало...

Может быть, один из главных уроков Довженко именно в этом — в любви к людям, для которых он работал и жил...

Есть несколько художников, о которых Сергей Бондарчук в частных, как принято говорить, беседах вспоминает с любовью и благоговением; один из них — Александр Петрович Довженко. Было естественно поэтому в преддверии 80-летия со дня рождения выдающегося советского кинорежиссера попросить именно С. Бондарчука рассказать о творчестве А. Довженко и встречах с ним.

Время для разговоров было выбрано не самое удачное: после четырехлетнего перерыва, когда Бондарчук появился на съемочной площадке только по другую сторону «барьера» — как актер — он, наконец, приступил к постановке своего четвертого фильма — «Они сражались за Родину» по роману Михаила Шолохова. На учете каждый день и час, потому что за пять летних и осенних месяцев надо отснять всю натуру (практически весь фильм) двух серий; необыкновенно сложных по «кинематографическому контрапункту». До разговоров ли тут?.. Но Сергей Федорович согласился сразу.

Рассказывая, Бондарчук иногда бросал несколько слов по-украински, иногда смеялся, иногда мрачнел и надолго замолкал. А говорили мы каждую свободную минуту: до и после съемок, в перерывах, за завтраком, обедом и ужином, в машине, в гостинице...

Григорий ЦИТРИНИН,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

ГАСТРОЛИ-74

ТВОРЧЕСКИЙ ПОИСК. Юозас Мильтинис — народный артист СССР, главный режиссер Паневежисского драматического театра

Фото Д. ФАСТОВСКОГО

СЕМЬ ДНЕЙ В СЕНТЯБРЕ...

ВОЛГАРИЯ: 30 ЛЕТ СВОБОДЫ

МНОГОВЕКОВАЯ МЕЧТА ОСУЩЕСТВИЛАСЬ!

В эти дни болгарский народ отмечает великую дату своей истории — тридцатилетие социалистической революции. Юбилейные торжества вылились в волнующую демонстрацию братской солидарности народов социалистических стран. На празднование прибыли многочисленные зарубежные делегации, в том числе партийно-государственная делегация Советского Союза во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. ПОДГОРНЫМ.

Своими мыслями об историческом значении победы социализма в Болгарии и итогах славного 30-летия делится с читателями «Литературной газеты» известный болгарский поэт, член ЦК БКП, первый заместитель Председателя Национального совета Отечественного фронта, лауреат Димитровской премии Любомир ЛЕВЧЕВ.

Народная Республика Болгария празднует свое историческое тридцатилетие, тридцатилетие свободы. Это была победа, которая увенчала долгую борьбу Болгарской коммунистической партии, рабочего класса и объединенных ими прогрессивных сил страны. Поэтому сегодня наш народ вспоминает с благодарностью героизм тех революционных поколений, которые вынесли на своих плечах восстание 1918 года и, учась у русских большевиков, вооруженным путем свергли буржуазно - монархическую власть в нашей стране. Сегодня мы склоняем боевые знамена перед героями антифашистского восстания 1923 года. Мы вспоминаем тех, кто погиб, сражаясь в партизанских отрядах и нелегальных боевых группах. Мы чтим память политических заключенных и узников концлагерей — всех тех, кто отдал свои жизни делу партии, священной борьбе за коммунистическое будущее. В легендарной летописи борьбы за свободу возвышается могучая фигура Георгия Димитрова.

В юбилейные дни весь болгарский народ еще раз приносит свою глубокую благодарность героям славной Красной Армии, без чьей решающей помощи не взошла бы звезда свободы моей родины. В этом смысле 9 сентября — наш общий праздник. Вся эти тридцать лет с полным правом можно назвать памятником великой и животворной болгаро-советской дружбе. За эти годы братство по оружию превратилось в братство созидания. С помощью великого Советского Союза Болгария, в прошлом нищая страна, стала индустриально-аграрным государством.

X съезд Болгарской коммунистической партии принял новую программу, которая определяет пути построения развитого социалистического общества. Товарищу Тодору Живкову принадлежат знаменательные слова: «Болгарская коммунистическая партия — плоть от плоти и кровь от крови народа. На протяжении всей ее долгой истории у нее никогда не было других интересов, кроме интересов рабочего класса, интересов трудового народа, интересов социализма и коммунизма. Она и впредь будет высоко держать красное революционное знамя и хранить его незапятнанным, будет руководить борьбой народа за счастье, за дальнейший подъем родины, за полную победу коммунистического идеала».

Празднуя свое 30-летие, Болгария уверенно смотрит в будущее. Гарантией этого является для нас Программа мира, провозглашенная XXIV съездом КПСС, последовательно и плодотворно осуществляемая Центральным Комитетом КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым. Гарантией этого являются развивающееся всестороннее сотрудничество между братскими странами социализма, крепнущая дружба между Советским Союзом и Народной Республикой Болгарией.

В 1876 году вооруженный отряд болгарских борцов за национальное освобождение захватил австрийский корабль «Радецкий» и высадился на дунайском берегу возле города Ковлодуй. Этим отрядом руководил великий болгарский поэт Христо Ботев. Вступив на родную землю, бойцы приняли неравный бой и погибли. Сегодня на этом самом месте пущена первая на Балканах атомная электростанция, построенная с помощью советских специалистов и оборудованная советской техникой. Болгарский народ гордится тем, что за 30 лет свободы осуществил свою многовековую мечту. Кровь борцов за народное счастье не пропала даром.

Любомир ЛЕВЧЕВ

СОФИЯ. (По телефону)

ГЛАВНАЯ ТЕМА

ДИПЛОМАТИЯ МИРА

ЗАРУБЕЖНАЯ ПЕЧАТЬ О РЕЧИ Л. И. БРЕЖНЕВА В НОВОРОССИЙСКЕ

Зарубежная печать, информационные агентства, радио и телевидение продолжают уделять большое внимание речи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в Новороссийске на вручении городу-герою ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

В своей речи в Новороссийске, указала газета «Нойес Дойчланд», Генеральный секретарь ЦК КПСС дал исключительно высокую оценку героизму защитников этого города в годы Великой Отечественной войны. Сейчас Советский Союз находится на важном этапе коммунистического строительства, в стране происходит новый мощный подъем всенародного социалистического соревнования, отмечает «Нойес Дойчланд».

КПСС и Советское правительство, отмечает венгерская «Непсабадшаг», выдвигают новые сложные и грандиозные по масштабам задачи, выполнение которых обеспечит еще больший расцвет Советского Союза, его успешное продвижение по пути строительства коммунизма.

«Брежнев: хорошие перспективы для мира» — такой заголовок дала к сообщению о речи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в городе-герое Новороссийске югославская газета «Борба».

Внешняя политика Советского Союза, пишет французская «Юманите», — это политика мира. Как указал в своей речи Л. И. Брежнев, отмечает газета, нельзя еще утверждать, что и в Европе, и тем более на всем земном шаре уже создан прочный фундамент мира. Это было бы преждевременно. Но то, что уже сделано и делается в этом направлении, открывает обнадеживающие перспективы.

Многие западные газеты обращают внимание на тот раздел речи Л. И. Брежнева, в котором говорится об экономических достижениях Советского Союза. Хотя в некоторых областях Сибири и части Казахстана сложилась неблагоприятная обстановка, пишет «Нью-Йорк таймс», Советский Союз, крупнейший мировой производитель зерна, соберет в этом году один из самых больших урожаев.

Под заголовками «Светлые перспективы роста экономики», «Наращивание темпов сельскохозяйственного и промышленного производства» японские газеты опубликовали сообщения своих московских корреспондентов о речи Л. И. Брежнева. Выступление в Новороссийске Генерального секретаря ЦК КПСС, пишет «Иомиури», несомненно, будет встречено с большим интересом во всем мире. Л. И. Брежнев, указывает газета, подчеркнул, что советская дипломатия является дипломатией мира.

(ТАСС)

ВРЕМЕНИ ВОПРЕКИ

УРОКИ СИММЕТРИИ ДЖЕЙМСА БЕРНХЭМА

Весьма симптоматично, что известный американский антикоммунист Джеймс Бернхэм недавно поостерегся в открытую и прямо высказаться против разрядки.

Чудес на свете не бывает, и Бернхэм остается Бернхэмом, не просто уроженцем города Чикаго, выпускником Принстона и Оксфорда, профессором философии в университете Нью-Йорка, но и автором дюжины книг, из которых добрая половина учила тому, как следует вести «холодную войну» и сеять семена антикоммунизма и антисоветизма в современном мире.

А между тем факт налицо. Идеологический диверсант и соредактор (на протяжении последних двадцати лет) ультраправого еженедельника «Нэшнл ревью», издаваемого семейством влиятельных нью-йоркских богачей Бакли, смиренно признается в своей редакторской колонке: «Я не собираюсь обсуждать здесь сущность политики разрядки».

В чем дело? На бастионах «холодной войны» он бестрепетной рукой дергал шнуры самых крупных орудий. Поддержка Бакли ему обеспечена, в этом можно не сомневаться. А он тем не менее уклонился от высказываний по существу. Тому есть простое объяснение. За позитивными переменами в советско-американских отношениях со всеми вытекающими из них договорами, соглашениями, совместными проектами, контрактами и связями — надежды миллионов людей. Даже в четырех стенах своего кабинета на 35-й Восточной улице в Нью-Йорке Бернхэм чувствует это, но он изменил бы самому себе, если бы вообще отказался от атаки на разрядку.

Ему, видите ли, не нравится то, как политика разрядки проводится в жизнь. Хотя Бернхэм цитирует 37-го президента Соединенных Штатов: «Мы не должны подсказывать русским, как им вести их собственные дела», он, однако, придерживается совершенно иного мнения, далекого от реальности. Отказ американской стороны от любых попыток «оказывать влияние на внутренние дела Советского Союза» он считает большим минусом разрядки. Он пошел значительно дальше тех, кто поначалу представлял себе разрядку чем-то вроде простой коммерческой сделки: мы — вам, вы — нам. Вслед за Генри Джексоном, вслед за сенатором от штата Нью-Йорк Джеймсом Бакли, вслед за своим патроном по журналу «Нэшнл ревью» Уильямом Бакли он фактически предлагает все последующее развитие советско-американских отношений поставить в зависимость от выполнения Советским Союзом ряда условий... Вот один лишь пример. «Не оказывается никакого давления, — сожалеет Бернхэм,—чтобы убедить Советское правительство в том, что дружественные отношения невозможны до тех пор, пока часть советской территории закрыта для иностранных посетителей». Обратите внимание, что вмешательство в дела другой страны приравнивается к «дружественным отношениям», а давление рассматривается как инструмент разрядки.

Бернхэм оправдывается тем, что все равно, мол, нарушена «симметрия» в отношениях между США и Советским Союзом. Как сие понимать? Да вот критикует же советская печать американский военно-промышленный комплекс, империалистическую реакцию, сионистские круги, профессиональных антикоммунистов — разве не явное нарушение симметрии! Ну, а как в таком случае расценить появление статьи самого Бернхэма — восстанавливает ли она равновесие или порождает новую асимметрию?

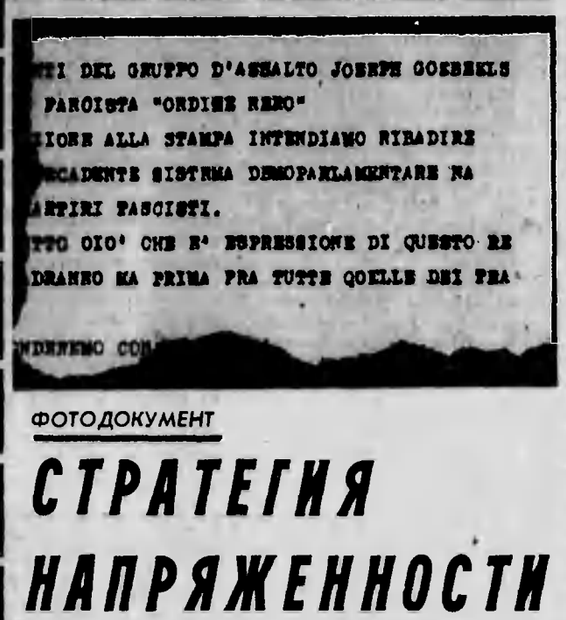
Впрочем, очередная асимметрия у Бернхэма уже наготове. Он обнаружил ее на переговорах по ограничению стратегических вооружений. Это уже дело серьезное. Но как несерьезно и безответственно уязвляет автор самолюбие иных, слабо разбирающихся в политике американцев, заявляя, будто Соединенные Штаты поставлены там в положение «просителя (а можно перевести — и нищего, и попрошайки) с шапкой в руке, опускающего очи долу и смиренно понижающего голос». Доказательств — никаких. А ведь не каждый читатель «Нэшнл ревью» обязательно узнает из газет официальное сообщение: правительства Советского Союза и США договорились возобновить соответствующие переговоры в Женеве не далее как через неделю.

Если воспользоваться терминологией Бернхэма, то и нам я свою очередь видится асимметрия между общей тенденцией, наметившейся в отношениях между США и Советским Союзом, и тем, к чему призывает и что проповедует Бернхэм. Она определенно не в духе времени. Зато вполне во вкусе Бернхэма. Ну, и семейства Бакли, конечно, тоже.

Юрий ЯРЦЕВ

ФОТОДОКУМЕНТ

СТРАТЕГИЯ НАПРЯЖЕННОСТИ

«Мы, участники штурмового отряда имени Геббельса из фашистской организации «Черный порядок», в этом заявлении для печати бросаем вызов демо-парламентской системе... и выступаем против всего, что является выражением этой системы. Скоро покатится много голов...»

«Мы назначаем свидание на осень. Осенью мы похороним демократию под горами трупов...»

Листки такого содержания приходят в редакции различных итальянских газет и журналов, их находят в кабинах телефонов-автоматов, в лужах крови — рядом с трупами ни в чем не повинных жертв очередной террористической акции, а подъездах домов. В печати все чаще публикуются сенсационные «разоблачительные» материалы и фотоснимки, подбрасываемые неизвестными «доброхотами». Реакционные политические силы стремятся посеять панику, навязать стране свою «стратегию напряженности».

Публикуемые снимки взяты из итальянских еженедельников «Темпо» и «Эуропео». На первом из них — листовка организации «Черный порядок»; справа — останки людей, погибших 4 августа от взрыва бомбы, подложенной фашистами в экспресс Рим — Мюнхен; внизу — фашистские бандиты в одном из своих военизированных лагерей готовятся к очередной «акции».

ТЕЛЕКС

ЧУДО-АППАРАТ

С помощью аппарата по регулированию температуры мозга, который демонстрировался в советском павильоне на Международной ярмарке в Боготе, была спасена жизнь 18-летнего студента-медика Хосуса Грисалеса, получившего сильное сотрясение мозга в результате дорожной катастрофы. Аппарат посылает электрические импульсы, охлаждающие мозг, и препятствует его воспалению, которое может вызвать немедленную смерть. В столичной больнице «Ла-Ортуа» шесть советских специалистов вместе с колумбийскими врачами боролись за жизнь пациента. Колумбийские врачи назвали советский аппарат чудодейственным.

ТАСС

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Как сообщили в кругах голландского правительства, правительство США информировало своих европейских союзников о том, что президент Форд намерен назначить руководителя аппарата Белого дома Александра Хейга-младшего верховным главнокомандующим союзническими силами в Европе.

По сведениям из тех же кругов, голландский министр иностранных дел Макс ван дер Стул возражает против этого назначения и начал зондировать почву среди своих европейских союзников, чтобы совместно выступить против этой кандидатуры.

ЮПИ

УСТУПКА ЗА УСТУПКУ

Чилийские власти закрыли представительство тайваньского информационного агентства Сентрал Ньюс в Сантьяго.

Газета «Сегунда» сообщила, что этот шаг был предпринят после просьбы, поступившей от посольства КНР, поддерживающей дипломатические отношения с военным режимом Чили.

КНР — крупный потребитель чилийской меди и нитратов.

ФРАНС ПРЕСС

ПОВЫШАЮТ АВТОРИТЕТ

Генерал Моше Даян посетил ЮАР. Принимал его «Южноафриканский фонд» — организация, состоящая главным образом из промышленников. Фонд преследует цель содействовать повышению авторитета ЮАР с помощью контактов с иностранными деятелями...

ФРАНС ПРЕСС

100 000 НАРКОМАНОВ

Более 100 тысяч молодых людей в Рио-де-Жанейро потребляют наркотики, сообщила газета «Глобу». Эта цифра может оказаться больше в настоящее время, поскольку она относится к 1972 году, заявила врач Ванна Лопис Кансаду в интервью корреспонденту этой газеты (г-жа Лопис Кансаду — директор городской службы срочной психиатрической помощи).

Врач полагает, что наркомания в Рио-де-Жанейро увеличивается в угрожающих размерах и что в основном она наблюдается среди молодежи в возрасте от 12 до 25 лет.

ПРЕНСА ЛАТИНА

СЛОНОВ ПОД ЗАЩИТУ

Кенийское правительство собирается установить контроль над охотой на слонов и над торговлей слоновой костью в попытке искоренить браконьерство и контрабанду. В соответствии с этим решением, о котором объявил министр по делам туризма и заповедников Джансон Шако, скупной слоновых бивней на местах и экспортом их за границу отныне будет заниматься только правительство. В Кении, по подсчетам, 100 000 слонов.

Шако сообщил, что полиция в настоящее время расследует загадочное дело с отправкой в Гонконг крупной партии слоновых бивней в ящиках, на которых красовался ярлык «ткани».

РЕЙТЕР

ДОСЬЕ «ЛГ»

ИЗРАИЛЬ: ПСИХИЧЕСКАЯ АТАКА?

События последних недель, происходящие на Ближнем Востоке, подтверждают, что этот район продолжает оставаться взрывоопасным. Не прекращаются угрозы израильской военщины в адрес арабских стран. Тель-Авив не желает выполнять известные резолюции Совета Безопасности ООН. Заявления израильских лидеров ясно указывают на то, что они по-прежнему стремятся увековечить оккупацию арабских земель и их аннексию.

Вот некоторые свидетельства этому.

Премьер-министр Ицхак Рабин заявил, что Израиль не осуществит дальнейшего ухода с оккупированной арабской территории. Он уточнил далее, что Израиль не отойдет на линии июня 1967 года и не допустит создания палестинского государства на оккупированном западном берегу реки Иордан и в полосе Газы.

Юнайтед Пресс Интернейшнл

Израильские вооруженные силы строят ряд мощных укреплений вдоль своих позиций на Голанских высотах. Газета «Едиот ахронот» сообщила, что новые укрепления будут строиться и вдоль израильских фронтов с Египтом и Иорданией.

Франс Пресс

Израильская армия провела большие военные маневры на оккупированном западном берегу реки Иордан. В них приняли участие пехотные, бронетанковые и воздушно-десантные подразделения, имитировавшие боевые действия в Иорданской пустыне.

Юнайтед Пресс Интернейшнл

Вдоль ливанской и сирийской границ продолжаются интенсивная концентрация и передвижение израильских войск. Танки и другая военная техника движутся из глубинных районов Израиля. По мнению наблюдателей, вдоль границ в настоящее время находится более 50 тысяч израильских солдат. У побережья Южного Ливана продолжают курсировать военные корабли Израиля. Был совершен облет Бейрута.

«Аль-Хайят» (ЛИВАН)

Из военных источников стало известно, что солдаты израильских войск безопасности арестовали за последнее время свыше 800 арабов. В сообщении говорилось, что 507 человек, подозреваемых в том, что они являются партизанами, были арестованы на западном берегу реки Иордан и 304 — в полосе Газы.

Юнайтед Пресс Интернейшнл

Ближний Восток стоит накануне новых широких военных действий. Израиль любой ценой постарается восстановить свои позиции, которые он удерживал после «шестидневной войны», и «реабилитировать» мощь своей армии, понесшей поражение в октябре прошлого года.

Кроме того, правящие круги Израиля не намерены садиться за стол переговоров Женевской мирной конференции с представителями палестинского движения сопротивления.

«Аль-Хайят» (ЛИВАН)

Министр обороны Шимон Перес заявил, что Израиль должен увеличить свою постоянную армию. Профессиональная армия этой страны насчитывает около 100 тысяч человек, а при всеобщей мобилизации ее можно довести до 375 тысяч.

Юнайтед Пресс Интернейшнл

Ровно в полдень 25 августа израильское радио начало передавать зашифрованные позывные, которые явились сигналом к мобилизации резервистов. В эфире раздались слова: «Самсон и Далила», «Наследство предков», «Резаный цыпленок»... Транспортный самолет кружил в воздухе над Тель-Авивом, сбрасывая листовки с тридцатью аналогичными кодовыми фразами. Десятки тысяч резервистов были мобилизованы для проведения так называемых однодневных «учений». По всей стране установилась обстановка искусственно созданной напряженности, нарушилось движение транспорта.

ТАСС

Проведенную в Израиле «учебную» всеобщую мобилизацию следует расценивать как попытку Тель-Авива повредить усилиям, направленным на установление справедливого мира на Ближнем Востоке.

«Ас-Саура» (СИРИЯ)

Как заявил израильский министр транспорта Гад Якобо, Израиль наверняка сохранит в своих руках Шарм-аш-Шейх — ключевой город и район на южной оконечности Синайского полуострова, где сходятся Суэцкий залив и залив Акаба.

Франс Пресс

По сообщению военного командования, израильские танковые подразделения проводят боевые учения в Синайской пустыне. Это второе мероприятие по проверке готовности Израиля к войне, проводимое в послевоенное время. На информацию об учебной мобилизации и боевых учениях наложена строгая цензура.

Юнайтед Пресс Интернейшнл

Израиль сообщил, что он вызовет на призывные пункты десятки тысяч мужчин, которые были признаны негодными к военной службе. За счет этих призывников будут сформированы новые и усилены существующие подразделения на линии фронта.

Юнайтед Пресс Интернейшнл

Израильский кабинет министров обсуждал возможность призыва на военную службу забастовщиков авиатранспортной компании «Эл-Ал».

Рейтер

Военные расходы Израиля составят в этом году 4 миллиарда долларов против 1 миллиарда 800 миллионов в минувшем году. Об этом заявил в Иерусалиме казначей Еврейского агентства Арие Дульцин.

ТАСС

Премьер-министр И. Рабин заявил, что со времени войны 1967 года, когда Израиль захватил арабский сектор Иерусалима, он «был и останется израильской столицей, объединенным городом и частью Израиля».

Ассошиэйтед Пресс

Находящийся под арестом глава греко-католической церкви в Иерусалиме архиепископ Илларион Капуччи объявил голодовку, чтобы добиться от израильских властей своего освобождения.

Ассошиэйтед Пресс

Министр полиции Шломо Хиллель заявил, что в Израиле недавно было сооружено 3 тысячи убежищ на случай возобновления военных действий. Он предостерег, что весь Израиль может стать «фронтом», если снова начнется война.

Франс Пресс

Время, прошедшее с октября прошлого года, и события на Ближнем Востоке убедительно говорят о том, что Израиль не намерен выполнять резолюции Совета Безопасности ООН и уходить с арабских территорий. Он ведет дипломатическую игру лишь для того, чтобы выиграть время, необходимое для подготовки к новой войне... Сообщения из Тель-Авива и с западного берега реки Иордан говорят о том, что в Израиле воцарилась атмосфера, напоминающая ту, которая была накануне 5 июня 1967 года...

«Аджиляль газетт» (ЕГИПЕТ)

КИТАЙ СЕГОДНЯ

ТАИНСТВЕННЫЕ ПИСЬМА

Английская газета «Санди телеграф» поместила заметку под заголовком «Загадка антимаоистских лозунгов в Китае». В ней сообщается следующий любопытный факт.

С некоторых пор в письма, получаемые группой послов в Пекине, вкладываются каким-то таинственным образом кусочки бумаги, на которых по-английски написаны антимаоистские лозунги. Они гласят: «Долой председателя Мао Цзэ-дуна и старую шайку!», «Пусть красные охранники получат справедливое вознаграждение!», «Остерегайтесь правых и сторонников капиталистического пути, восстановленных сейчас у власти премьером Чжоу Энь-лаем!»

Впервые подобная антимаоистская пропаганда, говорится в заметке, появилась несколько недель назад в мешке с корреспонденцией, получаемой австралийским посольством в Пекине из Сиднея. Вначале полагали, что эти хорошо отпечатанные лозунги вкладывались в письма в Гонконге, где некая группа вскрывала конверты, держа их над паром, а затем вновь заклеивала.

Проведенные расследования показали, однако, что сделать это было невозможно. Мешки с почтой, поступающие из Австралии, Японии и других заморских территорий и адресованные в Китай, в Гонконге вскрываться не могут. Они находятся под полицейской охраной с момента доставки вплоть до передачи их китайским властям на границе.

«Санди телеграф» высказывает в связи с этим следующие догадки. Поскольку маловероятно, чтобы один и тот же сорт бумаги и одна и та же печать использовались заговорщиками в Сиднее, Лондоне, Париже, Афинах и Риме, пропаганда, направленная против председателя Мао, организуется скорее всего в самом Китае. Некоторые лозунги написаны карандашом на обратной стороне счетов и писем, поступивших из столиц иностранных государств. Это говорит о том, что их авторы — разочарованные люди из числа бывших активных участников «культурной революции», которые впоследствии были направлены на работу в главное почтовое управление сортировать почту.

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

Две хозяйственные организации заключили между собой договор. Допустим, одна снабжает другую вагонами или энергией. Может ли в этом случае одна из договаривающихся сторон выступать одновременно как контролер, ревизор в отношении другой? Посылать к партнеру своих проверяющих, требовать документы, налагать штрафы?

Автор публикуемой сегодня статьи решительно высказывается против подобного партнерства. Нет, не могут, утверждает он, быть столь неравноправными отношения организаций, связанных договором. Статья продолжает дискуссию «Экономика и право», в которой были представлены личные мнения многих авторов, основанные на их жизненном и хозяйственном опыте, научных познаниях в области права, управления экономикой. В ходе обсуждения высказано немало и спорных точек зрения. Столь же не бесспорной представляется нам и позиция Г. Кулагина.

Видимо, в определенных случаях право контроля все же необходимо и договор не может быть к тому препятствием. Тем не менее мы не беремся об этом судить в полной мере. Надеемся, что истина выяснится в ходе дискуссии о совершенствовании хозяйственного права. Однако необходимо подчеркнуть и одно бесспорное, на наш взгляд, положение. Если контрольные функции определенных контрагентов (партнеров по хозяйственной деятельности) все же будут признаны необходимыми, то, безусловно, должны быть четко определены их правовые пределы, обязательства сторон, участвующих в договоре, взаимная их юридическая и экономическая ответственность.

Выступая перед избирателями Бауманского избирательного округа, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев говорил:

«Хотелось бы сказать несколько слов о правовом регулировании хозяйственной деятельности. К сожалению, длительное время этим вопросам не уделялось должного внимания и в результате тут накопилось много нерешенных проблем. В каждой отрасли народного хозяйства действуют тысячи разных предписаний и инструкций. Попробуй в них разобраться! Тем более, что многие из этих инструкций устарели, содержат неоправданные ограничения, мелочное регламентирование. Это стесняет инициативу, противоречит новым требованиям, которые ныне предъявляются к экономике.

Думаю, что Верховный Совет нового созыва, правительство, министерства и ведомства серьезно займутся этим делом».

Правовое регулирование хозяйственной деятельности — проблема сложная, многоплановая. Обсуждение ее не может свестись лишь к констатации нынешнего положения вещей. И естественно, что участники нашей дискуссии высказывают и свои конструктивные предложения. О практической целесообразности того или иного из них пока еще, пожалуй, судить преждевременно. Нужен ли, скажем, хозяйственный Кодекс, как предлагают некоторые? Нужно ли отменить право контроля, если стороны связаны договором, как предлагает в публикуемой сегодня статье Г. Кулагин? Нуждается ли в изменениях сам порядок издания «малого законодательства», который сегодня, по мнению ряда участников дискуссии, приводит к противоречиям между ведомственными актами и законом, в частности «Положением о социалистическом государственном производственном предприятии»?

В ходе нашей дискуссии «Экономика и право», продолжающейся почти год, эти проблемы были обсуждены с различных точек зрения. Мы получили много писем, и среди их авторов — экономисты, юристы, видные организаторы социалистического производства. Обзор мнений будет опубликован в одном из последующих номеров. При подведении итогов дискуссии мы надеемся также предоставить слово авторитетным представителям правовой науки и Министерству юстиции СССР.

партнёр в роли ревизора?

Г. КУЛАГИН

Я ПРОРАБОТАЛ в промышленности свыше сорока лет, в том числе последние десять лет генеральным директором производственного объединения. И мне хотелось бы поделиться с читателями «ЛГ» своими соображениями о правовом регулировании хозяйственной деятельности.

Согласно науке управления, право командовать имеет только вышестоящая инстанция. Все остальные организации, с которыми предприятие находится в неизбежных и необходимых связях, командовать им не могут. Они либо строят свои отношения на равноправных, договорных началах, либо ограничиваются ролью тех, кому доверено устанавливать для производственников рамки деятельности, своего рода «правила игры». Причем эти «правила» не могут быть внутренне противоречивыми и не должны часто меняться.

На первый взгляд, это тривиальные истины. Советское предприятие является государственной организацией, и все другие организации, влияющие на его работу, тоже являются государственными. Казалось бы, что здесь нет места для противоречий. Однако на практике из-за недостаточной разработанности вопросов хозяйственного права дело обстоит далеко не так.

По отношению к промышленному предприятию не только железная дорога, но и энергосистема, а также организации газо-, тепло- и водоснабжения выступают в двух ипостасях. С одной стороны — это хозрасчетные партнеры, продающие свои товары и услуги на договорных началах. С другой стороны — они наделены правами инспекций и в качестве таковых могут налагать штрафные санкции на своего партнера, купившего их продукцию, если он, по их мнению, неправильно ее использует. Таким правом станкостроительный завод, хотя он тоже государственный, по отношению к своему заказчику не обладает. Более того, даже если покупатель энергии или транспортных услуг ни в чем не преступил правил их использования — энергетики и железнодорожники могут в одностороннем порядке нарушить свои договорные обязательства и не понесут за это никакой материальной ответственности.

Любому заводчанину известны ограничения в подаче вагонов в период перегрузки портов и перевалочных станций. Известны также ограничения в подаче энергии и газа в дни осенне-зимнего максимума. Убытки, возникающие в этих случаях у промышленного партнера, никем не покрываются.

Своеобразные отношения сложились у промпредприятий со строительными организациями. Здесь договорные отношения носят сугубо формальный характер. Еще не было случая, чтобы строительный трест понес материальную ответственность за несоблюдение договорных сроков ввода в строй какого-нибудь объекта. Строители, по сути дела, диктуют своим заказчикам сроки и условия работы, постоянно требуют и получают «помощь» в виде материалов и рабочей силы, оплачивая эту «помощь» только номинально. Так называемые «доплаты до среднего» ложатся на плечи заказчика. Он же часто своими силами ликвидирует недоделки строителей.

Снабженческие и сбытовые организации являются важнейшими деловыми партнерами предприятия. Но и здесь ответственность не соответствует правам. Главсбыты строго штрафуют поставщиков за невыполнение выданных им нарядов или за безнарядную продажу фондируемой продукции. Но сами они не несут никакой материальной ответственности за нарушение сроков снабжения предприятий.

По действующим законоположениям, хозрасчетные проектные, научно-исследовательские и конструкторские организации, вступая в договорные отношения с промышленными предприятиями, несут всю полноту ответственности за выполнение своих обязательств. Формально заказчик вправе предъявить им счет за опоздания, переделки и брак, вызванные их, увы, довольно частыми ошибками. Но практически реализовать эти хорошие намерения законодателя никогда не удается. Не имея ни оборотных средств, ни сколько-нибудь значительного другого имущества, на которое может быть обращено взыскание, эти организации при любых грехах остаются безнаказанными. Им попросту нечем платить. Строго говоря, хозрасчет самостоятельных научно-прикладных и конструкторских организаций юридически и экономически неправомочен, фиктивен, ибо им нечем отвечать по своим обязательствам.

По отношению к предприятию банки, которые в качестве партнера дают ему деньги за известный процент, тоже выступают как грозная вышестоящая инстанция, они активно вмешиваются в дела предприятия, и не только тогда, когда прямо затронуты их интересы как кредиторов. Инспекторы банков проводят ревизии, вправе затребовать любые данные, оценивают и выносят суждения по любой сфере деятельности предприятия.

Из этого краткого обзора видно, что между не подчиненными друг другу государственными хозрасчетными организациями складываются далеко не равноправные отношения. Существует своеобразная иерархия: одни из них как бы «государственнее», чем другие.

Над предприятием стоят и многочисленные инспекции. Помимо таких традиционных контрольных органов, как госгортехнадзор, госпожарнадзор, санитарная инспекция, в последние годы значительно усилили свой аппарат и активизировали деятельность госстандарт, рыбоохрана, охрана водного бассейна, появились многочисленные ведомственные инспекции, наделенные правами государственных: вторчермет, вторцветмет, инспекция по электроэнергии, по газу, по топливу, по таре, по экспортным товарам и т. д.

Я насчитал около тридцати организаций, каждая из которых в любое удобное для нее время может прислать на завод инспектора, комиссию, учинить проверку, ревизию, затребовать документы, справки и т. д. И попробуй скажи, что тебе некогда, что на предприятии уже работают три комиссии: ведь любая из этих контрольных инстанций вправе что-то предписать, запретить, отключить, остановить и, наконец, оштрафовать предприятие и его руководителей.

Ни одну из этих инспекций не интересуют требования и действия другой. Не интересует их и то, есть ли у предприятия материальные и финансовые ресурсы, необходимые для выполнения их требований. Как правило, даже в очевидных случаях, когда предприятие без решения вышестоящих организаций не может выполнить предписания, инспекция не обращается в эти организации, предпочитая лобовой нажим на само предприятие. Порой директор чувствует себя солдатом, которым командует взвод офицеров, причем один из них кричит: «Бегом!», другой — «Ложись!».

Любая игра требует твердых правил. Нельзя, скажем, играть в футбол, если по ходу тайма правила будут непрерывно меняться или если арбитр начнет судить не по правилам, а по своему усмотрению. Надо решительно ограничить практику излишнего вмешательства в дела предприятий фондами зарплаты, осуществлено пресловутое разграничение персонала на управленческий и технический, что привело к «выниманию» очень нужных профессий — делопроизводителя, счетовода, машинистки, секретаря и т. д. Канцелярской работы от этого не убавилось, а, скорее, прибавилось, но теперь делопроизводителями и машинистками работают инженеры-конструкторы и инженеры-технологи. Работают плохо, потому что это не их ремесло, но зато получают в два раза больше.

Мне, например, совершенно не понятно, почему раньше дирекции и завкомы могли оплатить за счет своих средств загородную экскурсию трудящихся или культпоход в театр, а теперь, при наличии фондов социально-культурного назначения, этого сделать нельзя. И в то же время можно выдать премию в размере пяти рублей, которая часто реализуется в ближайшем «Гастрономе».

Конечно, органы Минфина и Госбанка должны стоять на страже народной копейки, заботиться о кассовых сборах и равновесии денежного обращения, о росте доходов государственного бюджета. Все это абсолютно правильно, и в этом заключается их святая обязанность. Но не лучше ли получать эти доходы от коллективных посещений пустующих подчас театральных залов, чем от «реализации» пятирублевых премий? Со всеми вытекающими из этого последствиями?

Я отнюдь не пытаюсь пропагандировать автономию и неприкасаемость предприятий для вмешательства сверху. Хозяин служебного автомобиля должен сказать шоферу, куда ехать. Более того, он обязан проверить, туда ли его привез шофер. Наконец, он вправе заменить нерадивого или неумелого водителя. Но если вместо всего этого он, сидя рядом с шофером, будет непрерывно подсказывать: «Поверни направо, сверни налево, обгони автобус, нажми на газ» — и вдобавок будет периодически сам хвататься за баранку, — шоферу и пассажиру придется не сладко. Надо другое. Установить правила уличного движения и развесить необходимые дорожные знаки. Но если при этом повесить только запрещающие знаки — «Поворот направо запрещен», «Поворот налево запрещен», «Стоянка запрещена», «Обгонять запрещено», «Проезд прямо запрещен», то машина тоже недалеко уедет.

При разработке вопросов хозяйственного права, может быть, следует выделить категорию предприятий, которые образуют, так сказать, инфраструктуру нашей экономики. К ним относятся энергетические системы, транспортные организации, финансовые институты. По-видимому, отношения других предприятий с ними не могут строиться на началах полного равноправия, и в хозяйственном кодексе следует оговорить их особые права и те чрезвычайные ситуации, когда они могут быть освобождены от взятых на себя обязательств. Однако они ни в коем случае не должны выполнять роль дублирующих органов управления. Их надо освободить от инспекторских функций, передав последние независимым государственным органам. С юридической точки зрения, недопустимо, чтобы один из партнеров по договору контролировал другого и проверял, как этот другой использует оплаченную им продукцию или услуги.

Позволю себе высказать и некоторые соображения о работе государственных инспекций. Их роль чрезвычайно важна. Они призваны охранять высшие интересы общества, в частности будущее нашего народа, от злоупотреблений некоторых хозяйственников, руководствующихся интересами сегодняшнего дня. Защита окружающей среды, сохранение природных ресурсов, охрана здоровья и жизни людей — очень важная функция социалистического государства. Но зачем сюда примешивать возврат тары или сдачу вторсырья? Ведь с большим успехом можно отрегулировать эти проблемы при помощи хозрасчетных отношений между заинтересованными партнерами.

Да и вообще число инспекций непомерно разрослось. По-видимому, надо уменьшить количество контролируемых проблем и, во всяком случае, объединить ряд инспекторских организаций в более крупные. Например, сейчас вопросами защиты окружающей среды занимаются в той или иной мере санинспекция, инспекция по охране водных источников и рыбоохрана. Техникой безопасности и обеспечением здоровых условий труда — госгортехнадзор, техническая инспекция профсоюза и санинспекция, качеством — госстандарт и бесчисленные ведомственные инспекции. Есть смысл подумать над тем, чтобы свести все инспекции в три-четыре мощных государственных органа и ограничить число и характер проводимых ими проверок.

Необходимо и четкое правовое регулирование самой деятельности инспекций. В первую очередь надо добиться, чтобы они давали предписания той инстанции, которая в состоянии их выполнить. Что может сделать директор завода, лишенного капитальных вложений, если от него одновременно требуют: технадзор — заменить дюжину устаревших мостовых кранов, пожарный надзор — сменить сгораемые кровли на несгораемые, бассейновая инспекция — немедленно построить очистные сооружения и т. д.? С другой стороны, вряд ли будет правильно, если подобные требования будут адресованы непосредственно в министерства. Последние окажутся завалленными различными предписаниями, в которых им трудно разобраться.

По существу, выход здесь один: и он предусмотрен в соответствующих государственных решениях, касающихся создания крупных промышленных и производственных объединений, обладающих всеми необходимыми правами и возможностями и несущих всю полноту ответственности за порученное им дело.

В вычислительном центре Всесоюзного центрального научно-исследовательского института охраны труда ВЦСПС

Фото А. ХРУПОВА

В каждом номере «Литературной газеты» публикуются дискуссионные статьи, полемические заметки. Они, естественно, вызывают отклики, спор. Разговор продолжается, нередко вопреки первоначальному намерению редакции ограничиться публикацией той или иной статьи.

Но наибольшее внимание мы уделяем, так сказать, вла-

ДИСКУССИОННЫЙ

ДИССЕРТАЦИИ НА ФОРУМЕ МНЕНИЙ

ЗАВЕРШАЕМ ДИСКУССИЮ ОБ АТТЕСТАЦИИ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ И ОПЛАТЕ ИХ ТРУДА

Несколько тысяч читательских писем пришло в редакцию в связи с дискуссией об усовершенствовании системы аттестации научных работников и порядка оплаты их труда. Значительная их часть — не просто отклики на одну-два странички, а серьезные статьи с развернутой аргументацией. Среди авторов — академики, члены-корреспонденты, профессора, доктора, доценты, кандидаты наук, наконец, «рядовые» научные работники.

Сознавая, что лишь незначительную часть мнений удастся представить на страницах газеты (в ходе дискуссии были опубликованы 24 материала), редакция предложила читателям ответить на анкету «А как считаете вы?» («ЛГ», № 30).

Предварительные итоги анкеты были опубликованы в «ЛГ», № 28. Всего поступило около 6000 ответов — количество, как считает социологическая статистика, более чем достаточное, чтобы получить представление о точке зрения основной массы научных работников.

Высказывались опасения, что среди ответивших неизбежно будут преобладать люди «обиженные», не сумевшие по тем или иным причинам получить ученую степень, и это неизбежно исказит подлинную картину распределения мнений. Эти опасения не подтвердились. Два трети ответивших на анкету — обладатели ученых степеней: 723 докторов и 2134 кандидата наук. Из них 2210 человек (34,6 процента) — старшие научные сотрудники, 1933 (24,7 процента) — заведующие лабораториями, 187 (3,4 процента) — руководители НИИ.

Чтобы проверить, насколько адекватно отражают полученные ответы не анкету действительное распределение мнений научных работников, редакция организовала анкетирование сотрудников десяти научно-исследовательских институтов Академии наук СССР, Академии медицинских наук СССР, Академии наук Узбекской ССР и ряда других ведомств — в Москве, Ленинграде и Ташкенте. В целом результаты контрольного опроса подтвердили представительность, или, как говорят социологи, репрезентативность массива стихийных ответов.

Итак, дискуссия завершена. Думается, она достигла своей цели — помогла выявить общественное мнение о системе аттестации научных работников и оплате их труда. В ходе дискуссии ее участники высказали много конструктивных предложений. Сейчас эти предложения в числе других изучаются самым внимательным образом в компетентных органах. О принятых решениях мы надеемся проинформировать наших читателей.

ВРЯД ЛИ такая дискуссия была бы актуальна еще несколько десятилетий назад. Как оценивать квалификацию ученых, как им платить за труд — все это не вызывало шумных споров, поскольку касалось не столь уж большого числа людей, а паче того — поскольку наука не обрела еще такого значения в жизни страны. Судите сами: в 1913 году в России было 298 научных учреждений и 11,6 тысячи научных работников, уже в советский период, в 1940 году, соответствующие цифры составляли 2 359 и 98,3 тысячи.

К концу прошлого года в СССР насчитывалось 5251 научное учреждение (включая вузы) с целой армией научных работников (соответственно, включая сюда научно-педагогические кадры) — 1108,3 тысячи человек. По существу, наука сделалась крупной отраслью народного хозяйства, влилась составной частью в производительные силы страны. Понятны поэтому те высокие требования, которые предъявляются к организации современной науки. Понятен и тот интерес, который вызывает обсуждение этих вопросов — прежде всего у самих научных работников.

Что же показала дискуссия? К чему сводятся индивидуальные точки зрения, заключенные в читательских письмах, и обобщенное мнение научных работников, каким оно предстает из анализа ответов на анкету?

По первым трем пунктам анкеты, в которых читателям предлагалось дать общую оценку существующей системы аттестации научных работников, ответы, присланные по почте, распределились так: 31,2 процента ответивших считают систему «в основном удовлетворительной», 21,3 процента — «неудовлетворительной» и 52 процента — «требующей существенной перестройки». Короче говоря, большинство ответивших, 73,3 процента, полагают, что в систему аттестации необходимо внести значительные изменения.

В каком же направлении, с точки зрения читателей, должно идти усовершенствование системы? Наибольшую поддержку — 53,2 процента — получило предложение защищать не диссертации, а авторефераты по результатам опубликованных работ (пункт седьмой анкеты). Можно было ожидать, что за этот пункт «проголосуют» главным образом «неостепененные» научные работники, желающие облегчить себе защиту в будущем. Доля читателей этой категории, высказавшихся в пользу защиты автореферата, в самом деле несколько выше, чем у остальных категорий, — 61,5 процента. Однако процент кандидатов (51,5) и докторов наук (37,6), согласных с ними, на наш взгляд, также достаточно велик, чтобы не считать, что распределение мнений по этому пункту отражает в основном личные мотивы. В целом среди «проголосовавших» за этот пункт тех, кто не имеет степени, — только 39,9 процента. Таким образом, можно сказать: большинство научных работников, ответивших на анкету, рассматривают диссертацию как устаревший способ оформления результатов исследования.

«Самым нелепым в системе аттестации является написание СПЕЦИАЛЬНЫХ работ, — говорится в письме, которое прислал в редакцию доктор архитектуры, профессор М. Вархин. — В этом — порок с самого начала. Никаких «специальных» работ быть не должно. Если человек посвящает себя, «обрекает» себя науке — его дело постоянно и непрерывно работать в выбранной отрасли. Он исследует, экспериментирует, изучает отдельные вопросы своей науки. И получает последовательно, один за другим, ряд результатов. Они складываются год за годом. Проходит определенное время (три, пять, десять лет, не это важно), и если ученый совет коллектива ПО СОВОКУПНОСТИ ЕГО НАУЧНЫХ ТРУДОВ видит, что сделано много, хорошо, творчески, самостоятельно, что сделанное вносит известный вклад в науку (без этого вклада какой же смысл в работе?), ему присваивается первая ученая степень. Вот как, на мой взгляд, должно быть. При такой системе в науку просто не смогут попасть случайные люди, выбравшие этот путь как наиболее легко ведущий к «славе» или к деньгам».

Что ж, позиция автора ясна. Вместе с тем нельзя умолчать, что в письмах встречаются и другие, прямо противоположные суждения, авторы которых убеждены, что работа над диссертацией — лучшая школа для исследователя. Кроме того, надо отдавать себе отчет, что замена диссертации развернутым авторефератом или чем-либо еще в этом роде — весьма радикальная мера, означающая решительный разрыв с очень старой традицией. Трудно сказать, осуществима ли такая мера в данный момент. Сейчас этот и другие вопросы, связанные с аттестацией научных работников, обсуждаются в компетентных органах. Взвешиваются все «за» и «против». Как бы то ни было, судя по ответам на анкету, большинство читателей одобрили бы подобную меру. Или, как минимум, всяческое поощрение защиты по опубликованным работам (ныне такая защита практикуется в редчайших случаях).

«В любом случае, — пишет в редакцию академик АН Эстонской ССР Г. Наан, — система аттестации должна стимулировать заботу о деле — о вкладе в науку, а организация науки, в подготовку специалистов. Она не должна стимулировать, пусть даже косвенно, ничего, что идет мимо или даже в ущерб делу, например продуцирование «шума» или заботы о «диссертабельности».

КОМУ БЫТЬ СУДЬЕЙ...

Какие еще предлагаются изменения в системе аттестации? Инициатор дискуссии профессор А. Китайгородский высказал мысль о том, что для пользы дела защищать диссертации следовало бы обязательно перед специалистами («ЛГ», № 8). Мысль, казалось бы, очевидная. Однако на практике не осуществленная. Как отмечали в своей статье профессор Н. Владимиров и доцент И. Афанасьев («ЛГ», № 24), ныне большинство советов сформировано по иному принципу: специалистов в их составе явное меньшинство, и они не могут оказать решающего влияния на результаты голосования при защите диссертации.

Что особенно удивительно, такое положение санкционировано действующей инструкцией ВАК.

Многие научные работники разделяют точку зрения И. Владимирова и И. Афанасьева, что некомпетентность советов — одна из главных причин, позволяющих иногда получать ученые степени людям, не заслуживающим их, и что, естественно, не может не вызывать тревогу.

«К сожалению, отдельные работники превращают получение ученой степени в самоцель и стремятся к ней, не пренебрегая никакими средствами, — говорится в письме академика В. Амбарцумяна и академика АН Армянской ССР Н. Арутюняна. — Остается фактом, что во многих случаях ученые степени присуждаются лицам, совершенно недостойным их. Для получения степеней соискатели применяют иногда методы, недостойные не только настоящих научных работников, но и любых советских граждан».

«Засорение научных кадров случайными, бездарными ученостями приносит большой вред науке, а также и производству», — пишет член-корреспондент ВАСХНИЛ В. Вавук.

За предложение, чтобы защиту диссертаций принимали специалисты (пункт пятый), высказались 30,2 процента читателей. При-

Новым дискуссиям по актуальным, широким проблемам, дискуссиям, рассчитанным не длительное, обстоятельное обсуждение. В этом году наибольшее внимание читателей привлекли дискуссии «Экономика и право», «Люди и вещи» и об аттестации и оплате труда научных работников. На сегодняшних страницах «Дискуссионного клуба» представлены все эти рубрики.

КЛУБ «ЛГ»

люди и вещи

НЕ САБЛЕЙ ЕДИНОЙ...

Вещи имеют для нас несколько большее значение, чем мы об этом предпочитаем говорить, но существенным является все-таки не то, на что человек тратит деньги, а то, как он их зарабатывает и как распоряжается приобретенными предметами. Надо уметь ценить вещи — плоды человеческого разума, ценить за вложенный труд и филигранное мастерство, за эстетическое наслаждение и повседневную полезность, но нельзя преклоняться перед вещами. Об этом размышляет автор статьи, продолжая дискуссию «Люди и вещи» (см. «ЛГ», №№ 6, 8, 9, 15, 20, 22, 25, 27, 29, 31 за 1974 год).

А. УДАЛЬЦОВ

В ДИСКУССИИ «Люди и вещи» уже промелькнуло упоминание о юном романтике, громившем отцовской саблей полированные столы и серванты.

Он действительно был хорош, этот юный киногерой, в своем неподдельном гневе на предметы быта. Собственно, киногерой — потом, а раньше вышел спектакль. Но запомнился эпизод именно по кино — очень уж эффектно и правдоподобно свистела и блестела сабля.

Серьезный, аналитично настроенный зритель и сейчас, и тогда (примерно пятнадцать лет назад) был, наверное, далек от мысли, что В. Розов (речь идет о его пьесе «В поисках радости» и кинофильме «Шумный день») обрушил гнев на вещи — на предметы как таковые. Зритель понимал: здесь обличаются мещанство, обывательщина, чрезмерная страсть к приобретательству — словом, стиль жизни. Но юное поколение, которое только начало выходить вместе со своими родителями из «коммуналок» и только-только приобщалось к полированным стандартным гарнитурам, аплодировало в переполненных залах не этой скрытой идее, а лежащему на поверхности яркому действию — уничтожению вещей. Мы твердо верили тогда: они, вещи, могут искалечить нам жизнь, погубить и испоганить лучшие, чистейшие порывы души.

Конечно, за давностью лет это лишь предположение. Но в правильность его я верю, а в подтверждение хочу рассказать одну небольшую историю, участником которой был сам примерно в те же годы, когда создавалась розовская пьеса.

...МЫ СТАЛИ студентами первого курса, пройдя через тернии такого астрономического конкурса, какой теперь встретишь не часто. Мы почти не знали друг друга и выбрали старостой (первым нашим институтским руководителем) самую бойкую и, пожалуй, самую симпатичную девушку группы. Была она родом из южного города и, может быть, поэтому выглядела чуть побойчее и понаторелее нас, северян и средненолосников.

А через месяц мы ее судили. Судили судом гневным и справедливым, как нам казалось тогда. Судили за воровство у подруги. Предмет кражи (вещественное доказательство) фигурировал на суде. Им была красивая — заморская — желто-красно-синяя кофточка, бог весть какими путями (слова «импортная вещь» тогда еще не обретались в нашем лексиконе) добравшаяся до общежития, где высшим шиком считалось ходить на танцы в необъятных размеров байковых лыжных костюмах.

Ах, как мы были возмущены! Как разгневаны! Как бестрепетно прямолинейны! Симпатичную старосту нашу после того суда исключили из комсомола и отчислили из института, она уехала в свой город, и с тех пор никто из нас ничего о ней не слыхал.

Вспоминая теперь тот скорый и суровый суд, я думаю: до чего же мы были тогда неправы, несправедливы и бестолковы! Ведь не ее мы, как я теперь понимаю, судили, а вещь. Не ее воспитывали и осуждали, а рвали в клочья, топтали ногами, уничтожали миленькую желто-красно-синюю кофточку. Никто не сказал тогда простых и обычных для такого случая слов: как ты могла такое сделать! Никто!

«И из-за этой дрянной кофтенки!..» — восклицали одни. «Что ты нашла в ней?» — как бы удивлялись другие. И договорились даже до того, что староста наша «выглядит в ней, как огородное пугало».

Теперь-то я понимаю: всей женской половине группы очень хотелось бы иметь такую вещь, а мужской — видеть ее на женской. Но мы рубили саблей — наотмашь и упоенно. Рубили, потому что верили: она, желто-красно-синяя, источник нашего общего несчастья. И, кажется мне теперь, боялись: не попытался бы когда-нибудь генпарком кто-то еще на такую красивую, такую необычную, такую притягательную и невиданную дотоле штучку. (Надеюсь, никто не понял меня так, что я беру под защиту сам факт воровства.)

Теперь самое время признаться и признать, что вещи для нас имеют несколько большее значение, чем мы об этом предпочитаем говорить, и что всякое нравоучение типа: «Мы в твои годы десять лет в одном костюме ходили» — звучит для молодого поколения ханжески. И потому имеет не воспитательное, но антивоспитательное воздействие.

Вспомним, что говорил юный розовский положительный герой Олег и что отвечал ему не положительный, хотя и не совсем отрицательный (да простят мне это грубое деление) Геннадий:

ОЛЕГ. Ну вот, — совсем жить нет! Она еще раздвижной стол купить хочет, два книжных шкафа, тахту... ЗхР и зачем это все людям надо?!

ГЕННАДИЙ. Зачем? Для удобства жизни. Отец тоже все в дом тащит.

И в этих словах Геннадия — «для удобства жизни» — правда.

Да, вещи нужны нам, без них не обойтись, они приятны и полезны. И потому волновать нас должны не они сами по себе, а способы их приобретения, применения и использования.

Давно известно: обыватель и мещанин не тот, кто покупает вещи, а тот, кто имеет вечный, неутолимый аппетит к приобретению все новых и новых вещей для долгосрочного и краткосрочного хранения. Кто и духовными-то благами считает лишь те, что можно присвоить или хранить у себя: имена якобы близкознакомых знаменитых людей, цитаты и факты, чужие мнения и выражения, книги, которые можно при случае показать, и пластинки, что при случае же можно и послушать. И вместо культурных потребностей у обывателя *одни* желания — к развлечениям и отвлечениям.

Карл Маркс: «...человек не теряет самого себя в своем предмете лишь в том случае, если этот предмет становится для него *человеческим* предметом, или опредмеченным человеком. Это возможно лишь тогда, когда этот предмет становится для него *общественным* предметом, сам он становится для себя общественным существом, а общество становится для него сущностью в данном предмете».

И не будем без особой необходимости размахивать саблей — вещи остаются вещами. Мы это все более отчетливо начинаем понимать и заботимся, чтобы вещей стало больше, а качество их — выше. Иначе нельзя, ибо общество наше начертало на своих знаменах лозунг борьбы за всемерное и постоянное повышение жизненного уровня народа, а партия неустанно претворяет этот лозунг в действительность.

Мне кажется, эпизод с розовским героем не вызовет в наши дни массового поверхностного восторга, а будет воспринят сегодня серьезнее, глубже и спокойнее.

Другие времена — другие драмы. Тому свидетельство — пьеса М. Рощина «Старый Новый год», с успехом показанная в прошлом сезоне. Начни «Литературная газета» дискуссию «Люди и вещи» годом раньше, и пьеса М. Рощина могла бы быть напечатана полностью под этой рубрикой. Потому что «Старый Новый год» — произведение о людях и вещах. Об их связях, отношениях и взаимозависимостях. И как с большинством статей, опубликованных в порядке дискуссии, с пьесой этой (ни на минуту не забывая, что перед нами художественное произведение с присущими ему особенностями) хочется в чем-то соглашаться и в чем-то спорить.

Себейкин и Полуорлов, сведенные под одну крышу стандартного дома, — два мира, два полюса «вещной болезни», составляющих и объединяющихся, по замыслу автора, в конце концов в единое целое.

И если Себейкин, как проницательный читатель обязан догадаться, все тащит «себе» и переживает период накопительства, то Полуорлов прошел многие этапы «болезни» и дошел до финала — выброшены (изрублены саблей?) все без исключения вещи, символизирующие для него мелкие и крупные жизненные неудачи. Жест вроде бы широкий и нестандартный, но не «Орел» он, а лишь Полуорлов — и потому не тот полет и не то отношение к свершенному, да и ко всем предшествующим полуорловским несчастьям. Мучается Полуорлов на голом полу без мебели и других предметов первой необходимости, некогда окружавших его, но бодрится:

«Человечество переживает глобальный стресс. Автоматизм, стандарт, отчуждение, некоммуникабельность. Как прав был Руссо! Природа, природа, естество. К ним, к ним!»

И еще:

«Ты думаешь, автомобиль — твоя собственность, а оказывается, ты — его собственность! Раб! Не ты на нем ездишь, а он на тебе! А я уже целую неделю хожу пешком. Давно бы ходили пешком!.. Несчастные люди!..»

Чувствуете, как далеко мы ушли от наивного диалога Олега и Геннадия?

Свою точку зрения на это противостояние (или единение?) Себейкина и Полуорлова имеет повидавший виды «старичок при доме» Адамыч:

«...Кто думает, как жить лучше, а кто — как быть лучше... Но есть, к примеру, такие... что не чувствуют... Один, как с цепи сорвавшись, ам! ам! — все к себе гребет! А другой, глядишь, — с миру, что ль, — все бросает, с себя прям рвет, не желаю, говорит, а буду босый человем на голой скамье! А?..»

С концепцией пьесы М. Рощина — не стань рабом вещей, не стань рабом ни первобытным, ни новейшим — нельзя не согласиться.

Только вот что-то тревожит меня, когда я смеюсь над предпраздничной кутерьмой в квартире Себейкиных. Несут и обживают новые вещи. Торшер, пианино, пылесос, телевизор... — в сущности, по нынешним меркам, предметы почти что первой необходимости. Покинута коммунальная квартира. Впервые появилась возможность пожить, «как люди». А мы смеемся. Но почему? Ведь никогда и нигде не было решающим, на что человек тратит заработанные деньги, существенно то, как он их зарабатывает и как распоряжается купленными предметами.

В пьесе вроде бы и мелькнули две-три фразы, свидетельствующие о том, что Себейкин не прочь добыть деньги не совсем честным путем, но реплики эти как-то потерялись за обилием других, более ярких и более смешных ситуаций. И мы смеемся. Смеемся над неправильным употреблением названия предметов, над незнанием их сути и назначения, над жизненной достоверностью точно схваченных фраз.

Но что, собственно, смешного и плохого, например, в сцене всеобщей радости по поводу впервые приобретенного холодильника?

КЛАВА. А это вот что? А это зачем?

ЛЮБА. А тут для яиц специально, видал?

ЛЮБИН МУЖ. Сюда — бутылки!

СЕБЕЙКИН. Пей не хочу, всегда холодненькая!..

ВАСЯ. Обмыть бы его сразу не мешало!..

ЛЮБА. А вот тут лед для яду...

ТЕЩА. А лед-то зачем?

КЛАВА. Бабушку позовите!

НЮРА. Она горячую воду нарзулит!

СТУДЕНТ. Инструкцию, инструкцию почитайте!..

Ну что смешного в том, что старый человек — теща не знает, зачем лед, и торшер называет торшером?! Не знаю, как кому, а мне было немножко неуютно от этого смеха. Люди радовались тому, чему должны были радоваться, — новой большой квартире, новым красивым вещам. Пусть радовались, по нашему понятию, неумело, не так, как все, не так, как я, вы, он. Но вправе ли мы за это наказывать их, может быть, самым сильным оружием — смехом? Что ни говори, но мелькнула и здесь та самая сабли, нацеленная на вещи.

А, ВПРОЧЕМ, как не мелькать ей, если есть у нас, к сожалению, люди (и не будем преуменьшать — немало их, а за последнее время стало, пожалуй, больше), готовые по первому сигналу кинуться в «смертельную» схватку за японский зонтик, ковер либо сверхмодную люстру. Если теряют они при этом достоинство свое человеческое. Если на работе, в рабочее время, разумеется, утомляют коллег бесконечными предположениями о том, что лакированные югославские сапоги Марьи Ивановны много хуже новой электробритвы фирмы «Филипс» Ивана Петровича. И не верю я, что, завали сейчас магазины японскими зонтиками, коврами и люстрами, не найдут они объекта для вожделений, объекта для доставаний и борьбы за обладание.

Нет, не могу согласиться с Ан. Макаровым: «А как выгодно отразилось бы исчезновение дефицита на духовном здоровье общества в целом!» («ЛГ», № 25, 1974).

Обольстительное прекрасное будущее! Конечно же, это хорошо, если не будет дефицита на те товары, что вызывают сейчас очереди. И его не будет. Только нет тут прямой взаимосвязи между дефицитом вещным и духовным. Мы сами порой придумываем себе дефициты. И наш, и особенно зарубежный опыт (а товаров там пока больше, чем у нас) подтверждает это.

Давно вроде бы насытился рынок часами всех видов и марок. Но вот бегаем мы снова по магазинам в поисках новой модели, такой, чтобы показывала и день, и месяц, и год а не какие-нибудь там старорежимные часы да минуты. На горизонте же маячат часы вообще без стрелок — элегантные, современные. И мы захотим их иметь. Ну не все — так большинство из нас. Но в ближайшее время не появятся они одновременно во всех городах и селах, во всех магазинах и в достаточном количестве. И обязательно кто-то приобретет их первым, а кто-то — последним. Вот тут-то и возникнет богатое поле для выбора. Можно будет подождать с покупкой, а можно убежать с работы и стоять долгие часы в очереди. Можно дать взятку, но можно ее и получить теми же часами — случается и так, и эдак. К счастью, жизнь наша богата другими примерами...

...Мне нравится время, когда на наших московских улицах появляются ребята в зеленой форме бойцов студенческих строительных отрядов. Нравятся их наклейки и нашивки, их гитары и песни. Хорошее это дело — студенческая стройка — и нужное. И вовсе не уменьшается ее значение оттого, что мы знаем: не только «за туманом» и даже не «за запахом тайги» едут студенты. Едут, кроме всего прочего, и за деньгами, а значит, и за вещами. И нет в том ничего зазорного.

Всякий труд должен вознаграждаться, а ударный студенческий и вознаграждается по-ударному. Это ведь непросто и нелегко в летние каникулы уехать в далекие нехоженые места, чтобы проложить, ну, если не грандиозную магистраль, то хотя бы одну — первую! — просеку. Дело это по-настоящему патриотическое, и свидетельствует оно о силе и моральной чистоте всего нашего студенчества, несмотря ни на какие проявления, которые, само собой, и там имеют место, «вещной болезни».

Да, болезни. В дискуссии «Люди и вещи» разные авторы предлагали разные рецепты для излечения и предупреждения этого неприятного недуга. Понятно, что никто не дал единого, универсального совета. Да и невозможно это, наверное, сделать. Но лечить есть кого..

Недавно рассказали о варварском случае. Пятеро здоровых молодых парней громили предназначенную на снос теплицу. Громили с остервенением. Вдребезги разлетались квадратные метры (километры?) стекла, которое могло бы сгодиться в другом месте для другого дела. (Так, собственно, и предполагалось.) Долгое время никто из прохожих не мог унять их, хотя и пытались многие — они успокоились, только разбив и уничтожив все.

Не верится, чтобы громилы эти хоть раз в жизни выточили гайку, собрали пуд хлеба, вскопали грядку... Нет, конечно, все это они могли и делать. Но не верится, что с любовью. Что поняли хоть раз в жизни цену вещи. И в этом смысле мне, как и некоторым другим участникам дискуссии, ближе человек, который любит и даже копит вещи, чем тот прощелыга, который ими подчеркнуто пренебрегает.

А парней тех, твердо знаю, ни в какие студенческие строительные отряды не заманишь. Не поедут они не только за туманом и за запахом тайги, но и за «длинным рублем» не поедут. Потому что обязательно произносят: ох, нелегок этот студенческий рубль!

Впрочем, и «тепличные» громилы, и вполне приличные, на первый взгляд, граждане и гражданки, готовые, не раздумывая, броситься в первую попавшуюся очередь, купить вещь и потом хранить, не давая домашним к ней прикоснуться, — все те же два полюса, два симптома одной болезни — Полуорловы и Себейкины. Уверен, и те, и другие не любят вещь и не любят вещи как плоды человеческого труда и разума.

Не за труд вложенный, не за филигранное мастерство, не за эстетическое наслаждение и даже не за повседневную полезность ценят они вещь. Ценят по розничной цене: чем выше — тем ценнее.

СЧИТАЕТСЯ, что квартира и предметы в ней могут многое сказать об обитателе. Не знаю, что нам могли поведать коммунальные комнаты... И даже первые отдельные квартиры со стандартными гарнитурами средней цены сообщали немногое. Теперь дело иное. Девиз «долой стандарты!» начинает прививаться. Вспомним некоторые «типичные», по теперешним понятиям, жилища. Первое: ни в магазинах, ни на выставках не увидишь такой ультрасовременной мебели, таких марок магнитофонов, таких сервизов. Второе: книги, книги, книги — ни сесть, ни лечь, книги старые и новые, какие тоже нечасто увидишь на прилавках. Третье: все так же, как во втором, только вместо книг старое оружие и ордена всех стран и веков. Четвертое: здесь есть где и присесть, и прилечь, но вся мебель — старинная: либо куплена у старьевщиков, либо найдена на свалках и тщательно отреставрирована.

Когда я слышу рассказы о таких квартирах, мне всегда хочется спросить: а не пришлось ли хозяевам прибегнуть к услугам спекулянтов, чтобы приобрести такой магнитофон или такую книгу; не надоело ли им среди нынего холодного оружия и не надоело ли заниматься только тем, что реставрировать стулья да столики? Нет? Ну и ладно. Пусть живут, как хотят. Хоть с магнитофоном, хоть без него. Не вещи нас должны беспокоить, а — подчеркну еще раз — способы их приобретения, применения и использования.

Жизнь наша, прежде всего она сама, во всех ее сложных проявлениях и взаимосвязях, лечит тех, кто подвержен заболеванию «вещной болезнью». Лечим мы с вами; и долгой задушевной беседой, и нечаянно брошенным словом, новой книгой и личным примером, повседневным честным трудом и даже веселой песней... Лечим людей...

...А вещи — что ж, они останутся вещами: и магнитофон, и книга, и пистолет, и антикварный шкаф. И не с ними надо сражаться, и не саблей.

Впрочем, бывают случаи, когда мещанское мурло выглянет во всем своем поганом великолепии, и кровь бросится в голову, и промелькнут перед глазами все наши голодные и холодные, такие далекие и такие родные годы — тогда, как тот розовский герой, по всем этим столам да сервантам можно, наверное, и саблей... Но не саблей единой...

СТУПЕНИ СТЕПЕНЕЙ

По мнению многих участников дискуссии, главное — требовать от тех, кто присваивает ученую степень, совершенно четкого ответа: что ценного и нового вносит в науку та или иная диссертация. «Должны быть отысканы некоторые общие требования и диссертациям, кроме тех «внешних» требований, которые предписываются инструкцией ВАК, — пишет в редакцию академик Н. Долежаль. — Должны быть сформулированы принципиальные требования, отвечающие задачам, выдвигаемым наукой. Это нелегкая задача, но за нее надо браться».

В разговоре об аттестации научных работников невозможно обойти стороной аспирантов и «вольных» соискателей — будущих кандидатов и докторов. Где они проходят подготовку, под чьим руководством, к кому обращаются за консультацией (официальной и неофициальной) чем такую форму защиты поддерживают около 40 процентов докторов наук, свыше 30 процентов кандидатов. За нее — 31 процент старших научных сотрудников, 29,4 процента заведующих лабораториями, 31,2 процента руководителей институтов и, наконец, 27,4 процента специалистов-науковедов.

Естественно, если попытаться на деле осуществить это предложение, придется, возможно, сократить число советов, сосредоточив присвоение ученых степеней в наиболее крупных научных центрах. Эта мера сама по себе могла бы способствовать повышению качества квалификационных работ.

— эта сторона дела очень важна. Не всегда эта подготовка, руководство, контроль находятся на должном уровне. Именно из «вольных» соискателей вышли иные «лишние» кандидаты, о которых уже велась речь в печати. Вряд ли, однако, разумны встречающиеся порой предложения упразднить институт соискателей, оставить один путь к степеням — через аспирантуру. В конце концов не будем забывать, что Эйнштейн в начале своей научной карьеры, как раз тогда, когда он вынашивал идеи специальной теории относительности, не занимался в аспирантуре, а работал в патентном бюро. Более оправданной представляется точка зрения профессора С. Дзарасова («ЛГ», № 31), который предлагает наладить серьезную, с отрывом от производства, теоретическую подготовку тех, кто работает над диссертацией, вообще в большей мере, чем сегодня, ввести стихийный поток соискателей в плановое русло.

Что касается аспирантуры, вероятно, заслуживает внимания предложение профессора Н. Владимирова и доцента Н. Афанасьева — открывать ее лишь там, где для успешной работы есть необходимые условия, то есть в наиболее крупных, ведущих научных центрах страны, располагающих высококвалифицированными учеными.

По своему духу очень близка к этому предложению идея В. Латышева и Р. Нигматулина («ЛГ», № 27) «облечь аспирантуру в организационные формы образовательного заведения», «отказаться от карликовых, кустарных аспирантур при кафедрах и объединить подготовку ученых одного профиля под эгидой крупного научного центра».

Третье место по числу поданных голосов (почти 30 процентов) заняло предложение сделать систему аттестации одноступенчатой, заменив ученую степень кандидата степенью доктора наук, как это заведено в ряде зарубежных стран (это предложение в дискуссии внес профессор Б. Тарусов — «ЛГ», № 13). Многие читатели полагают, что такая мера не только способствовала бы повышению квалификационных требований к научным кадрам, но и содействовала бы сближению стандартов квалификации, принятых в разных странах. А это само по себе важно, учитывая расширяющиеся международные контакты ученых.

Интересно, что это предложение наиболее активно поддержали руководящие работники научных учреждений — 37 процентов директоров и заместителей директоров НИИ, а также специалисты по науковедению — 39,8 процента.

ВЫСШАЯ АТТЕСТАЦИОННАЯ...

Как известно, в ходе дискуссии подверглась обсуждению и критике работа ВАК. Участники дискуссии считают необходимым вести в работу высшего аттестационного органа существенные изменения. Эта точка зрения получила внушительную поддержку научных работников, ответивших на анкету «ЛГ». **Только 11,1 процента читателей, приславших свои ответы, считают, что работа ВАК в изменении не нуждается.** Иными словами, большинство, 88,9 процента, уверены: перемены необходимы.

Хотя соответствующих конкретных предложений в анкете было только два, научные работники высказались по ним вполне определенно. Прежде всего, большинство ответивших на анкету выступают за повышение авторитетности ВАК: предложение периодически, раз в три — пять лет, обновлять состав ВАК с учетом мнений ведущих специалистов (а не административным путем, как сейчас) получило поддержку почти 63 процентов читателей. Причем за него более 64 процентов докторов наук. В пользу этого предложения высказались также почти 64 процента руководителей институтов, свыше 64 процентов заведующих лабораториями, 67 процентов специалистов по науковедению. Короче говоря, эту меру более всего приветствовали бы наиболее компетентные в вопросах организации науки люди.

Меньшую поддержку получило предложение передать ВАН в ведение Академии наук СССР — около 38 процентов голосов. Это объяснимо. С одной стороны, Академия наук как высший научный орган, по логике вещей, несомненно, имеет больше оснований заниматься сегодня аттестацией исследователей, чем Министерство высшего и среднего специального образования. Но с другой — вряд ли и она может брать на себя слишком широкие научно-организационные функции. К тому же большие полсвины диссертаций, представляемых ныне к защите, — это работы по техническим наукам, не относящимся прямо к компетенции академии.

Более обоснованным по-этому представляется предложение передать функции ВАК специальному междуведомственному органу (см. статьи профессора В. Красильникова — «ЛГ», № 20 и профессора С. Дзарасова — «ЛГ», № 31). Кстати, многие из ответивших на анкету высказались именно за это предложение, написав его на полях.

ПЛАТИТЬ ЛИ «ЗА СТЕПЕНЬ»!

Один из наиболее острых, волнующих читателей вопросов — вопрос об оплате труда научных работников. Принцип материальной заинтересованности распространяется на сферу науки в такой же мере, как и на все другие сферы. Разумное использование этого принципа — мощный стимул, способствующий научному прогрессу, но непродуманное его применение может привести к нежелательным последствиям.

Многие из участников дискуссии в «ЛГ» критиковали, существующую ныне практику, когда при установлении зарплаты научному работнику решающую роль играет наличие или отсутствие степени и звания. Достаточно напомнить хотя бы некоторые высказывания на этот счет. Профессор А. Китайгородский («ЛГ», № 10): «Чем... должна определяться заработная плата научного работника? По-моему, лишь объемом работы и ответственностью за порученное дело». Профессор Л. Гамбарян («ЛГ», № 20): «Не степени и звания должны определять занимаемое человеком место в науке, а результативность его работы, значимость ее для науки и практики. Это — главный критерий». В. Латышев и Р. Нигматулин («ЛГ», № 27): «Что же касается материального стимулирования научной деятельности, то, как и в любых других случаях, оно будет эффективно только тогда, когда будут оплачиваться прежде всего результаты этой деятельности, а не способности к ней».

Большинство научных работников, ответивших на анкету, по-видимому, придерживаются сходной точки зрения, ибо **только 19,9 процента из них считают целесообразным сохранить без изменений существующий порядок оплаты труда ученых.**

Однако как же учесть результаты труда исследователей? Вот основной вопрос. Научные идеи — это не детали, вытачиваемые на токарном станке, и не кубометры грунта, извлекаемые ковшом экскаватора. Их значимость сплошь и рядом не поддается простому учету. Число отчетов или опубликованных статей зачастую дает лишь косвенное представление о производительности труда научного работника. Правда, сейчас в различных институтах ведутся эксперименты по применению тех или иных более эффективных способов оценки (об одном из таких экспериментов, проводимом в НИИ туберкулеза МЗ РСФСР, «ЛГ» рассказывала в № 14 за 1972 год), однако надежных результатов, которые можно было бы рекомендовать к широкому распространению и внедрению, по-видимому, пока нет.

Ясно, что поиск строгих критериев оценки труда ученых нужно продолжать. Без них вряд ли осуществимы предложения поставить оплату этого труда в прямую зависимость от его результатов. Между тем, как показывают ответы на анкету, такие предложения — среди наиболее популярных. Самую большую поддержку (32,4 процента ответивших) получила идея сделать зарплату ученого состоящей из двух частей: гарантированного минимума для каждой категории научных сотрудников и платы за выполненную работу.

Второе место (28,9 процента голосов) заняло предложение увеличить количество основных научных должностей (вместо двух существующих — старшего и младшего — ввести четыре-пять), тем самым обеспечив более дифференцированную оплату труда ученого.

На третьем месте (26,8 процента) — предложение, имеющее самую длинную формулировку: «Расширить «вилки» оплаты младшего и старшего научных сотрудников, чтобы они частично перекрывались. Внутри каждой «вилки» устанавливать зарплату сотрудникам сроком на 3—5 лет в зависимости от квалификации и конкретных результатов труда — в соответствии с экспертной оценкой. При этом ученая степень не должна иметь решающего значения, а должна учитываться определенным числом баллов наряду с количеством и качеством опубликованных за соответствующий срок работ, полученными авторскими свидетельствами, экономической эффективностью внедренных разработок и т. д.».

В целом не будет ошибкой выразить общий дух пожеланий участников дискуссии словами члена-корреспондента АН УССР И. Постникова, содержащимися в его письме в редакцию: «Размер повышения зарплаты при получении ученой степени может быть уменьшен; она должна быть поставлена в большую зависимость от реальных результатов труда».

...Дискуссия подошла к концу. Независимо от ожидаемых практических последствий дискуссии ее основная ценность, на наш взгляд, заключена в том, что она еще раз подтвердила высокую степень гражданской активности и зрелости советских ученых, их глубокую заинтересованность в повышении эффективности исследовательского труда.

Ю. МИХАЙЛИН,
кандидат исторических наук,
О. МОРОЗ,
заведующий отделом науки «Литературной газеты»

Диалог у светофора Фото Е. ХАХАЛИНА

Владимир АМАИНСКИЙ

СУДЕБНЫЙ ОЧЕРК

ДЕЛО КРАСОВСКОГО

III

СЛОВО ПОСЛЕДНЕЕ...

Он опьянел от тепла, от коньяка, от близости женщины, и страх, который то возникал, то исчезал, сейчас отпустил его.

Ему хотелось разговаривать. Он беспричинно смеялся, острил и, по ее словам, был очень возбужден.

— Ты предоставишь мне политическое убежище на своей хате? — сказал он Якушевой.

— Нет,— твердо ответила она,— уходи. Коля, меня не впутывай.

В шесть часов утра она встала, накормила сына, оставила завтрак Красовскому и вместе с ребенком ушла. Ей надо было отвезти в садик мальчика и успеть на работу. Она в столовой была старшей официанткой.

Красовский спал. Когда проснулся, первое, что подумал: «Было вчерашнее или привиделось?» Сумка с деньгами стояла около диванчика.

Было.

Сквозь тоненькую, необшитую дверь слышались хлопанье дверей, утренние разговоры людей, спешивших на работу, крик детей, опаздывающих в школу.

Он испытал мгновенный прежний жуткий страх, подобный желудочной колике... Не мог встать с кровати.

Через минуту прошло. Выпил коньяку, умылся.

В комнате было прибрано, в углу сиротливо стояли детские тапочки и корабль. На лакированной, блестящей полке трельяжика блестела помада в золоченой капсулке, пудра, лосьон и еще что-то с непонятным, как бы японским названием — дезодоро.

— Дезодоро, — повторил Красовский, вырвал из школьной тетрадки листок и на клочке написал ей записку всего лишь из одного слова: «Спасибо».

Затем он достал из сумки пачку денег и положил рядом с запиской. Там было 800 рублей.

— Я умею благодарить людей, которые протянули мне руку в трудную минуту, — говорил он на следствии.

В последний момент, поколебавшись, он забрал назад три бумажки по 50 рублей.

Благодарить надо, но не настолько.

Теперь он шел к другой своей подруге, к другой своей «знакомой», как он называл ее на следствии.

С этой женщиной отношения были более длительные и сложные. Иногда Красовскому казалось, что он женится на Ирине.

Ее он не застал дома, но ему открыл сосед.

Красовский поставил около себя сумку и, сидя на диванчике, заснул

Необычайная сонливость владела им и все последующие дни — в те минуты и часы, когда он оставался один.

В присутствии Ирины он, наоборот, много и возбужденно разговаривал, хохотал, беспрестанно ходил по комнате, строил планы на будущее.

Женщина пришла, обрадовалась ему, попыталась убрать сумку, стоявшую посреди комнаты, перед диваном. Сумка была тяжелая.

— Что там? — спросила она.

— Да так, всякая мелочишка, — сказал он и подбросил денежную пачку.

Хотелось играть, небрежно темнить, ошарашивать женщину, но следовало держаться в рамочках.

— Да не бойся, что лицо вытянула — был у меня дом под Моздоком. Теперь нет дома. Теперь вот мой дом, — он обвел рукой полупустую комнату.

— Телевизор купим? — с придыханием спросила она.

— Купим, — засмеялся он. — Машину купим. Покатаемся. Что хочешь, то и купим. А сейчас бы выпить, закусить.

Пошла в магазин.

Он мылся в ванной. На руке был глубокий след укуса. С тревогой подумал об убитом... Затем успокоил себя...

«А, черт с ним, одним идиотом меньше».

Она принесла водку, закуску. Пили.

Красовский все время смеялся и читал свои любимые стихи:

Жизнь идет, да бежит,
Быстро катится,
Кто не пил, не любил,
Потом хватится.

Зашел знакомый Ирины. У него была странная фамилия — Слока. Есть такой городок — Слока.

«Уехать, что ли, в Слону? — думал Красовский. — Нет, близко. Может, в Орджоникидзе? Куда бы уехать? Все надо сменить: и город, и паспорт, и баб, и фамилию. Бежать надо. Вот пойду сейчас и сяду на самолет». (На самолет он сесть не мог, так как уничтожил свой паспорт.)

И на вокзал он тоже не пошел. Думал, успеется.

Ночью прятали деньги на антресолях и на чердаке. Одна пачка завалилась, рухнула в пыльный, залепленный паутиной проем. Ирина потом нашла ее, припрятала... Пригодится в хозяйстве. (Эти ее старания будут стоить Ирине дополнительного срока.)

Ну и жизнь пошла! Николай, так любивший выпить, погулять на дармовщинку, как говорится, не жалел затрат. Пей не хочу! Ирине он подарил три тысячи — на телевизор и другие культурно-хозяйственные нужды.

Весь следующий день до позднего вечера Николай тоже пил. О Мезисе он не думал. Будто и не было такого — Мезиса.

Один раз только подумал: «А что если его уже взяли?»

Как хорошо, что он скрыл от Мезиса свои явки! Хоть это-то было продумано точно. Да и почему его должны так быстро взять? Ходит небось, сшибает у соседей, у сестры по рублику на сто граммов.

«Тупица ты, Мезис... Кто пан, а кто пропал. Победителей не судят».

— Ты что во сне бормочешь? — спросила его женщина

— Думаю, — сказал Красовский.

— О чем?

— А тебя что — наняли? — резко сказал Красовский.

Она не поняла и обиделась, отвернулась к стене. Так хорошо погуляли, а теперь хамит.

Когда к Мезису пришли, он сидел на кухне и ел. Попросил только, чтобы дали дообедать.

— У нас дообедаете, — сказали ему.

Он встал и спокойно пошел.

Его выдержка поразительна. Впрочем, выдержка ли это?

Скорее полное отсутствие воображения.

Он тупо и спокойно пошел. Все, что он делал, было тупо и спокойно.

«Авось не расстреляют, — думал он. — Если уж кого расстреливать, так Николая. Николай ведь это задумал. А он только так, на подхвате... Вроде как бы исполнитель».

Он слышал где-то, что исполнителей прощают.

Рассказал все на первом же допросе.

На следующий день по телевидению уже показывали портрет скрывшегося преступника.

Этот портрет видел Слока. Преступник сильно смахивал на парня, которого он застал у Ирины... Этот парень пил, не просыхая, без конца разглагольствовал и вообще показался Слоке нахальным и психоватым. Слока попросил Ирину выйти из квартиры и на улице рассказал про передачу, которую только что видел по телевизору.

Ирина оскорбилась:

— Мало ли что показывают, вот, например, «Следствие ведут Знатоки».

— Ошибаешься, — сказал Слока, — то постановка, а это — предупреждение гражданам. И я лично даже очень тебя предупреждаю.

Она вспомнила о сумке и, побледнев, побежала в комнату, где сидел Николай.

— Коля... Тут одного по телевизору показывали... Ты не натворил чего?

Красовский внимательно посмотрел на нее и пробормотал:

— Чего мелешь?

Вскоре он ушел от нее, взяв сумку с деньгами.

Работники таксопарка были потрясены случившимся. На похороны Карпова пришли сотни людей. Был митинг. Говорили речи. Вспоминали, какой он был производственник, исполнительный и работящий. Часто слышалось: он был хороший человек.

Был.

Двое его детей сидели дома с соседкой.

Обычно, когда отец возвращался со смены, когда отсыпался, он играл с ними в настольный хоккей. В комнате было темно, окна зашторены, а зеркало занавешено темной материей.

Настольный хоккей спрятали. Взрослые неизвестно отчего обращались с ними, как с больными. На самом деле они были вполне здоровы... Только им было почему-то страшно.

Красовский сел в электричку, поехал в Огре. На коленях он держал сумку с деньгами.

В вагоне электрички ему казалось, что его хотят обокрасть. Какой-то подозрительный малый все время маячил рядом.

«С людьми надо ухо востро держать, если у тебя деньги в кармане», — подумал Красовский.

В Огре переночевал в спортивной школе. Дверь открыл легко, гвоздиком (спортшкола была ему знакома, он здесь уже ночевал когда-то). Спал на матах, в гулком просторном зале с зарешеченными окнами... Проснулся, когда стало светать. Снаряды чернели, чуть пугая сходством с притаившимися в засаде людьми... Быстро взял свою сумку, вышел и на первой же попутке доехал туда, где город кончался и начинались поселки, расплатился с водителем, сделал крюк, чтобы обойти пост ГАИ. Затем добрался до маленького заброшенного хуторка и там, на чердаке старого заколоченного дома, спрятал сумку... Часть денег взял с собой, рассовал по карманам.

Поехал назад, в Ригу. Первым делом пошел в универмаг. Там купил костюм, серебристый, блестящий, югославский, золотые запонки за 148 рублей, золотые часы, браслет, ботинки, рубашку. Теперь у него все было новое. Хотя деньги легко и быстро уходили, их оставалось еще очень много. Покупал легко и как бы даже весело. А на продавщиц смотрел важно и чуть снисходительно.

Впрочем, одна продавщица ему сильно не понравилась: глядела подозрительно, будто он был фарцовщик или еще кто. Такая рыженькая, косоглазая, вроде бы татарочка. Только плевать он на нее хотел.

Он посмотрел на себя в зеркало и улыбнулся: силен мужик. Такого костюма у него еще не было. Только брюки «индели, пожалуй, мешковато. Это его раздражало. В человеке все должно быть прекрасно...

Пошел в мастерскую под названием «Силуэт». Достал червонец.

— Срочно. Я в командировке... Времени нет.

Командировка ему нравилась.

А времени действительно не было.

Он пошел на вокзал посмотреть, куда ходят поезда, обдумать варианты, а может, и взять билет.

Надо было уезжать. Куда? В Орджоникидзе? Там знакомые есть. Пожалуй, там не найдут.

И еще подумал о том, что слишком долго чикался у Ирины. В жизни все надо делать быстро. Все, как говорится, в свое время. Опоздаешь — кранты.

У вокзала, у щита стояли люди. Красовский хотел обойти, но что-то его кольнуло.

«А вдруг про меня?», — подумал он — даже не подумал, а будто бы тень мысли проскользнула, неприятно обдав холодком. Будто какой маленький счетчик сидел в затылке и громко щелкал. И хотелось бежать, но бежать было нельзя, потому что все вокруг, буквально все, вроде как бы прищурившись, смотрели на него. Смотрели, будто он был им нужен.

И не нужен вовсе, а просто довят...

«Это же настоящая лотерея», — изумился он... Он только в книжках читал, что вот так, сразу...

Но пока никто на него не смотрел, а все смотрели на лист под стеклом.

На листе темнела фотография человека.

Фотографии он не видел и фамилии тоже... Прочитал, а вернее — угадал только одно слово — «разыскивается».

И тут словно бы взорвалось в голове: «Это ведь я на портрете, я, Коля!..»

Ему захотелось принять таблетку, чтобы сразу заснуть. Горячее, горячее, будто пар в финской бане, сухо обожгло его, от головы до желудка, от желудка до омертвевших ног — страх.

И пошел быстренько, быстренько, мелко в новом блестящем костюмчике, в расклешенных брюках, которые полоскались по мокрому снегу, посыпанному песком. Он шел, и шла толпа. Люди спешили куда-то и словно бы делали вид, что им нет дела до него, но знал — есть. Все они смотрят и следят, куда он сейчас пойдет.

И какая-то машина тихонечко ехала около тротуара, и ребята в серых зимних курточках и в синих скромных полупальто шли и переговаривались, не глядя на него.

Но он словно бы уже видел их где-то. Когда-то они уже шли точно так же за ним.

И он подумал: «Так не обойдется — теперь я пропаду. Теперь уж совсем. Еще минута, может, пять...»

«А может, лучше самому и сразу. Да, это я. Я, Красовский».

Может, так... Или бегать, и ждать, и смотреть искоса на прохожих, и натыкаться все время на рослых парней в синих драповых полупальто, равнодушно и как бы рассеянно глядящих мимо него...

Мелким, суетливым шагом он бежал, оскальзываясь, как на катке, по людной улице, к зданию УВД и все не мог решить: пойти самому или прыгнуть в первый же троллейбус, забиться в угол, выскочить на остановке, нырнуть в каменную подворотню старого города, где пусто, тихо, никто не знает, не ищет, не хочет взять.

— Красовский, Красовский, не спешите. Не торопитесь, Красовский. Пожалуйста, остановитесь. Так. И руки... Руки!

«Если бы мне оставили жизнь, я бы уехал в глушь, работал бы конюхом, писал книжки».

Когда лаборантка брала у него анализ крови для медэкспертизы, он сказал:

— Я всегда боюсь вида собственной крови.

— А Карпова ты когда кончал, когда добивал его, сколько ее вытекло, крови человеческой? — крикнула в голос лаборантка.

Нет, не крикнула. Только хотела. Только про себя. На работе не полагается...

Следователю, начавшему его допрашивать, он сказал:

— Дайте коньяку, тогда все расскажу.

И приподняв затухшие глаза, сказал, улыбаясь и с наигрышем:

— Это не разговор — всухую.

Все деньги взяли. Взяли и те три тысячи, что оставил Ирине на телевизор. И ту пачечку, которая затерялась в пыльном паутинном закутке антресолей.

Все взяли. Телевизора не будет.

Ее допрашивали. Она то плакала, то ругалась:

— Какой подлец... подлец. — Потом: — Он ведь щедрый, добрый, может, не он убивал.

Мезис снова прошел прежний маршрут, уже не с Красовским, а с работниками милиции. В лесу, куда его привезли, было необычно тихо, солнечно... Ворон прянул на сосну, качнув ветви... Виднелся свежий сквозной заячий след — крутой, выражами... Медленно шли по только что выпавшему, золотистому, легкому снегу.

Никто никого никогда здесь не убивал.

Только что это за бурые безобразные полузасыпанные снегом клочки рваной материи?

Место это утратило свое старое название. Теперь оно называлось «местом преступления».

— Вроде бы здесь дело было, — пояснял Мезис. — Красовский начал... потом уж я приступил. Красовский мне кричал... Сейчас припомним, о чем был разговор...

Он припоминал, неторопливо рассказывал, давал подробные пояснения.

На суде мне удалось поговорить с разными людьми: с инкассатором Чернышевым, с матерью Красовского, с сестрой и матерью Мезиса.

Сестра Мезиса говорила, что это все дурость с его стороны, своего рода баловство. Будь у него квартира, а не коммуналка, никаких неприятностей бы не было, он бы дома сидел.

Мать его сказала, что он не виноват, виноват Красовский.

Мать Красовского молчала, ее трясло.

Я давал ей таблетки седуксена. Она не могла их проглотить. Дубленое, загорелое крестьянское лицо было высохшим и черным, как на иконе.

Единственную фразу она сказала, когда мимо нее прошла мать убитого: не отводя глаз, сухо, напряженно глядя на ту женщину, она внятно проговорила:

— Уж лучше б на ее месте.

Чернышев сказал после суда:

— Я не испытываю к Красовскому личной ненависти. Оттого что его и Мезиса на будет на свете, мне не станет легче. Но с приговором я полностью согласен... Просто зло должно знать, что существует возмездие. Откуда такая подлость, такая нелюдская жестокость? Значит, из-за денег все можно? И никогда не подумаешь — человек как человек, сидел, что-то мне рассказывал, а потом взял — ломом. До сих пор не поверю, что это со мной было.

Один из главных нравственных уроков этого дела — реакция людей на преступление, поразительный эффект общественной гласности.

То, как вместе, в едином порыве, помогая милиции, искали убийц, то, как шли на похороны Карпова, то, как сидели на суде, как слушали, заставляло о многом задуматься.

Не только гнев был там и желание покарать. И не только жалость к жертве, к потерпевшим.

Вырабатывалось, осмысливалось, вызревало новое понимание и ценности, и единственности жизни.

Вырабатывалась бо́льшая нетерпимость к проявлениям жестокости, к праву кулака, к авторитету грубой силы.

Дело это заставило на многое взглянуть другими глазами.

Много говорили и думали о детях: о детях убитого Карпова, о ребенке убийцы Красовского, о детях двух женщин, волей или неволей ставших соучастницами в этом деле. (Во имя этих детей и был сведен к минимуму приговор этим женщинам.)

Что они там кричат, бегая во дворе? В кого стреляют из игрушечных автоматов?

Автоматы нельзя отнять. Это не поможет и противопоказано детству.

Но когда взрослые, ссорясь, кричат: «Я прибью тебя», — это слышат дети. И, возможно, в их дворовой драке кто-то выкрикнет с недетским ожесточением: «Я убью тебя!»

Осторожнее со словами. Многое начинается со слов.

Кто-то из знавших Мезиса говорил, что он начал материться чуть ли не с пяти лет. Есть люди, которые привыкли к ожесточению, как к нормальному состоянию души.

Понимаю, что и правовое воспитание, и любая страстная публицистика, и даже неотвратимость наказания все-таки не оградят нас до конца от возможных красовских и мезисов.

И все-таки чем громче и явственней будет голос, тревожно говорящий людям, что даже в шутку нельзя посягать на другую человеческую жизнь, что в зародыше слабого уже видится некий зародыш убийства, тем труднее будет атмосфере для исполнения и осуществления жестоких замыслов, подобных замыслу Красовского и Мезиса.

Я слышал их последнее слово. Красовский говорил еле слышно, опустив глаза вниз, к полу, к земле, голос его как бы западал в резкой, гулкой тишине:

— Я знаю, я лишил мать — сына, жену — мужа, ребенка — отца. Этому нет прощения... Но я очень прошу вас, граждане судьи, я вас очень прошу...

Мезис сказал:

— Я и не жил, граждане судьи, я всего лишь существовал.

Слушая их, как бы отбросив на секунду реально случившееся, забыв обо всем, что было, ловлю себя на том, в чем, может, я признаваться не следует — мне жаль тупую их, загубленную, несостоявшуюся, так и не ставшую человеческой жизнь.

Забыв обо всем, что было.

Окончание. Начало см. «ЛГ», №№ 35 и 36.

Глеб ГОРБОВСКИЙ

К БАРЬЕРУ!

Поэт читает редакционную почту

ХОРОШО это или плохо — помнить зло? Зло, причиненное тебе незаслуженно. Тебе или твоему другу, твоему делу...

Спроси об этом лирически «заряженных» собеседников, и ответы последуют примерно такие. «Плохо это, — скажет восторженный гуманитарий, — не надо быть злопамятным». «Да и некогда возиться с обидчиком, — добавит энергичный технарь. — Дел невпроворот, а времени в обрез».

И многие, действительно, обеими руками отмахиваются от содеянного кем-то зла. В лучшем случае ларнут в сердцах, и дело с концом.

Но не будем спешить с обвинениями в равнодушии, хотя они и напрашиваются, когда слышишь подобные высказывания. Нет, так говорят в люди вполне достойные, уважающие себя. Но и они иногда отступают перед теми, кто навек обидел. Еще Лев Толстой писал: «Самоуверенные, неумные и безнравственные люди часто внушают уважение скромным, умным, нравственным людям именно потому, что скромный человек, судя по себе, никак не может себе представить, чтобы плохой человек мог бы так уважать себя». Часто люди скромные, не привыкшие к подобной «самообороне», оказываются растерянными перед явным хамством, не способными постоять за себя.

Простодушие... О нем в прежде писалось и говорилось. Даже отличительной чертой русского народа именовали такое свойство. Что ж, простодушие пороком не назовешь. Вот и слабостью обозвать его язык не поворачивается. Простодушие — добрая черта характера человека. Но важно, как мне кажется, чтобы из доброй не превратилась она в добренькую. И что, пожалуй, самое важное — не обернулась бы она прекраснодушием, всепрощенчеством, непротивлением.

Всем известно, что если зло не пресечь вовремя, оно, пуская корешки, разрастается. И совершение его, одно лишь разглагольствование или прилчитание по его поводу порождают ненаказуемость. Чем отдаленнее минута возникновения зла, не пресеченного тотчас, тем призрачнее возможность воздать обидчику по заслугам.

Предметный разговор свой начнем и завершим с позиции силы, той силы, имя которой — справедливость.

Два письма. Два случая, происшедших почти одновременно и разных городах. Два оттенка одного и того же явления. Два человеческих характера. Но оба наших корреспондента — из Кишинева и города Кропоткина Краснодарского края — действовали, сообразуясь с неписаным законом чести, не позволили унизить свое человеческое достоинство! Подумаешь, подвиг, скажет кто-то. Ведь это должно быть нормой... Согласен. Должно быть. Но, к сожалению, нередко можно услышать бездумное, равнодушное и, если хотите, трусливое: «Ну его! Свяжись только с хамом!..»

А в письмах, которые легли в тот день на редакционный стол, отношение к этому явлению недвусмысленное. И что самое отрадное — подтвержденное поступками. Итак, письмо первое. И что удивительно: веселое письмо! Иначе его не назовешь. А причина хорошего настроения автора — торжество справедливости. И не просто справедливости, а справедливости, добытой самостоятельно.

То, что произошло с Н. М. Сальниковой, учительницей из Кропоткина,—событие негромкое и, как принято иногда писать, «само по себе вряд ли заслуживающее пристального внимания».

Случилось оно в разгар нынешнего лета на станции Кавказская, где Сальникова преподает в железнодорожной школе. Зашла она в «Гастроном», чтобы выпить стакан молочного коктейля. Впереди Сальниковой, васлоняя собой обзор, а главное — прилавок, угощалась коктейлем молодая женщина в форменной пилотке проводника. Нелли Михайловна вежливо попросила девушку немного подвинуться. И вдруг... Уж что именно не понравилось «молоденькой и симпатичной», как называет ее в письме Сальникова, только проводница повернулась и злобно бросила через плечо: «Отстань, дура!», а затем процедила сквозь зубы: «Скотина!». Когда же учительница попыталась вразумить разбушевавшуюся красотку, та и вовсе распоясалась, перейдя на выражения, мягко говоря, внешкольного обихода.

Защищаясь от атакующего хамства, некоторые из нас, чего греха таить, в подобной ситуации «обнажили бы оружие» и дали отпор обидчику если не на его диалекте, то уж непременно в выражениях и с темпераментом, «подобающим» конфликту. В итоге мы уподобились бы самому обидчику. Другие в положении Сальниковой вовсе бы промолчали и отступились. Но Нелли Михайловна была учительницей. Каждый год она провожала в жизнь учеников, выпускников своей школы — мальчиков и девочек, таких же «молоденьких и симпатичных», как вта проводница. Напутствовала на жизнь честную и справедливую. И вдруг недавняя выпускница, не ее, нет... Да разве вто имеет значение! Можно представить себе состояние Нелли Михайловны.

И Сальникова пришла на вокзал. Разыскала бригадира поезда «Кавказская — Ставрополь» тов. Фильченко. Рассказала ему о случившемся. Чем закончилась вта встреча, пусть расскажет сама Сальникова:

— Когда я попросила бригадира назвать фамилию проводницы, в ответ посыпалось: «Слушай ты, базарная баба! Хватит здесь шляться. Мало ли кто тебя обругал. Вот если бы в поезде случилось, — другое дело... Убирайся! Ты я правда дура!» А когда я уходила, добавил вслед: «Тебе все равно никто не поверит: свидетелей-то нет!». А если и есть, откажутся. Он усвоил твердо — хамство не любит свидетелей. Я пошла в резерв проводников нашей станции, и там мне посоветовали написать в Ростов, в Управление Северо-Кавказской железной дороги. Что я и сделала.

И вот спустя три недели на дом к Сальниковой явилась та самая молодая женщина.

— Я приехала извиниться перед вами.

— Приехали? Откуда?

— Из Ставрополя. (Это в 200 километрах.) К нам на работу пришло из Ростова письмо, и я очень прошу вас простить меня.

— А ваш бригадир? Он тоже решил извиниться?

— Да. Прислал вам письменное извинение.

«Уважаемая товарищ Сальникова! — читаю я в этом письме. — Прошу извинить меня за грубость, за необдуманные действия. Обещаю, что такое больше не повторится. С уважением Фильченко».

«Вид у нее был жалкий, — пишет Сальникова, — не было и следа прежнего высокомерия... Право, я чувствовала жалость к ней. Жалость сильного к слабому. Я написала на имя начальника вагонной службы станции Ставрополь, что извинения принимаю... Видите, как мало надо человеку. Слово «извините», — и дышать легче, и камень с души».

Так же решительно поступила и Анна Александровна Никанорова, автор другого письма в редакцию. Она тоже немолода, мать двоих детей. Не захотела Анна Александровна «проглотить» брошенные по ее адресу оскорбления, не стерпела, не поплатилась трусливой мысли: «Ну что шум-то поднимать», а стала требовать справедливости. А дело было так.

В одиннадцатом часу вечера на платную автостоянку, где дежурила Никанорова, подъехал «Москвич». Посигналил. Но Анна Александровна ворот не открыла. Не полагается после десяти часов вечера. Так записано в решении горисполкома, так было предписано всем дежурным, так она и поступила. Наверное, можно посочувствовать запоздавшему автомобилисту. Может быть, поспорить с решением горисполкома о столь строгом ограничении времени приезда на стоянку. Такой спор был бы в пределах поведения порядочного, здравого... Но тому самому автомобилисту в этих пределах было тесно. И он перешагнул за предел, как и его юная предшественница из предыдущей истории. Он, мужчина, избирает оружием борьбы против пожилой дежурной сквернословие. И заканчивает хамством: «Пьяная баба!».

Согласитесь, вто довольно неприятно слышать, если ты и капли в рот не берешь ни на работе, ни дома. Анна Александровна ответила обидчику резкостью. Слово за слово, дело дошло до милиции. Напуганное руководство «Трансэкспедиции» поспешило вычеркнуть Никанорову из списка премируемых и «на всякий случай» отчитало ее перед коллективом. А когда началось серьезное разбирательство, пришла пора испугаться и автомобилисту. Он стал засылать послов к Анне Александровне, предлагая перемирие. Извините, мол, погорячился... Точь-в-точь как та молоденькая нашкодившая проводница... Тут бы можно упрекнуть и Анну Александровну — не удовлетворилась она извинениями, а пошла в суд. Не знаю, стоило ан? Но отрадно сознавать, что сегодня совсем не просто заставить человека смириться с несправедливостью, ошарашить его напрасанной, клеветой.

Есть в русском языке емкое и точное слово — бесчестье (поругание чести, оскорбление). Но оно почему-то вышло из обихода и целиком стало принадлежностью литературы, да и то литературы классической. Перешло в ранг слов «красивых», уводящих в век девятнадцатый. И в словарях против него стоит решительное — «устар.». А между тем слово вто, как никакое другое, определяет суть писем, о которых тут ведется разговор.

Обесчестить — значит запачкать честь, оскорбить. Помните — рыцарская честь, офицерская, наконец, девичья честь... И даже честь мундира, честь погон и т. д. Но яге вто производные одной-единственной чести — человеческой. И, конечно же сейчас, продолжая этот список, мы говорим теперь о чести советского человека, чести, основанной на завоеваниях нашего строя, на выработанном социальной нашей жизнью моральном кодексе. И защищать ее не только и, пожалуй, не столько дело органов правосудия, как нас же самих.

В прошлые века, чтобы защитить свою честь, человек нередко обнажал шпагу, вызывая обидчика на дуэль... Ну вот, скажете вы, договорился и до дуэлей! Не восстановить ли снова этот давно похороненный в веках варварский обычай? Но не торопитесь с выводами. Не в буквальном смысле о дуэлях я веду здесь речь.

Но разве не «обнажила шпагу» старая учительница из Кропоткина, требуя удовлетворения! И только получив его, смогла снова спокойно сказать своим маленьким ученикам: «Зло не остается безнаказанным!».

И разве в вызове оскорбленной матери двух детей из Кишинева, скромной дежурной на автостоянке, не слышится древнее: «К барьеру!»?

Да, да... К незримому барьеру человеческой совести и к реальному барьеру товарищеского и народного суда, перед которым должны предстать хамство, грубость, беспардонность, пошлость...

ДЕРЖИТЕ КРЕПЧЕ ПОВОДОК!

Заметки о парадоксальной форме приспособления к городской жизни зверей и птиц, дикой фауны планеты

В. ТРАВИНСКИЙ

ЗВЕРЮ сейчас, как ни странно, стало лучше... среди людей, в городе. Почему? Прежде чем пояснить, я приведу две цитаты из книг для охотников.

Вот первая: «Охотники-любители в своем большинстве — романтики...» Вот вторая: «Леса, поля и болота, степи и пустыни, горы и водные пространства нашей страны, где в состоянии естественной свободы обитают дикие звери и птицы, относятся к охотничьим угодьям».

Как видите, из числа охотничьих угодий исключены лишь населенные пункты. Только здесь не грохочут залпы «романтиков с ружьем». Охотников-любителей, среди которых тонут, незаметны настоящие охотники, знатоки и любители природы.

О смертоносном биче любительской охоты, нависшем над фауной земли, много писалось. Чтобы не повторяться, я приведу несколько последних фактов ее убийственного влияния на водоплавающих птиц. В Новой Зеландии недавно окольцевали казарок и проследили их судьбу зимой и летом. Оказалось, что 80 процентов птиц погибло от пуль.

В. Богданов, начальник главного управления по охране природы, заповедникам и охотничьему хозяйству Министерства сельского хозяйства СССР (высшая в СССР «охотничья инстанция») писал: «Пресс охоты, действительно, является важнейшей причиной, которая ведет к снижению численности водоплавающих птиц». Он приводил и цифру: 90 процентов утон гибнет от охоты! Не мудрено: недавно одна из арат Соловьевского прииска треста «Амурзолото» со дна реки Уркана, притока Зеи, малоизвестной, второстепенной, не знаменитой среди охотников речки извлекла... 280 килограммов охотничьей дроби! А сколько дроби попало в цель?

В таком-то обкладе — куда же бедному водоплавающему податься? В город, хотя он приспособлен отнюдь не для уток, а для людей, хотя, конечно же, в нем не сыщешь того простора и воли, что на природе. На городском пруду не так сладко, само собой, как в лесном озере, но безопасней. Тот самый случай: не до жиру, быть бы живу.

ЧЕТВЕРОНОГИЕ И ПЕРНАТЫЕ ГОРОЖАНЕ

И вот в 230 прудах Москвы поселяются и выводят птенцов недавно еще столь пугливые кряквы; в Праге, в Лондоне, в Нью-Порке утки гнездятся прямо среди грома и гула городского транспорта, нимало не обращая внимания на людское соседство. В Женевском озере еще в 1960 году поселились редкие лебеди. Они оставались там и на зиму; тогда около ближайшей к берегу булочной выстраивалась лебединая очередь — люди помогали лебедям пожарчиться...

Положение лесной и степной птицы если и отличается от положения водоплавающей, то лишь в худшую сторону. Лес, степь вырубают, запахивают, нередко травят ядохимикатами — в отличие от городов опять же... В поле, в лесу стало трудно кормиться, да и выжить трудно. А в городе — сколько пищевых отходов, допустим, в Москве, сколько корма для неприхотливого дикого животного, особенно птиц! В городе впридачу тепло (чердаки, подвалы с паровым отоплением; средняя температура на два-три градуса выше, чем за околицей), редки ветры и метели, а главное — нет охотников, ядохимикатов, сельхозмашин, лесорубов и прочих атрибутов современной загородной цивилизации.

Несколько лет назад Всероссийское общество охраны природы произвело «инвентаризацию» московских пернатых, вольно обитающих за пределами зоопарков и домашних клеток. Оказалось, какие только птицы не прижились в столице! И те, о которых мечтают охотники: тетерев, глухарь, рябчик, перепел, куропатка, бекас; и певчие: иволга, щегол, дрозд, соловей, жаворонок; и вроде бы совсем уж не городские: чайка, цапля, сова, филин, кукушка; и всякие малоизвестные: вяхирь, клинтух, тулес, улит, гуменник, чернеть... Всего более ста семидесяти видов птиц — поболее, чем в любом лесу, иной области или государстве!

Поселились — и не без пользы для людей. В Москве воробьев около полумиллиона. Смелая, энергичная птица пользуется покровительством: воробьи — прекрасные чистильщики города, без рубля государственных дотаций они очень помогают держать Москву в чистоте. На втором месте дикие (точнее — никому не принадлежащие) голуби — ленивые, неопрятные птицы, которые, однако, нравятся многим и, значит, имеют полное право на существование. Строго охраняются домашние голуби: на учете в Ветеринарном управлении примерно двадцать тысяч голубевладельцев.

Ворон и галок — вблизи к полусотне тысяч. Скворцов особенно много на Ново-Песчаной. Огромные стаи пернатых жмутся к мясокомбинату в Останкине, ловчат, выклевывают кости, мездру. Самые предприимчивые летуны «патрулируют» железнодорожное полотно: из окон пригородных электричек сыплется немало съестного...

Но птицы-то куда ни шло... Живут на свободе в Москве лоси, лани, олени, белки, зайцы, еноты, ежи, разные грызуны. Время от времени обнаруживают волчье логова: к примеру, три года назад такой случай описал в «Комсомольской правде» Василий Песков.

«ЗАРПЛАТА» АДМИРАЛТЕЙСКОГО КОТА

Дикие животные не только самовольно переселяются в города. Их сюда вовзят во все возрастающих количествах горожане, как бы заводя у себя по квартирам кусочки живой природы, отдохновение от урбанизма и «полезных чудищ» технического прогресса. К традиционным аквариумным рыбкам и певчим птичкам присоединяются всевозможные зверюшки, вплоть до самых экзотических. В крупных городах на квартирах живут сотни обезьян... Крокодилы... Змеи... Однажды любопытный питон вылез из квартиры на лестничную площадку. То-то переполоху было: больше всех испугался сам питон, еле потом выходили. Много пчел: две с половиной тысячи пчелиных семей содержат москвичи — даже на балконах и прямо в комнатах. У Тамары Офицеровой огромная коллекция живых черепах. А у героической женщины Валентины Семашко под Москвой обитает в крошечной квартирке годовалая львица. Валя — не гений дрессировки; львица, кроме нее, никого не признает. Соседки боятся войти в квартиру; сама Валя живет на кухне... Зоопарк львицу не берет, туберкулез у зверя, а пристреливать жалко.

Множество в прошлом диких зверей появляется на улицах города именно из квартир, сбежав от владельцев. Ежи, скажем, пристраиваются в садиках среди кустов; хомячки поселяются в межстенных перекрытиях и кормятся у мусоропровода...

Такова всемирная тенденция, парадоксальное, но внутренне вполне закономерное явление. Американский специалист пишет о США: «Во всех больших городах живет поразительно много представителей диких растений и животных». Для Нью-Йорка перечисляются: лисы, опоссумы, белки, ондатры, еноты, летучие мыши, птицы... Ходят, мол, слухи об аллигаторах, проникших в канализацию. — «автор этих строк лично знаком с каймановой черепахой весом около 13—18 килограммов, тайном и, вероятно, счастливо живущей в главном городе Соединенных Штатов Америки совсем недалеко от городской ратуши».

Содержать дома диких животных стало истинным увлечением миллионов людей, лишенных непосредственного общения с природой.

На Западе дельцы начали тотчас эксплуатировать новую массовую потребность. Американский наблюдатель обнаружил в универмагах «Что угодно за пять или десять центов», прямо-таки ноев ковчег, изготовленный для торговой потребы: продавались, кроме обычных зверей и птиц, морские черепахи, обезьяны, оцелоты с обрезанными когтями, экваториальные бородастики, колибри, малайские летучие драконы, древесные муравьеды, трехпалые ленивцы и даже рогатые ящерицы, что ни в коем случае не живут в неволе, у которых даже не исследован механизм питания!

Агенты торговцев животными стали опустошать тропические леса; под угрозой даже бассейн Амазонки. В США они ежегодно завозят около 80 тысяч млекопитающих, полтораста тысяч земноводных, более 200 тысяч птиц, 400 тысяч пресмыкающихся и 27 миллионов рыб!

В Англии пример гражданам подают государственные учреждения. В Тауэре по традиции вот уже сотни лет содержатся на воротах замка гнезда шести крупных воронов: они считаются как бы «на госслужбе», им положено по 24 шиллинга «на клюв» в день: «чтобы клюв не упал». В здании же морского министерства полноправно присутствует кот Пэт (он уже много лет Пэт): «его величества Адмиралтейства ловчий кот». Но мышей стало мало, ловлей не проживешь, поэтому Адмиралтейство финансирует Пэта пятью шиллингами в день.

В английских домах зарегистрировано шесть миллионов кошек и четыре миллиона собак. У чудаков, оригиналов и серьезных исследователей живут в домах гориллы, тигры, волки, медведи, змеи. Торговцы живым товаром процветают, хотя без эксцессов не обходится. Не так давно жители города Салфорда просили мэрию навести порядок в лавке торговца животными Билла Грэхэма. Заявление походило на анекдот: мол, то, что у Грэхэма за забором скачут леопарды, — ладно; то, что по подоконнику ползают скорпионы, — ладно; но вот только что из лавки ускользнул «товар» с артикулом «ядовитая кобра», — как бы беды не вышло...

За подобными милыми историями, многоликими анекдотами вырисовываются, однако, контуры назревающей проблемы. Далеко зашедшее переустройство планеты в результате урбанизации и хозяйственной деятельности людей, кроме всего прочего, вызвало и крутые изменения в отношении человека с животным миром. Стихийное переселение дички в города нарастает. И нет сомнения, нарастать будет.

Если мы, положим, знаем, что в разрастающихся городских садах, парках поселятся белки, лани или зайцы, надо заранее позаботиться об их крове, питании и правовом положении в мире людей. В зеленых зонах не может быть и речи о любительской охоте, однако нельзя допускать и бесконтрольного размножения «дикарей».

Вряд ли кролики, допустим, в условиях миллионного города могут превратиться в такое же бедствие, как на австралийском слабонаселенном материке, но эпизотии среди грызунов, известно, небезопасны и для людей... Следовательно, за ними нужны ветеринарный глаз да контроль.

Если пруды заселяются водоплавающими, им необходимо помочь и едой, и жильем, защитить их от кошек, зимой, возможно, обогревать бассейны: это практикуется за рубежом, дело несложное и недорогое...

А наземные птицы? О скворцах вот школьники заботятся, но как раз скворцов в городах мало, и будет мало. Почему бы домики не изготовлять и для других видов? Или узаконить их проживание по крышам и чердакам, нарочно приспосабливать для них крыши и чердаки? Да что чердаки! Ведь ежели содержание диких животных дома делается всеобщим увлечением, не мешало бы и квартиры для этого как-то приспособлять, может быть, даже начиная со стадии проектирования, — ну, например, предусмотреть встроенный аквариум или клетку, разборный, раздвижной зооуголок? Зообалкон? Взимать за них отдельную плату?

Наконец, нужно всегда быть готовыми к тому, что змея ускользнет из квартиры, не дай бог, выползет на лестничную площадку — значит, иметь спецслужбу по отлову «беглецов», места для их содержания, пока не объявится старый или не отыщется новый хозяин. Причудливые заботы в этом случае ждут нас, я понимаю, однако следует готовиться к приятным и неприятным последствиям тесного контакта с дикой фауной.

ОТВЕТА ПОКА НЕТ

Видимо, тут нам может помочь опыт отношений с городскими домашними животными. Не является ли положение псов и котов своеобразным прообразом будущего городской фауны вообще?

К сожалению, этот опыт пока невеселый. Правовые нормы, регулирующие все отношения, связанные с содержанием домашних животных, по общему мнению горожан и специалистов, далеки от совершенства.

Чтобы не быть голословным, я цитирую из сборника «Ветеринарное законодательство» инструкцию от 23 июня 1971 года: «Собаки, независимо от их породы и назначения, находящиеся (даже с ошейниками, жетонами и в намордниках) без владельцев на улицах, рынках, в скверах, садах, парках, на бульварах, пляжах, городском транспорте и т. п., бездомные кошки считаются бродячими и подлежат отлову, а в других местах — отлову или отстрелу...». Далее следует разъяснение: возвращение владельцам этих собак и кошек запрещается.

Значит, только в системе «человек — поводок — собака» ваше животное находится в безопасности. Как только вы выпускаете поводок из рук — «считается» и «подлежит». Вы на секунду отвернулись к киоску за газетами — уже «подлежит»... Вы зашли в магазин, оставив своего дисциплинированного пса-медалиста в наморднике посидеть, подождать у входа, — пес «подлежит»... Никакие медали и порода его не спасут, ибо, если помните, — «независимо от их породы и назначения»... Так в медалях и поволокут его, как миленького, на мыловаренный завод.

И не вздумайте спорить — отловщик вправе это сделать. Он при исполнении служебных обязанностей, он действует строго по закону!

Но, с другой стороны, строжайший контроль за собаками и кошками дал нам победу над бешенством. К чести московских ветеринаров, в столице не было ни одного случая бешенства начиная с 1952 года.

Я сижу в кабинете главного государственного ветеринарного инспектора Москвы Анатолия Васильевича Ковригина. Ему есть о чем сказать. Он стал главным ветеринаром Москвы двадцать четыре года назад. Он рассказывает интереснейшие вещи: как в сумятице жизни огромного города разыскивали ветеринары осколки прошлых или зародыши будущих эпидемий, общих у человека с животными, и устраняли их. Как наладили одну из лучших ветеринарных профилактических служб в мире: искоренили бешенство, в тринадцать раз снизила заболеваемость чумкой среди собак... Как создали систему ветеринарных лечебниц, ветучастков и аптек — триста пятьдесят тысяч посещений в год: это немало даже для столицы!

И вот я слышу от него: «Мы все же возвращаем собак владельцам, если те особенно настаивают. А большего сделать не можем: инструкция есть инструкция. Пока она не отменена...»

Я вспоминаю... Убийство хулиганами одного-единственного лебедя Борьки взволновало всю Москву и стало основанием для угодливого преследования нарушителей. А когда уничтожают тысячи «бродячих» собак и кошек, в большинстве домашних, имеющих хозяина, — скольким же людям наносится прямой нравственный урон?

И тут самое время упомянуть о другой стороне проблемы. До сих пор мы трактовали о правах владельцев животных. Но нет прав без обязанностей! Владелец обязан заботиться о «брате меньшем», если уж он его завел, иначе заботиться придется другим людям. Прискорбно, когда сотни геологических, геодезических и прочих поисковых партий в разных концах страны, особенно на Севере, бросают «за ненадобностью» ездовых, охотничьих или охранных собак в конце сезона: собаки дичают, голодают, становятся опасными... Периодически устраивают отстрелы бездомных псов: невеселое занятие, печальное зрелище! Неужто трудно пристроить перед отъездом «на материк» псов у добрых людей или уж вообще не брать щенков в поле?! А что сказать о благовоспитанных москвичах, киевлянах, ленинградцах, рижанах и прочих горожанах, счастливых получателях новых квартир, которые превращают эту процедуру в издевательство над домашними животными? Традиция, видите ли, требует, чтобы в новую квартиру впереди всех запустили кошку. Ну — запустили... А потом... выбросили на улицу — в мороз ли, дождь, в пургу! Кошка сдохнет от голода или будет по справедливости и необходимости уничтожена отловщиками. Редкие из них выживают и тогда дичают, превращаются в грозу птиц, уменьшая их и без того редеющее поголовье!

Таких хозяев, вероятно, следует не только осуждать, но и наказывать штрафом.

Опыт «призрения собак и кошек» заложит, надо думать, основы общей научной опеки над животным миром городов — вопрос совсем новый, решение его не имеет прецедентов.

Вот крадут кошки из утиных гнезд на прудах птенцов — хозяева кошек должны нести ответственность? Мальчишки уносят яйца из гнезд — это браконьерство? В тридцати прудах Москвы есть рыба, зарыбляются остальные двести, но если каждый желающий москвич раз в год поудит из пруда, что там, в прудах, останется? Запретить рыбную ловлю в столице или ввести плату за нее? Такие вопросы лежат на поверхности, но есть и поглубже, попутанней.

В принципе неясно даже самое главное: искать ли пути сосуществования людей и животных в городе или же принять иное решение: закрыть город для животных, создав для них подходящую среду обитания в пригородных лесах, полях и водах? Птицам, конечно, не выставишь шлагбаум, но в отношении диких животных, взятых человеком в квартиры, вопрос о запрете вполне может возникнуть. Но вот запрещать ли? Или как-то отрегулировать и целесообразно устроить это «содружество» в интересах людей? Ответа пока нет...

Экология городов почти не изучается. Архитектура и планировка пока не учитывают, что рядом с нами живет и еще теснее будет жить дикое животное, а превращать города в охотничьи угодья, то есть попросту расстреливать «братьев меньших» на улицах никак нельзя. Юридических норм «сообщежития», которыми все быстрее становятся крупнейшие людские поселения, практически не существует. Еще один объективный процесс нас обгоняет. Он подлежит осмыслению и анализу.

И потому, разумеется, уместно кончить призывом, вынесенным в заголовок: «Держите крепче поводок!». И не только тот, индивидуальный, на котором ведете ваших лопоухих и пушистых любимцев, но «поводок» сложных экологических процессов, протекающих у нас на глазах, рядом с нами, вокруг нас!

СУББОТА И ВОСКРЕСЕНЬЕ

На юге еще жара, еще в разгаре отпускной сезон, а в Москве и иных краях уже опадают первые листья. Хочешь не хочешь, все меньше остается теплых суббот и воскресений, когда после рабочей недели вдвоем, семьей или с друзьями можно отправиться в лес, к воде, в загородные приволья.

Но придет новое лето. И в субботне-воскресных зонах снова будут искать отдыха десятки миллионов горожан. Часть их организована. Это рабочие и служащие предприятий и ведомств, которые имают в пригородах свои пансионаты.

Но львиная доля движущихся на природу — иная. Официально их называют самодеятельными туристами. Целые города на субботу и воскресенье бунвально переселяются в зеленые зоны. Туризм выходного дня оформился в массовое явление, выдвинув еще один крупномасштабный вариант проблемы «Природа и мы». Сейчас отношения между горожанином и зеленой зоной складываются, за редким исключением, кустарно. Мы часто пишем о травмах, которые наносят природной среде туристы. Сегодня же «ЛГ» имеет возможность рассказать об опыте организации таких взаимоотношений горожанина с зеленой зоной, которые идут на благо и человеку, и природе.

ЛЕНИНГРАД. Вот что сообщают наш собственный корреспондент Е. ГАБИС и писатель В. ЛЕБЕДЕВ.

Лесхоз... Тихой лесной дорогой, испещренной солнечными лучами, вы выходите на берег замершего в безветрии озера. Тишина первозданная. Птичьи голоса делают ее словно объемной. И ни души кругом. Прибрежной тропкой вы идете над озером, ищете, где бы остановиться, соорудить импровизированный бивак. Но что это? Деревянный двускатный навес, подобие большого шалаша. Кострище, огороженное металлическим барьером. Около него стилизованная скамья — плаха из пополам распиленного бревна. С другой стороны — пни-табуреты. Поодаль — поленница дров и обшитая досками яма для мусора... И никаких запрещений, никаких ограничений. Только щит на той лесной дороге: «Дорогой друг! Мы старались создать тебе все условия для удобного и приятного отдыха. Все здесь сделано для тебя. Ты можешь отблагодарить за заботу бережным отношением к сделанному. Хорошего тебе отдыха!»

Двадцать шесть таких удобных, укромных стоянок насчитали мы, пока шли вместе с директором лесхоза Сергеем Михайловичем Головиным вокруг озера Лугового.

Подавляющее большинство стоянок было занято. Ребята и девчата со «Скорохода» и «Электросилы», супружеская чета с двумя подростками, влюбленная парочка, группа юношей из ПТУ купались, загорали, рыбачили, варили уху, играли в волейбол, и... никто никому не мешал. Все стоянки искусно изолированы одна от другой: складками берега, густыми зарослями. И нигде — следов порубки; нет и ворохов еловых лап, на которые обычно ставят палатки «дикие туристы»: под палатки сооружены дощатые настилы.

— Трудно, пожалуй, невозможно подсчитать, — говорит С. М. Головин, — на сколько тысяч рублей здесь не сгорело леса. Пожары исключены самим устройством стоянок. А люди в этих местах бывали постоянно, даже в засуху.

С. М. Головину вторят управляющий трестом лесопарковой зоны Владимир Николаевич Киреев и заместитель председателя Общества охраны природы Николай Иванович Алексеенко.

...В Ленинграде давно практикуется и хорошо себя зарекомендовало шефство городских районов над «своими» лесопарками. Кировский район, например, много сделал в Сосновой Поляне: построил детские и спортивные площадки, беседки, проложил дорожки. О Кавголовском лесопарке заботится Смольнинский район, о Северо-приморском — Куйбышевский...

Подумали и о таких, например, мелочах: в железнодорожной кассе человеку с рюкзаком вместе с билетом вручают листовку с правилами поведения в лесу.

Расширение зеленой зоны Ленинграда, создание туристских баз проходят по плану комплексного экономического и социального развития города.

ТАЛЛИН. Председатель Общества охраны природы Эстонской ССР, кандидат биологических наук Я. ЭЙЛАРТ рассказывает нашему эстонскому корреспонденту Р. КАЭРА:

— Отдых и туризм у нас теснейшим образом связаны с охраной природы. Места, представляющие особый интерес, превращены в ландшафтные заказники.

...При выработке маршрутов органы охраны природы определяют степень возможной рекреационной нагрузки данного ландшафта, иначе говоря, определяют, сколько людей можно максимально допустить на территорию заказника. Вход или въезд в эти места регулируется строго ограниченным количеством стоянок для автомашин и автобусов, площадок для палаток, числом сувенирных билетов и печатных проспектов.

К примеру, заказник Пагамаа (в переводе на русский язык — «Сатанинская земля»), отличающийся своеобразной системой озер и необычной растительностью, в субботу и воскресенье посещает около тысячи человек — с экскурсиями и индивидуально. Поставив машину или палатку, турист или группа туристов отправляются пешком по точно установленному маршруту: по берегам озер, мимо речушек и родников, минуя древние погребенья и старинные сельские строения. Таблички на столбах и картах-проспектах указывают путь. Он может протянуться на 5, 7 или на 10 километров... Маршруты рассчитаны на несколько часов, на сутки, на двое суток. Среди них такие, как Отепя, Выртсярве, Кыремаа, связанный с жизнью и творчеством классика эстонской литературы Ф. Крейцвальда. Пристанища для ночлега, стоянки машин, а также площадки для палаток, как правило, расположены за пределами заказника. Там же приготовлен запас дров для костров или же указано ближайшее место его нахождения. Восемь лет назад при Министерстве лесного хозяйства и охраны природы был организован хозрасчетный «отдел мест отдыха» с самостоятельным штатом работников. Они-то, под контролем лесников, и создают в живописных местах республики платные кемпинги, мотели и палаточные лагеря, они-то и помогают установить гармоничные отношения туриста с природой. Например, прежде чем направиться на короткий отдых в лес, коллектив предприятия, имеющий такое намерение, заключает с соответствующим лесхозом договор. В договоре указывается место отдыха, а также оговаривается сумма аванса, которую предприятие внесет на счет лесного хозяйства. Если отдыхающие не могут убирать территорию, использованную под туристскую стоянку, ее в счет аванса, полученного от предприятия, приводят в порядок работники лесхоза.

Групповые походы разрешаются только под руководством и под ответственность организатора отдыха, представляющего то или иное предприятие или учреждение. Для таких организаторов, в частности, в народных университетах охраны природы, открытых во многих городах и районах республики, читается специальный курс лекций. Уже более трех тысяч человек прошли подготовку в этих университетах.

Заповедник

Фотоэтюд Т. ВАЖЕНОВА

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТВЕТ

«КОНФЛИКТ НА БЕРЕГУ РЕКИ»

«В статье М. Подгородникова и В. Травинского «Конфликт на берегу реки», опубликованной в №№ 4, 5 за 1974 год «Литературной газеты», подняты важнейшие вопросы охраны водных ресурсов от загрязнения, обращено внимание на неудовлетворительное строительство очистных сооружений, на гибель ценных пород рыб на реке Урал из-за залповых сбросов неочищенных сточных вод, на браконьерство и т. д.», — пишет в редакцию начальник института «Гидропроект» имени С. Я. Жука Д. Юринов.

Констатируя, что приведенные в статье факты «имеют, к сожалению, место и, естественно, вызывают законное возмущение», тов. Юринов в своем официальном ответе сообщает далее мнение института «Гидропроект» имени С. Я. Жука по поводу отдельных конкретных вопросов:

«Считаем предложение эксплуатацию подобных авторов об установлении лицензии на отлов осетровых неприемлемым, так как стадо осетровых недостаточно велико, чтобы разрешать подобную ловлю. Контролировать разрешенный лимит отлова значительно труднее, чем бороться с браконьерством.

Совершенно справедлива критика примитивного и недопустимого способа охраны вод от загрязнения: сбор неочищенных сточных вод в накопители, с тем чтобы опорожнять их в паводок. Такой способ приводит к тому, что очистные сооружения не строятся. При отсутствии паводка сбросы все равно происходят.

Сейчас строительство очистных сооружений осуществляется организациями различных министерств и ведомств. Специализированных подразделений, обладающих опытом такого строительства, располагающих специальными кадрами, нет. Еще хуже обстоит дело с эксплуатацией очистных агрегатов. По нашему мнению, давно назрел вопрос об организации специализированных строительно-эксплуатационных трестов или управлений, которые осуществляли бы сооружение, наладку, ввод и эксплуатацию подобных объектов.

Очень существенны вопросы, связанные с возведением гидротехнических сооружений на реке Урал. Проект Медногорского водохранилища на реке Сакмаре разработан Куйбышевским филиалом «Гидропроекта» по «Схеме комплексного использования и охраны водных ресурсов бассейна реки Урал» и предусматривает удовлетворение нужд городов Медногорска, Кувандыка и всего окружающего района. В этой же схеме предусмотрено создание Галицинского водохранилища на реке Урал.

Упомянутая выше «Схема» реки Урал рассмотрена и одобрена экспертизой Госплана РСФСР и Минводхоза СССР.

В ней увязаны интересы всех отраслей народного хозяйства, и в частности рыбного. Намеченные мероприятия предусматривают прекращение загрязнения бассейна Урала, без чего невозможно решить проблему воспроизводства ценных пород рыб. Поэтому вопросам охраны вод от загрязнения, и прежде всего строительству очистных сооружений, их своевременному вводу и правильной эксплуатации, должно уделяться особое внимание».

На улицах чилийских городов

«На севере Чили, в пустыне Атакама, находится один из самых мрачных застенков чилийской диктатуры — концентрационный лагерь Чакабуко. Он окружен минными полями и колючей проволокой, по которой проходит электрический ток. Лагерные бараки, в которых томятся более шести тысяч заключенных — сторонников правительства Народного единства, напоминают застенки гитлеровских лагерей смерти Дахау и Бухенвальд...»

Эта выдержка из листовки, опубликованной в подпольной газете чилийских патриотов «Либерасьон», — еще одно свидетельство злодеяний фашистской хунты, пришедшей к власти в результате военного переворота ровно год назад, 11 сентября 1973 года.

Все прогрессивные силы нашей планеты выступают против зверств, чинимых фашистской хунтой, против готовящейся судебной расправы над Луисом Корваланом и другими прогрессивными деятелями, против массовых убийств и казней.

Известные кинематографисты ГДР Вальтер Хайновский и Герхард Шойман знакомы советским зрителям по документальным телефильмам «Смеющийся человек», «Президент в изгнании», «Пилоты в пижамах» «Час прорицаний». Они также создатели одноименных документальных книг.

Недавно В. Хайновскому и Г. Шойману удалось побывать в Чакабуко. От них, конечно, постарались скрыть подлинную жизнь лагеря, в котором уже умертвили сотни невинных жертв, а еще живым заключенным, несмотря на сорокаградусную жару, дают всего несколько глотков воды в день. Но даже короткие интервью, взятые в присутствии охранников, говорят о беззаконии, творимом в лагере.

Мы публикуем отрывок из новой книги Хайновского и Шоймана «Я был, я есть, я буду», рассказывающий о посещении Чакабуко — лагеря, в котором узники содержатся без обвинения, без суда, без приговора.

Вальтер ХАЙНОВСКИЙ, Герхард ШОЙМАН

ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ ЧАКАБУКО

— Я НЕ УТВЕРЖДАЮ, что мы якобы полностью совладали с марксизмом. Марксизм, он как... как призрак. Его трудно обуздать. Вернее, он не поддается укрощению, — сказал генерал Пиночет перед камерой и микрофоном, сидя в своем рабочем кабинете в Сантьяго.

Наша цель состояла в том, чтобы попасть на север страны, а это было возможно только с разрешения военных властей. Нам запомнилась безотрадная пустыня под палящим солнцем. Мы видели заброшенные селитровые рудники. И вот теперь военная хунта расположила здесь концентрационные лагеря.

Боевая задача нашей камеры и микрофона: разыскать чилийских друзей и товарищей, представить их мировой общественности. И благодаря аудиенции у генерала Пиночета нам это в конечном итоге удалось.

Надо сказать, что в предписании, обращенном к военным комендантам, содержалась фраза: **«Без посещения заключенных»**. Таким образом, было совершенно ясно, что хунта не желает показывать созданные ею концентрационные лагеря. Но мы не теряли надежды и начали путешествие. Разрешение на полет и предписание мы положили в прозрачную папку. Когда комендант провинции Антофагаста генерал Хоакин Лагос со снисходительной заинтересованностью беседовал с нами, на его письменном столе лежала наша папка. Разрешение на полет, выданное высокой инстанцией, произвело на него, судя по всему, столь большое впечатление, что он не обратил внимания на фразу **«Без посещения заключенных»**.

— Господин генерал, мы слышали, что в пустыне, а именно в Чакабуко, находится лагерь заключенных. Почему именно здесь?

— Потому что здесь можно использовать сооружения и поселения, некогда принадлежавшие предприятию по добыче селитры. Уцелевшие там дома и прочие удобства были к нашим услугам.

Удобства?.. Генерал готов пойти навстречу нашему желанию посетить Чакабуко. И в результате гротескная ситуация: мы полетели туда на вертолете генерала.

Далеко внизу — пустыня Атакама, самая безводная в мире. Показываются первые силуэты строений, прижатых к земле. Снижаемся. Камера работает. С небольшой высоты на прямых лагерных улицах можно различить отдельных людей. Встреча будет сложной. Съемка и звукозапись должны производиться с разрешения и в присутствии сопровождающего офицера. Не будет ни одного мгновения без надзора. Но объятия пустыни, из которых вырваться невозможно. Место выбрано со знанием дела!

Генерал: «Заключенные доставляются в лагерь, где они находятся временно — вплоть до начала судебного разбирательства. Есть здесь и другая группа. Это особо опасные заключенные, против которых обвинение не выдвинуто. Они пробудут тут до тех пор, пока наконец не поймут, что шли по неверному пути...»

Шум вертолета затих. Удручающая тишина. Безжизненная пустыня. У лагерных ворот охрана. Один солдат держит ключ. Когда камера надвигается на него, он равнодушно вертит в руках этот кусочек металла.

Ключ и замок? Колючая проволока и вышки? Впрочем, они имеют здесь лишь символическое значение. В пустыне Атакама полуденный зной сменяется ледяными ночами. Тот, кого привозят сюда, попадает в символические лагерные ворота закрылись за нами. Мы — в лагере Чакабуко.

И вот мы видим заключенных.

Приводим несколько взятых нами интервью.

●

— Кто вы?
— Я — Марио Урсуа.
— Откуда вы?
— Из Сантьяго. Я там учился в техническом университете.
— Вы были членом какой-либо партии?
— Нет.
— Почему вы здесь?
— Пока еще не ясно, в чем конкретно меня обвиняют.

●

— Я — Фернандо Фахардо Гонсалас.
— Вы были членом какой-либо партии?
— Сочувствовал социалистической партии.
— С каких пор вы здесь?
— С 8 ноября.
— Вы ожидаете судебного процесса?
— Мы ожидаем, что процесс против нас когда-нибудь начнется, — мы все находимся в заключении без суда и следствия.

●

— Я — Орландо Вальдес Варрьентос.
— Вы состояли в какой-либо партии?
— В МАПУ — союзе рабочих и крестьян.
— С каких пор вы под арестом?
— С 22 сентября.
— Вы ждете суда?
— Я не знаю, в чем меня обвиняют... нам будет решена моя участь.

●

— Я — доктор Даниало Вартолин Подич.
— Вы врач?
— Да.
— Состояли ли вы в какой-либо партии?
— Нет.
— Как вы полагаете, долго вы еще здесь пробудете?
— Не знаю... У нас здесь 30—40 заболеваний в день.
— Тяжелые заболевания?
— В основном нервные и психические расстройства.

Итак, мы узнали, что в лагере имеются заключенные, ожидающие предъявления обвинения и задержанные без обвинения. Чья же участь хуже? Чья лучше? Во внешний мир доходят из Чили сообщения о терроре, приговорах на десять, двадцать, тридцать лет и более. Некоторые узники приговорены пожизненно, другие — посажены в тюрьму на неопределенное время без обвинения, без судебного процесса, без приговора. Это отвечает принципу так называемого «предупредительного заключения» гитлеровских концентрационных лагерей и означает полнейшее бесправие.

Перевела М. ОСИПОВА

— Голод в Чили? Ничего страшного, надо будет лишь потуже затянуть ремень. Из газеты «Дейли уорлд»

Я. БОРОВОЙ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

СМРАДНАЯ СВЕЧА М-РА БИЧЕМА

ВЫ УЖЕ слышали? К нам приезжает Джастин Бичем. Большое событие в нашей культурной жизни! Творчество этого выдающегося английского писателя чрезвычайно высоко ценится по обе стороны Атлантического океана. Эрудит, глубокий знаток истории и географии СССР, он пользуется популярностью и в нашей стране.

Вы, конечно, знаете его биографию? Он родился — восьмым ребенком — в семье кучера дилижанса, совершавшего регулярные рейсы между Лондоном и Ливерпулем. В тот день, когда мальчику исполнилось шесть лет, отец его был убит копытом взбесившейся лошади. Вскоре чума унесла в могилу и его мать. Сердобольный дядя, разбогатевший на работорговле, взял сироту на воспитание.

Жили они в Лондоне — сравнительно небольшом городе, где нет высоких домов и где промышленность развита весьма умеренно: сахароварение, а также кожевенное, свечное и спичечное производство. Есть, правда, заводики по производству экипажей, шляп, зонтиков и перчаток, но все они очень маленькие. Гордость города — пивоваренный завод. Однако все индустриальные товары ввозятся из-за границы.

Улицы Лондона освещаются тусклыми газовыми фонарями. Городской транспорт развит довольно слабо: к услугам лондонцев — 20 тысяч колясочек, 956 карет и 10 933 лошади. Наиболее популярный вид транспорта — конные омнибусы. Цоканье копыт гулко разносится по темным улицам...

Тпрр-р-ру! Остановите лошадей! Они завезли нас слишком далеко. Что все это означает?

А вот что. Английский журналист Джастин Бичем выпустил в издательстве «Паддингтон пресс» свою первую книгу. Она названа просто и кратко: **«Ольга»**. Речь в книге идет об известной советской гимнастке, обладательнице трех золотых олимпийских медалей Ольге Корбут — прославленной уроженке города Гродно.

Казалось бы, книга должна способствовать сближению народов Советского Союза и Великобритании. Так, несомненно, и было бы, если бы она содержала правдивую информацию о нашей стране.

Но Джастин Бичем пошел по иному пути. Он мимоходом сообщил своим читателям, что Белоруссия — «провинция России», и охарактеризовал родной город Ольги следующим образом:

«Население Гродно составляет около 80 тысяч человек. Большинство из них работает на винокуренных и табачных фабриках или занимается традиционными ремеслами — мыловарением и производством свечей».

Эти уникальные данные (как, впрочем, и другие в том же духе) Джастин Бичем почерпнул из давным-давно устаревших английских энциклопедий. А поскольку нас призывают к «обмену идеями», мы решили использовать «идею» хитроумного Бичема и, обратившись с этой целью к «Энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона. Санктъ-Петербургъ, 1896 г.», описали жизнь Лондона — родного города английского журналиста.

...В былые времена Гродно и в самом деле слыл «медвежьим кутом» царской России. Сегодня — это крупный административный, промышленный и культурный центр с населением около 170 тысяч человек. В городе — десятки крупных промышленных предприятий, в том числе химкомбинат, завод карданных валов, прядильно-ниточный комбинат... Продукция гродненских предприятий экспортируется в 50 стран мира.

Многие специалисты различных профилей регулярно выезжают из Гродно за границу для оказания технической помощи развивающимся странам. Так, например, монтажники с химкомбината участвовали в строительстве заводов азотных удобрений в Афганистане и Сирии.

Из многих стран сюда приезжали на стажировку специалисты. Едва ли их привел в Гродно интерес к процессу изготовления свечей, о которых так тепло пишет Джастин Бичем.

Кстати, о свечах. Мы не нашли в городе ни одного человека, который мог бы поделиться с нами воспоминаниями об их производстве. Удивляться, впрочем, не приходится, ведь такой старожил должен был бы уже отпраздновать свое столетие! А вот о жизни в Гродно в минувшие времена нам рассказала Вера Андреевна Рожковская. Уроженка Гродно, она хорошо помнит условия работы на «монополию г-на Шерешевского», бывшего владельца табачной фабрики. Экзотическим названиям папирос — «Роскошь», «Грация», «Аристократические» — ни в коей мере не соответствовали условия труда на этом предприятии. Полное отсутствие техники безопасности, сырость и плохое освещение в цехах, низкая зарплата, произвол мастеров... Несмотря на все это, устроиться на фабрику считалось счастьем.

В местном историческом музее мы увидели портрет молодой Рожковской. Жизнь ее, как и жизнь всех трудящихся Гродненщины, резко изменилась после 1939 года. Вера Андреевна стала инициатором движения стахановцев в Западной Белоруссии, одной из первых получила значок отличника социалистического соревнования. Здесь же экспонируется удостоверение депутата Верховного Совета БССР, датированное далеким 1940 годом и выданное на имя Рожковской. Вся ее жизнь — это новейшая история города, не только история преобразования производства, но и ломки старых отношений между людьми, торжества нового строя.

В наши дни Гродно называют городом студенческой молодежи — здесь три высших учебных заведения.

Мистер Бичем совершенно напрасно проливает крокодиловы слезы над участью местной молодежи, якобы лишенной возможности «самовыражения». Юноши и девушки Гродно не нуждаются в сочувствии мистера Бичема. К их услугам прекрасные библиотеки, переполненные читателями, спортивные залы и секции, драматический театр...

Вопреки утверждениям Бичема, в городе свято хранят культурные традиции прошлого. В этих местах жил и творил гениальный польский поэт Адам Мицкевич, громко звучал голос Эдиты Ожешко. Недалеко от Гродно жил Михаил Огиньский, прославленный автор бессмертных полонезов. Здесь начинали свой творческий путь Максим Танк, Янка Брыль, Пилип Пестрак. Все лучшее, что было создано здесь выдающимися писателями, поэтами, композиторами, окружено почетом и уважением.

Книга Бичема не могла не вызвать чувства негодования у жителей Гродно. Вот что сказала об «откровениях» английского журналиста сама Ольга Корбут:

«Мне было противно читать то, что Бичем написал о моем родном городе. Я здесь родилась, выросла, ходила в школу, посещала кружок гимнастики, а сейчас учусь в институте... Джастин Бичем никогда не был в Гродно и нигде не встречался со мной. Его коллеги — журналисты из многих стран мира — часто приезжают сюда и, как правило, очень доброжелательно отзываются о нашем городе, о людях, которые здесь живут. У меня просто в голове не укладывается, как человек мог написать такую чушь. Я люблю мой родной город — старинный город, который с каждым днем становится все моложе и краше».

P. S. Незадолго до опубликования этой статьи мы позвонили в Лондон, в издательство «Паддингтон пресс». К телефону подошла миссис Маркуэл, редактор издательства. Мы задали вопрос:

— Поскольку мистер Бичем никогда не был в Советском Союзе и никогда не встречался с Ольгой Корбут, мы хотели бы узнать, какими источниками пользовался автор, описывая город.

— Точно не знаю, но полагаю, что мистер Бичем пользовался британскими и советскими справочниками.

— Советскими?!

— Простите, я не в курсе дела. (В голосе появилось некоторое напряжение.) А почему вы спрашиваете?

— Да только потому, что в книге грубо искажен современный облик города и допущены весьма серьезные фактические ошибки.

— Вполне возможно, но, на мой взгляд, это не имеет принципиального значения.

— Мы так не считаем, миссис Маркуэл. Не могли бы мы поговорить непосредственно с автором?

Замешательство. Легкое покашливание.

— Мистер Бичем очень занят, он просил его не беспокоить... И к тому же у него нет домашнего телефона. Думаю, что лучше всего вам будет написать на адрес нашего издательства: м-ру Джастину Бичему, «Паддингтон пресс», 8, Конноут-сквер, Лондон.

Что ж, пошлем ему этот номер газеты...

ГРОДНО—МОСКВА

«Обмен идеями» по рецептам литературного м-ра Бичема в действии: на первом снимке — город, в котором «творит» Джастин (из «современного» путеводителя по Лондону), на втором — Гродно, где живет героиня его «незабываемой» книги (фотография А. Ласмановича).

Феликс СТРУМИААС

КОГДА И ЧЕРТИ БЕЛЕНЬКИЕ

УДИВИТЕЛЬНО схожи между собой всякого рода противники разрядки, неприемлющие перемены к лучшему в международных отношениях. Хотя живут они в разных странах и говорят одни по-английски, другие по-немецки, третьи по-китайски, но язык у них, несомненно, один и тот же — язык «холодной войны», жаргон отравителей международной атмосферы.

В этот крикливый хор включились и литовские буржуазные националисты за рубежом. Они изо всех сил стараются, чтобы их заметили, — будто боятся остаться не у дел. Да так оно и есть. Прошло время, когда в них крайне нуждались. Теперь они мечутся в поисках заработка, возможности напомнить о себе. Обивают пороги радиостанций и редакций. А в свободное время пишут «мемуары».

Вот один из них, некто Бруно Врублявичус, издавший за океаном книгу «Литовцы-легионеры во Вьетнаме».

Вначале он похваляется своей верной службой гитлеровцам: «Пробыв в армии (гитлеровской. — Ф. С.) девять с половиной месяцев, за хорошую службу я получил отпуск. В полной германской военной форме прибыл я с фронта в Вильнюс. Сколько было радости!» Несомненно, этот нацист и до сих пор радуется, вспоминая те привольные для него дни. После войны он попал в пресловутый Иностранный легион, где также «отличился». Наконец, участие в грязной войне против Вьетнама. Вот где он вспомнил блаженные времена третьего рейха! В своих «мемуарах» Врублявичус пишет: «На следующий день мы начали следствие. Но из врагов, этих закоренелых фанатиков-азиатов, на было возможности выжать ни слова. Пробовали мы всяческие средства, в том числе и те, что считаются «негуманными» (иронические навычки самого подонка. — Ф. С.): подвешивали за ноги, пропускали через них электрический ток, поливали водой. Однако, хоть тела у пленных почернели, они не произнесли ни звука... Пришлось, замочив пытки, погнать их на берег реки и там уничтожить».

Таков этот выродок. Удивительно ли, что ныне он поднят на щит литовской реакционной эмиграцией, что его именуют «образцовым борцом за свободу Литвы»? Именно так назвала его газета, издающаяся в Чикаго.

Поучительно сопоставить его с другим «патриотом». Вроде бы разные люди, разные судьбы. Врублявичус был ранее известен разве что в среде таких, как он. Второй же причислял себя к «литовской элите». Но до чего похожи их моральный облик, стремления и цели!

Речь идет о Людасе Довиденасе. В Литве Довиденас в свое время был писателем, получил государственную премию и в знаменательный для нашего народа 1940 год, когда в Литве была восстановлена Советская власть, оказался даже в высшем законодательном органе — Народном сейме.

Но вот в Литву ворвались гитлеровцы. Оккупанты уничтожали культурные ценности, убивали прогрессивных писателей — а Довиденас чувствовал себя вполне уютно. Народы поднимались на борьбу с фашизмом — а Довиденас строчил в гестапо доносы на друзей, поливал в оккупационных газетенках помоями все, что дорого сердцу литовца, клеветал на свою родину и свой народ. Его усердие сверх меры не осталось незамеченным: отдел пропаганды генерал-комиссариата взял его под свое покровительство; писанина Довиденаса вышла отдельной книжкой.

Вместе с отступавшей гитлеровской армией бежал на Запад и Довиденас. В Соединенных Штатах он было решил, что минуло его время, и занялся разведением морских свинок. Ан нет, понадобились и его услуги, нашлось и ему место в крестовом походе реакции против коммунизма. Второе издание его «воспоминаний», «переработанное и дополненное», появилось именно тогда, когда «холодная война» пошла на убыль, когда открылись возможности для разрядки, для конструктивного диалога между странами. Это выступление было задумано как некое предостережение, как сигнал опасности любых переговоров с «советскими коммунистами».

Книжка Довиденаса написана с позиций гестаповского прихвостня. Видно, кому-то такие взгляды пришлись по душе. А то, что заполнено сие сочинение слишком уж грязной клеветой, видимой и невооруженным глазом, что стряпня бывшего писателя вызывает тошноту у всех нормальных людей — не беда. За неимением лучшего и это сойдет, решили издатели. Совсем как в литовской пословице — пес с голодухи и червей сожрет!

Вот только один пример из этого «произведения».

Желая выставить себя «непримиримым борцом против коммунизма», Л. Довиденас рассказывает, как в 1940 году он старался напакостить Советской власти. Жертвами оказались, «прочем, не представители так ненавистной ему власти, а... литовские дети.

Дело о том, что Довиденасу доверили контроль за ликвидированными от буржуазной Литвы домами для сирот. Как пишет он сам, положение там сложилось жуткое: дети, «опекаемые» монахами, были обречены на медленную смерть от голода и невыносимых условий. Л. Довиденас как «ответственный работник» получил об этом официальный доклад специальной комиссии. Комиссия требовала принять срочные меры для спасения ребят.

Что же предпринял «ответственный работник»? Он припрятал, а потом и уничтожил этот документ. С целью, как он утверждает, навредить молодой Советской власти, посеять среди людей недоверие и озлобление. Ценою были жизнь и здоровье литовских детей. Но стоило ли считаться с такой «мелочью», если речь шла о «высших интересах»!

Прошли годы. Может быть, Довиденас ныне раскаялся? Ничуть не бывало! Он гордится своим «вкладом» в гитлеровскую политику истребления народов!

О глубине падения литовских отщепенцев говорит и пример недавно умершего поэта Понаса Айстиса, прежде называвшего себя Коссу-Александравичюсом и Кувса-Александришкисом. В 1936 году он уехал учиться во Францию, потом переселился в США и стал одним из заклятых врагов Советской Литвы, литовского народа. Из поэта-лирика он превратился в примитивного антисоветчика, проповедника насилия.

В одной из своих «эпопей» (так он именовал полные лжи, клеветы и ненависти статьи) Понас Айстис взывает к единомышленникам: в случае новой войны «не следует проявлять никаких угрызений совести. За один зуб выбить все зубы. Кто успеет ударить, с теми уже ничего не поделаешь. Но остающихся нечего жалеть: их надо сразу же приканчивать на месте».

Нужно ли пояснять, у кого автор заимствовал свою терминологию, откуда у него такая биологическая ненависть к своему народу, к Советской Литве?

В этой же компании оказались и другие бывшие столпы буржуазной Литвы.

Посланник в гитлеровской Германии, полковник (а как показывают документы — и агент гестапо) К. Шкирпа «подготовил к изданию» в США (а может, уже издал) книгу, где немалое место занимают рассуждения о... «дружеских чувствах» фашистов к литовцам. Он заявил, что собирается посетить Западную Германию и поискать там старых друзей, с тем чтобы призвать их к борьбе за «освобождение Литвы».

Бред впавших в маразм? Не только. Ведь кому-то понадобилось вытащить их из небытия, фальсифицировать историю, внушить людям искаженную картину жизни литовского народа!

И не случайно реакционная эмиграция не только клевещет на Советский Союз, но и активно нападает на тех деятелей Запада (прежде всего США), которые высказываются за взаимопонимание со странами социалистического содружества. По словам одной выходящей в Канаде католической газеты, эмиграция «не может смириться с некоторыми поворотами в международной политике. Именно здесь источник ее глубокой скорби и разочарования».

В одном реакционном чикагском издании на литовском языке недвусмысленно говорится: «Мы видим наш долг в том, чтобы неустанно предостерегать и повторять: мнимое смягчение напряженности в отношениях с коммунистами никогда не достигнет цели, ибо за него оплачивается очень дорогая цена — врагу оказывают экономическую поддержку и предают принципы свободы».

«Бывшие» из буржуазной Литвы на грани отчаяния. Потому что с каждым днем слабеют надежды реакции на мировую войну. А раз так, уменьшаются и их шансы на то, что их услугами будет еще кто-то пользоваться.

* * *

В заключение, чтобы быть правильно понятым, я должен подчеркнуть одно важное обстоятельство.

Мне приходилось бывать в США и в других западных странах, встречаться там с зарубежными литовцами, представителями разных поколений, различного социального положения, имеющих разные уровни образования. В большинстве своем это честные люди, которые радуются потеплению международного климата и с симпатией и интересом относятся к Советской Литве, к гигантским мирным усилиям Советского Союза. Ни в коем случае нельзя смешивать их с жалкой горсткой злобствующих крикунов, которые были и остаются совершенно чуждыми своему народу.

ВИЛЬНЮС

БОЛГАРИЯ: 30 ЛЕТ СВОБОДЫ

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА» В ПРОШЛОМ НОМЕРЕ ПРЕДСТАВИЛА ТВОРЧЕСТВО БОЛГАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, ПРИБЫВШИХ В НАШУ СТРАНУ НА ДНИ КУЛЬТУРЫ. СЕГОДНЯ МЫ ПРОДОЛЖАЕМ ЗНАКОМИТЬ ЧИТАТЕЛЕЙ С ОСТАЛЬНЫМИ УЧАСТНИКАМИ ДЕЛЕГАЦИИ.

Камен КАЛЧЕВ

В прошлом году выпуском «Избранного» Камена Калчева завершилось издание 15-томной «Библиотеки болгарской литературы», включавшей лучшие произведения болгарской прозы, поэзии, драматургии. Известный прозаик, лауреат Димитровской премии, народный деятель культуры, заместитель председателя СБП, Камен Калчев принимал участие в революционном движении. После 9 сентября 1944 года он активно работал в печати, сейчас является главным редактором журнала «Септември». К. Калчев — автор сборников повестей и рассказов. Его книги «Сын рабочего класса», «Семья ткачей», «Двое в новом города», «Отважный капитан», «Софийские рассказы», «Влюбленные птицы» вышли в переводе на русский язык.

На днях в связи с 30-летием социалистической революции Камен Калчев удостоен звания Героя Социалистического Труда НРБ.

— В прошлом году на моей родине с небывалым подъемом проходили Дни советской культуры. Праздник болгарской культуры с огромным успехом проходит по Стране Советов, — говорит Камен Калчев. — Существенный вклад в наши братские отношения вносят литераторы обеих стран. Связи между писательскими организациями крепнут с каждым годом. В марте этого года в Москве состоялось обсуждение важнейших направлений и наиболее эффективных форм советско-болгарского сотрудничества в области художественной литературы на ближайшие годы. Основная цель наших писательских связей — творческая. Их итогом должны стать новые произведения, посвященные кипучей социалистической действительности. В Москве только что закончил работу пленум Союза советских писателей, посвященный 40-летию со дня Первого съезда. Вспоминаю, как я читал выступление Максима Горького на этом съезде по стенограмме, нелегально полученной в Болгарии. В подвале, тайком, собирались члены литературного кружка имени Христо Смирненского и жадно вчитывались в строки этого документа. На одном из заседаний я сделал доклад о социалистическом реализме. Много лет прошло с той поры. Слова Горького, его книги явились определяющими в моей творческой жизни. Все наши современные писатели учились у советской и русской классической литературы. Произведения А. Фадеева, М. Шолохова, Г. Маркова, А. Суркова, Р. Гамзатова, К. Кулиева и других советских писателей заслужили среди наших читателей большое уважение и любовь. Журнал «Септември» долгие годы связан творческой дружбой с «Новым миром». Многие писатели наших стран знакомы лично. Они часто встречаются, обсуждают свои профессиональные проблемы, новые произведения. У нас одни задачи и одни цели. И это, на мой взгляд, является главным для литератур Болгарии и СССР.

Меня радует интерес советских людей к произведениям болгарских авторов.

Недавно я закончил роман «Огненное лето», посвященный подготовке антифашистского восстания 1923 года. Сейчас работаю над новым романом — «Восстание», в котором на основе документальных материалов расскажу о самом восстании. Отрывки из книги публиковались на страницах газеты «Работническо дело». Надеюсь в будущем году сдать книгу в печать. Затем вновь вернусь к нашей современности, основной теме моего творчества.

Интервью вела
И. ГАВРИЛОВА

Добри ЖОТЕВ

Добри Жотев — автор нескольких поэтических сборников: «Жажда», «Буйный ветер», «Любовь моя», «Крики», «Стихотворения», «Влюбленные солнца», «Лирика». Участник борьбы за свободу, Д. Жотев выпустил сборники рассказов об антифашистской борьбе «И снова манил рассвет», «Пережитые рассказы», за который он удостоен премии Союза болгарских писателей, пьесу «Одевание Венеры» и ряд книг для детей.

Ветер

Вольный ветер
играет
с зелеными прядями нив,
Вольный ветер гудит
над полями,
И листвою лесов
шелестит,
и, собой облака окрылив,
Их несет
над гудящими вслед
проводами.
Окунемся в него!
В вольный ветер
болгарских полей!
Все туда! На просторы
равнин
и на горные кручи!
Я люблю этот ветер!
Всем сердцем,
всей жизнью своей
Отдаюсь его
песне могучей.
В ней хочу я остаться
навеки,
В ней жить, как живет
Все, что жизнью полно
и не ведает смерти.
Горы, реки, сердца
открывает мне
этот полет
Над земной красотой...
Нивы, звезды и ветер!

Вольный перевод
В. СТЕПАНОВА

Ефрем КАРАНФИЛОВ

Лауреат Димитровской премии, профессор Ефрем Каранфилов — главный редактор газеты «Литературен фронт», автор многих книг, в том числе сборников литературно-критических статей: «Поэзия в городе», «Языковой шаблон в литературе», «Тени прошлого», «Современность и мастерство», «Болгарские поэты», «Герои и характеры», «Современность и проза», «Прошлое и современность» и др.

— Что является наиболее характерным для современного состояния болгарской литературы и каковы, на ваш взгляд, тенденции ее дальнейшего развития?

— Лучшие писатели Болгарии стремятся глубоко проникнуть в проблемы нашей современности, уловить ход общественных процессов, главное направление нашего развития в строительстве социалистического общества. В нашей прозе ясно ощущается стремление к раскрытию богатства и многогранности человеческой личности в ее взаимосвязи с обществом.

Внутреннее обогащения современника привело к многообразию классических жанров. Здесь и лирическая, и документальная проза, путевые зарисовки, мемуары, художественная публицистика и др.

Особенно обогатилась по своей проблематике и внутреннему диапазону наша поэзия. В ней появились некоторые «вечные темы», но разработанные в конкретно-историческом свете нашей современности. Постоянно преодолевается условная преграда между так называемой гражданской и интимной лирикой.

Проблема патриотизма в свете современности — а это значит быть связанным с интернационализмом — раскрывается особенно ярко в творчестве многих современных поэтов.

Я не говорю уже о лирическом начале в современной драматургии. Творческая свобода писателей, большая внутренняя динамика в развитии жанров являются выражением внутреннего развития и динамичности нашей социалистической действительности. Тенденции дальнейшего развития нашей литературы идут, по моему мнению, в том же направлении...

— Тема рабочего класса, как известно, — одна из важнейших в творчестве писателей социалистических стран. Как она решается в болгарской литературе?

— Тема рабочего класса и социалистического труда всегда была центральной в литературе истекшего тридцатилетия. Но особое значение приобрела она в настоящее время, когда мы строим развитое социалистическое общество.

Мы видим, насколько сложны вопросы, связанные с темой рабочего класса. Ряд наших прозаиков в своих произведениях пытается раскрыть существенные перемены, которые происходят в душе строителя социалистического общества и определяют облик рабочего класса.

В произведениях некоторых наших талантливых поэтов раскрывается важная проблема взаимоотношения рационального и эмоционального начал в современной жизни.

Эта проблема, по моему мнению, в грядущем будет стоять еще острее, в особенности в отношении сохранения чистоты человеческого восприятия.

— Расскажите, пожалуйста, о состоянии современной болгарской критики. На посту главного редактора газеты «Литературен фронт» вам, видимо, приходится сталкиваться с этим повседневно?

— Вопрос о состоянии нашей современной литературной критики не из легких. У нас велись споры о том, является ли критика наукой или искусством, о ее роли, месте, значении и т. д. На мой взгляд, одна из ее самых трудных задач сегодня — это борьба с «серым потоком».

У нас много разных критиков различной творческой индивидуальности, и они все больше обращают свой взгляд к проблемам современности. Лучшие наши критики сознают свою ответственность за развитие нашей литературы, за формирование духовного облика нашего современника.

Сегодня наша литературная критика — живое творческое дело.

Беседу вел специальный корреспондент «Литературной газеты»
С. ШУРТАКОВ

Ангел ТОДОРОВ

Ангел Тодоров — председатель Союза переводчиков Болгарии, главный редактор журнала «Болгаро-советская дружба», член руководящего Совета СБП. Печататься начал в 20-е годы в коммунистических газетах и журналах. Автор книг «Красное знамя», «Избранные стихи», «Достойная правда», «Среди народа», «Солнце наше, воздух наш», «Пролетарские песни», книги литературоведческих статей и др.

Приходит день раздумий...

День воспоминаний,
день раздумий, день
молодых порывов.
Тишина лесная.
Я брожу, и ветер
надо мной, как тень —
веет, веет, веет,
думу навевая.
— Ветер,— вопрошаю,—
ветер, давний друг,
принеси мне
дальней юности дыханье
с берегов Дуная,
неба полукруг,
и лозы изгибы, шелест,
полыханье.
Как скликали строки
Смирненского в бой!
А с каким задором
Ботева мы пели!
Жизнь моя связалась
с общею судьбой,
общие с народом
виделись мне цели...
— Ветер,— вопрошаю,—
ветер, славный брат,
помоги вернуть мне
молодые годы,
Как тогда любил я! —
жест, улыбка, взгляд
одаряли щедро...
Помнишь эти своды,
этот клуб рабочий! —
был он мне, как дом,
здесь я стал поэтом,
здесь мое начало.
Закалял я песню волей
и трудом,
чтоб она надежно
для людей звучала.
— Ветер,— вопрошаю,—
ветер, спутник мой,
ветер-собеседник
в тишине зеленой,
Как с тобой мне дорог
разговор прямой
о далеком-близком.
Воспаленной зоной
кажется мне память.
На утраченм пыл.
Мысли уплотнились
в четкие кристаллы.
Годы молодые
ты не позабыл
и не побоишься слова —
идеалы.
Эти идеалы я не запродам,
и ценою жизни
сохраню навечно.
Кланяюсь я низко
прожитым годам —
чисто, благодарно,
нежно, человечно.

Перевел Лев ОЗЕРОВ

Драгомир АСЕНОВ

Прозаик, драматург, секретарь Союза болгарских писателей Драгомир Асенов начал печататься с 1945 года. Автор сборников рассказов «Совесть», «Суровое воспитание», повести «Наш взвод», романов «Пути расходятся», «Коричневые горизонты», «Большой каменный дом», «Плод ветров», «Эта кровь не прольется». Роман Д. Асенова «Ошибка стоит жизни» вышел на русском языке. Пьесы Д. Асенова «День рождения», «Розы доктору Шомову», «Экзамены», «Прогулка в субботу вечером», «Профессия» для актеров» хорошо встречены зрителями и критикой. Пьеса «Золотое обеспечение» в этом году на Пятом национальном смотре болгарской драмы и театра была отмечена первой премией. На днях в связи с праздником 30-летия социалистической революции Драгомиру Асенову была присуждена Димитровская премия. Ряд его пьес известен и советскому зрителю. «День рождения», «Розы доктору Шомову», «Экзамены» были поставлены в Советском Союзе...

Высокую оценку пьесе «Золотое обеспечение» дала болгарская критика.

«Трудно поверить, — пишет С. Герова в газете «Литературен фронт», — что Драгомир Асенов пишет для театра всего десять лет. Его пьесы прочно вошли в репертуар болгарского театра, каждая из них находила живой отклик у зрителей. Интерес деятелей театра и публики легко объяснить — он пишет на современные темы и умеет найти те нравственные проблемы, которые занимают современного человека, тревожат его совесть, заставляют оказывать сопротивление потребительским настроениям и бороться за чистоту коммунистической морали. Каждое произведение Д. Асенова является частью этого непрерывного сражения... Последнее его произведение «Золотое обеспечение» являет собой зрелое выражение его поисков. Оно исполнено гражданской обеспокоенности по поводу любого проявления нравственной глухоты и равнодушия к великим требованиям коммунистического идеала».

— Проходящие сейчас в Советском Союзе Дни болгарской культуры, на которые я приехал в составе писательской делегации, — событие очень важное и полезное для художника, — заявил Д. Асенов корреспонденту «ЛГ». — Это часть закономерного процесса сближения наших культур, норме углубляющихся взаимоотношений мастеров искусства и слова Болгарии и СССР. Этот процесс взаимообогащает, помогает творчеству каждого из нас. Я не представляю развития болгарской литературы без книг К. Федина, М. Шолохова, Ч. Айтматова, К. Симонова, В. Быкова, Г. Бакланова и других советских писателей. Большой популярностью, как я смог убедиться, пользуется в вашей стране болгарская художественная литература. За годы Советской власти издано 725 произведений болгарских писателей общим тиражом свыше 32,5 млн. экземпляров. Эти цифры фантастичны! Оправдать доверие читателей — в этом я вижу свой писательский долг.

НЕПРЕРЫВНЫЙ РАСЦВЕТ

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 1-й СТР.

Три десятилетия новой жизни стали эпохой создания социалистической культуры в Болгарии, культуры подлинно народной, озаренной светом коммунистических идеалов. Болгария удивила мир достижениями во всех сферах культурного творчества. Ее прославленные певцы выступают на лучших мировых сценах, широко известны самобытные работы ее художников и архитекторов, ее фильмы получили признание на крупнейших международных кинофестивалях. Обо всем не скажешь в коротком газетном репортаже: у советских людей есть возможность собственными глазами увидеть панораму искусства Болгарии на проходящих в нашей стране Днях болгарской культуры.

Мне же хочется рассказать здесь о чуде из чудес: о поразительной любви болгарского народа к книге и художественному слову. Вот ошеломляющая статистика: за тридцать лет издано 90 тысяч названий книг общим тиражом 820 миллионов экземпляров; в стране существует 11 тысяч библиотек (и это при населении менее 9 миллионов человек!). Маленькую Болгарию можно по праву назвать великой книжной державой. Это чудо сотворил социализм.

Болгария богата историей и вековыми культурными традициями. Везде я наблюдал трепетное уважение к книге, искреннюю любовь к литературе и национальному наследию. В знаменитый Рильский монастырь я попал в воскресенье. На тесном, мощенном булыжником монастырском дворе яблоку было негде упасть из-за наплыва туристов и экскурсантов. И почти каждый из них спешил в музей, где воссоздана келья Паисия Хилендарского, бессмертного создателя «Истории славяноболгарской». Для болгар — это святыня.

Долгие века турецкого рабства родной язык и литература оставались прибежищем самосознания болгарской нации. Могучие демократические традиции отечественной литературы вошли составной частью в юную культуру социализма.

Сейчас в Москве, в просторных залах Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы, открыта замечательная выставка болгарской книги, иллюстрации и плаката. Я видел, с каким энтузиазмом готовились к ней в Софии. Директор выставки, превосходный знаток издательского дела Никола Костадинов с гордостью показывал мне экспонаты своей «сокровищницы»: около 2000 книг! И большая часть их, естественно, посвящена славному юбилею. Я перелистываю талантливо оформленную антологию «Недопетые песни», где собраны стихи болгарских поэтов, павших в борьбе с фашизмом, и вспоминаю стихотворение Николы Вапцарова, в котором поэт обращался к истории:

Но расскажи простою речью
бойцам, идущим нам
на смену,
что мы за счастье человечье
боролись стойко, неизменно!

Развернутой иллюстрацией к этим строчкам служит раздел выставки «Борьба партии и народа против фашизма и капитализма». Здесь множество самых разных изданий: от солидной двухтомной «Истории антифашистской борьбы», исторических и мемуарных работ до романов, биографий, повестей и стихов, которые рассказывают «простой» или поэтической речью о мужественной борьбе болгарского народа, о подвигах коммунистов.

Один из крупнейших магазинов советской книги в Софии носит имя В. И. Ленина. Труды Владимира Ильича Ленина выходили в Болгарии 190 раз, в их тираж превысил 4 миллионов экземпляров. На выставке представлены прекрасно изданные труды классиков марксизма-ленинизма, работы Георгия Димитрова, Тодора Живкова, книги Леонида Ильича Брежнева.

Особенно богат раздел художественной литературы. Здесь замечательные собрания сочинений классиков Ивана Вазова и Христо Ботева, Васила Левского и Георгия Раковского, Гео Милева и Николы Вапцарова и произведения современных мастеров слова. Среди них выделяется интереснейшая серия «Болгарские писатели», прекрасно иллюстрированные поэтические сборники, критические и литературоведческие работы, в том числе монументальная четырехтомная «Панорама болгарской литературы» академика Пантелея Зарева.

«Мужественной, героической и правдивой» назвал Первый секретарь ЦК БКП Тодор Живков современную литературу Болгарии. Это очень точная и емкая характеристика. Болгарские писатели и поэты создали волнующую летопись борьбы народа за свободу и правдиво показали социалистическую новь своей родины, прославив человека-труженика, созидающего коммунистическое будущее.

И как приятна и волнующа была встреча с творцами болгарской литературы, которые пришли на торжественное открытие выставки 4 сентября!

Открывая Декаду болгарской книги и эту удивительную выставку, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Б. И. Стукалин сердечно приветствовал гостей — членов делегации болгарских деятелей искусства и культуры во главе с членом Политбюро ЦК БКП, секретарем ЦК БКП Александром Лиловым, посла НРБ в СССР Димитра Жулева, болгарских товарищей — организаторов выставки. С речами выступили также председатель Комитета по печати при Совете Министров НРБ Крум Василев, секретарь правления СП СССР Н. Т. Федоренко, директор ВГБИЛ Л. А. Гришиани.

Товарищ Крум Василев взволнованно говорил о любви болгарского народа к Советскому Союзу, к нашей литературе и культуре. И здесь снова необходимо привести цифры: за тридцать лет на болгарском языке выпущено 9 тысяч произведений советских авторов тиражом 83 миллиона экземпляров. Сколько кропотливого труда и сердечного тепла вложено в представленные на выставке прекрасно оформленные издания произведений М. Горького, В. Маяковского, Н. Островского, А. Толстого, А. Фадеева, А. Твардовского, М. Шолохова, К. Федина, Л. Леонова, Г. Маркова, Р. Гамзатова, Ч. Айтматова и многих других мастеров литературы Страны Советов! Это зримое свидетельство нерушимой дружбы наших народов и культур.

Выставка болгарской книги, иллюстрации и плаката стала яркой демонстрацией расцвета культуры братской социалистической Болгарии.

Л. ТОКАРЕВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»
СОФИЯ—МОСКВА

Субхас МУКЕРДЖИ:

«ПОЛИТИКА И ПОЭЗИЯ СЛИТЫ ВОЕДИНО»

Год назад в Алма-Ате состоялась Пятая конференция писателей стран Азии и Африки. Она стала новым значительным этапом в развитии движения афро-азиатских писателей.

Недавно в редакции «Литературной газеты» побывал известный индийский писатель Субхас Мукерджи, избранный на алма-атинской конференции заместителем генерального секретаря Ассоциации писателей стран Азии и Африки. Субхас Мукерджи ответил на вопросы корреспондента «ЛГ» А. Николаевской.

— Я РОДИЛСЯ и вырос в маленьком бенгальском городке. Жители моего города любили петь, танцевать, читать стихи. Но настало время, и они взяли в руки оружие, чтобы сражаться за свободу. Политика, поэзия и гражданская совесть для моего народа слиты воедино,— рассказывает Субхас Мукерджи.— Я вырос. Любовь к народу помогла мне писать для него стихи, сражаться за него с оружием в руках. Передо мной никогда не стоял выбор — перо или оружие. Всякий раз время подсказывало мне, где я нужнее всего: за письменным столом или на линии огня.

Время действительно подсказывало Мукерджи, где ему надлежит быть. Когда народ Бангладеш поднялся на борьбу за свою независимость, Мукерджи присоединился к отрядам партизан. ...Бангладеш стала свободной республикой. Казалось бы, писатель может спокойно сказать себе: «Ты исполнил свой долг», и заняться литературой, историей, философией — ведь столько неоконченной работы ждало его!

Но он едет в Северный Вьетнам. Он хочет сам увидеть, понять, а потом рассказать о героической борьбе вьетнамского народа.

Публицистика и поэмы, романы и литературоведческие работы, труды по истории марксистской мысли в Индии, публикации архивов, философские эссе — таков диапазон интересов писателя.

Пост заместителя генерального секретаря Ассоциации писателей стран Азии и Африки почетен и ответствен. Мукерджи должен со своими собратьями по движению способствовать сплочению национальных литератур, укреплению единства афро-азиатских писателей, претворению в жизнь рекомендаций алма-атинской конференции.

— Что объединяет национальные литературы двух континентов, позволяет говорить о их взаимодействии?

— На I конференции в Ташкенте я впервые встретился с моими коллегами, африканскими писателями, творчество которых мне было знакомо, естественно, и раньше. Непосредственное общение с ними убедило меня, что хотя перед нами стоят разные проблемы, цели — общие. Мы должны писать для народа, помогать своими произведениями в его борьбе против империализма, пережитков колониального прошлого, помогать ему найти верный путь в строительстве новой жизни. И, наконец, помогать ему обрести не только национальную и экономическую независимость, но и свое место в интернациональном содружестве народов мира. Именно в этом плане мне представляется жизненно важным взаимовлияние национальных литератур. Наш долг—не ограничиваться обменом исторического опыта или учиться друг у друга мастерству. Гораздо важнее — совместные усилия, направленные на защиту идей гуманизма, ибо только эти идеи — залог подлинного творчества, подлинной культуры.

— В последнее время широко дискутируется вопрос о взаимовлиянии Запада и Востока. Что вы думаете об этом?

— Горький опыт трех столетий колониальной зависимости заставлял народы колоний, в том числе и народы Индии и Пакистана, сконцентрировать все свои усилия на самом главном — борьбе за национальную независимость. Непосредственное общение с ними убедило меня, что хотя перед нами стоят разные проблемы, цели — общие. Мы должны писать для народа, помогать своими произведениями в его борьбе против империализма, пережитков колониального прошлого, помогать ему найти верный путь в строительстве новой жизни. И, наконец, помогать ему обрести не только национальную и экономическую независимость, но и свое место в интернациональном содружестве народов мира. Именно в этом плане мне представляется жизненно важным взаимовлияние национальных литератур. Наш долг—не ограничиваться обменом исторического опыта или учиться друг у друга мастерству. Гораздо важнее — совместные усилия, направленные на защиту идей гуманизма, ибо только эти идеи — залог подлинного творчества, подлинной культуры.

— В последнее время широко дискутируется вопрос о взаимовлиянии Запада и Востока. Что вы думаете об этом?

— Горький опыт трех столетий колониальной зависимости заставлял народы колоний, в том числе и народы Индии и Пакистана, сконцентрировать все свои усилия на самом главном — борьбе за национальную независимость. Политика «разделяй и властвуй» сеяла религиозную, кастовую, национальную вражду. Перед нами была такая дилемма — или мы сохраним свою национальную культуру путем искусственной изоляции, или же мы окажемся жертвой Запада, который заявил о своей «цивилизаторской» миссии.

Индия добилась независимости. Сохранила свою культуру. Теперь речь идет об освоении культурного опыта других народов. И, конечно, богатейшего опыта Запада. Развитие средств массовой информации во многом облегчило эту проблему. В наши дни ни одна литература не может развиваться в изоляции.

Но если отвлечься от отношений между Западом и Востоком, диктуемых политикой колониальных и захватнических войн, то можно проследить корни культурных связей, взаимовлияния и типологические сходства развития структур в литературах Европы и Азии, уходящие еще в средневековье.

По-моему, значительна не столько общность каких-либо структур, сюжетов, мифов, а общность философских, нравственных и эстетических принципов. Поэтому так важно влияние на нашу литературу русских классиков XIX века, произведения которых были для нас школой утверждения демократических идеалов. Мы многим обязаны Тагору, величайшему популяризатору западной литературы в Индии. Его «Письма о России» позволили нам лучше узнать Советский Союз и, что особенно важно для нас, узнать, как развиваются национальные культуры в многонациональной братской семье Страны Советов.

— Вы справедливо отметили успехи средств массовой информации. Но эти средства импортируют в вашу страну и продукцию так называемой «массовой культуры» современного буржуазного мира.

— К сожалению, да. Фильмы, полные насилия и ужасов, которые демонстрируют у нас западные прокатные компании, «покетбукс» и журналы, смакующие преступления и извращения, и прочие поделки «массовой культуры» отравляют сознание нашей молодежи. Империализм не хочет смириться со своим поражением. Теперь он действует более изощренными методами, атакует психику людей, стремится посеять в них отчаяние, иррационализм, духовную апатию, отвлечь от общественной деятельности. На прилавки наших магазинов попадает литература, проповедующая подобные взгляды. Нам трудно. Но мы боремся за каждого читателя. И в этом великую поддержку нам оказывают страны социалистического содружества.

— На алма-атинской конференции много говорилось о задачах формирования национального читателя в странах Азии и Африки. Как это решается в Индии?

— Проблема номер один: ликвидация неграмотности. У нас еще очень много неграмотных, особенно среди женщин. Ширится сеть общеобразовательных школ.

Проблема номер два: частный сектор в издательском деле пока что доминирует над государственным. А следовательно, издателя меньше всего интересует читатель. Главное для него — прибыль.

— Его также не интересует и писатель.

— Естественно. Писатель находится под прямым или косвенным давлением издателя. К сожалению, писателю приходится думать о хлебе насущном, то есть писать, чтобы прожить, а не жить, чтобы писать. И потому издатели диктуют как читателю, так и писателю свои вкусы и свои правила.

Но, безусловно, сейчас наблюдаются кардинальные перемены. Организуются творческие союзы писателей, художников, деятелей кино и телевидения, которые совместными усилиями преодолевают недостатки.

Увеличивается число переводной литературы советских писателей, прогрессивных писателей Запада. Большую роль в популяризации такого рода произведений играет журнал «Лотос», орган Ассоциации писателей стран Азии и Африки...

Около трех часов длилась наша беседа — Субхас Мукерджи говорил о подготовке к предстоящей конференции в Найроби, о своей последней статье, в которой он размышляет о судьбе писателя в современном мире, о дружбе с Тагором.

— Я родился и вырос в маленьком городе. Но всегда стремился жить чаяниями и заботами моего родного бенгальского народа. Вот уже шестнадцать лет, как я принимаю активное участие в движении писателей стран Азии и Африки. И теперь мне кажется, что мой дом — не только маленький городок моего детства, родная Бенгалия... Мой дом — вся планета.

ШАХ И МАТ «КЛУБА ДС»

Через четыре дня на пятый начнется финальный матч претендентов на сражение с Фишером в целях получения звания чемпиона мира. Взоры любителей шахмат — от простого гроссмейстера до маститого обладателя пятой категории об-

ращены к Колонному залу Дома союзов, где в 1948 году великий Ботвинник первым из наших шахматистов надел лавровый венок чемпиона мира. Администрация «Клуба ДС» давно присматривается к шахматам, что-то в них все же есть... Мы даже подумываем: не устроить ли в Центральном Доме литераторов шахматный турнир сатириков на приз имени Евг. Сазонова! Вот только жалко, что в ЦДЛ нет шахмат. Правда, одна партия там все же была, когда игрался матч Карпов — Полугаевский, но после матча они ее унесли с собой, но это так, к слову.

Сегодня администрация «Клуба ДС» решила в порядке эксперимента отвести подавляющую часть своей страницы под шахматы. Мы не можем стоять в стороне, когда весь мир засуетился в шахматной горячке. Тем более, что с футболом уже все ясно.

РАССКАЗЫВАЮТ, ЧТО...

В долгом споре о том, что такое шахматы — спорт или искусство, начинает наконец понемногу рождаться истина. Для спортсмена шахматы — искусство, для художника — спорт. Или наоборот. Новую версию в этом споре выдвигает писатель Арк. Арканов. Шахматы он понимает хорошо. Когда бы ты с ним ни сел играть — фигуры в начальной позиции всегда расставлены правильно. Кроме того, он всем говорит, что раньше у него был первый разряд. Как бы то ни было, нижеследующий рассказ говорит о том, что для Арканова шахматы — это иногда сложный мир ассоциаций и реминисценций. В основу произведения положена одиннадцатая партия недавнего матча Карпов — Спасский. Игра двух больших шахматных мастеров вдохновила мастера от сатиры и юмора на создание очередного художественного произведения. Вот ведь как еще бывает!.. Так что же такое эти самые шахматы?

Мой знакомый В. Л. в такой ситуации плюнул бы на все и уехал куда-нибудь на 14 .. g5. А через годик и на Cg7. А там глядишь, и... f5 с преимальными. Я так не могу. И потом, честно говоря, привык к комфорту, к щам с черносливом, к чистым рубашкам... Ну, прости меня! Ну, погорячился! Не хотел я b5. Само выскочило... 15. Ke1

Началось. Кто-то позвонил и мужским грубым голосом попросил: «Ксюшу можно к телефону?». «Кто спрашивает?» — спрашиваю. «Товарищ». — отвечает и ржет... Хотел я ему сказать пару слов, а вместо этого пропищал: «15... c6! Ее нет дома, позвоните позже». 16. Kd3 Kb6 17. a4

Конечно, не очень хорошо с ее стороны давить на мои слабости по линии a6. Она ведь знает, что я не люблю, когда мне напоминают про мое a6. Я же в, этом не виноват. Да. У меня a6. У кого-то — e5. У С. О. такое g2, что вообще можно свихнуться. И ничего. Никто его за это не осуждает. В конце концов a6 не позор, а несчастье!.. Минутку! А если, невзирая ни на что, купить ей букет цветов, как когда-то? Пожалуй, это идея... Вот тебе, милая 17. ...Cd8 — гвоздики и хризантемы... Может быть, они дадут мне какие-то шансы? 18. Kc5!

А этот гнус откуда еще появился? Ах, друг дома!.. Знаем мы этих друзей дома в два часа ночи да еще на c5!.. Не нужна ты ему! Как ты не понимаешь, дурочка? Просто он пользуется случаем и хочет взять то, что плохо лежит на b7. «Здрассте!» — говорит он мне (!).

Отвернусь на c8, и все. 18. ... Cc8 19. a5. Расселся и не уходит. Еще и ноги выставил... Так вот, знайте, друг дома, что я еще тоже мужчина! 19. ...Cc7. Съели?! Ну почему она на меня не смотрит, как раньше? Ведь мы любили друг друга! Я схожу с ума от ее потрясающего h2... 20. g3. Она холодно закрывается руками. Она не хочет, чтоб я к ней прикасался... Хорошо! Сейчас залезу на c4 и до утра не выйду... 20. ...Kc4 21. e4. Ну почему она не реагирует? Почему она делает вид, что ей все до лампочки? Почему в присутствии этого щеголя, который развалился на моем собственном c5, она подрывает мой авторитет? Ты слышишь? Я тебя спрашиваю! Что вы задумали, черт возьми?! Мне плевать на его прогнать! Нечем! Я не могу выставить его за дверь. Я не так воспитан. Пусть он сам уйдет и больше никогда не приходит! Я обещаю, что все изменится. Мы заживем, как раньше! Я извинюсь перед твоей матерью. Только пусть он уйдет!.. Но я слышу за стеной его нахальное ржание. Он смеется надо мной. Они оба смеются. Ну, хорошо! Тогда вы у меня попляшете!.. И я выскакиваю из своей комнаты в самый неподходящий момент... 21. ... Ch3. Я понимаю, что это некорректно, грубо, оскорбительно... Но, Ксюшечка, я сделал это в отчаянии. Клянусь! О, какую непростительную ошибку я совершил! Но это не со зла. Да какая, в общем-то, теперь разница?.. 22. Le1. Я знаю, что ты не любишь меня, но мне трудно в это поверить, и я нервно съедаю сушеную сливу... 22. ...de 23. K3 : e4. Э! Да они здесь с братом! Ловко же меня обштопали... Вы что же, заранее договорились, да?.. Совершенно некстати приехала моя мама и прямо с поезда, с чемоданом плюхнулась ферзем на g6. 23. ... Qg6.

— Успокойся! — говорит она мне. — Может быть, все не так страшно. Она женщина. Положи ей незначай сто рублей на c4. Она наверняка возьмет их 24. C : c4, и ты сделаешь легкое bc, а когда она купит себе 25. Л : C4. ты переедешь на 25. ... Лfc8. Ты почувствуешь, как ты оживешь! 24. Ch5!

— Замолчи, мама! Зачем им мои сто рублей? Ты что, не видишь, что у них любовь! Уйди на h7 и больше никогда ничего не советуй!.. 24. ... Fh7. Вот так. И тебе будет спокойнее.

25. Ff3! Лучше поучись у ее матери. Сидит тихо, смирно, а в самый нужный момент — бац! Здрассте, я ваша теща! Да, Вера Николаевна, вы вправе делать все, что захотите. Формально. Вы можете оттяпать у меня жилплощадь путем g4, можете сообщить на работу, сделав соответствующий звонок по Kc3. Вы все можете, потому что я сам виноват. 25. ... f5 26. Kc3 g6 27. Ф : c6! Я все наконец понял. Они сплавляют мне тещину комнатку в вонючем тупике на h5, а сами забирают все: квартиру, машину, дачу, две пешки... Я медленно начинаю одеваться. 27. ... gh 28. Kd5 f4 29. Le7. Прошу вас, не говорите больше ничего. Не оскорбляйте хотя бы вслед... И вдруг во мне просыпается Хозе!.. А что, если взять 29. ... fg, вынудить ее на 30. Л : h7 и всадить ей нож 30. ... gf+, ожидая, как после агонии 31. Kph4 f1Ф+, она навсегда останется моею... Но в ту же секунду я понимаю, что никакой я не Хозе, а просто-напросто рефлексирующий идиот. Ведь на мое взятие 29. ... fg они просто расхохочутся мне в лицо: 30. Kf6+!! Ха-ха-ха!! Дальнейшее, увы, от меня не зависит, и после 30. ... Л : f6 31. Ф : a8+ Лf8 32. Ф : f8+ Кр : f8 33. Л : h7 я просто остаюсь без штанов...

...Я бегу по улице 29. ... Ф15. Дождь хлещет меня по яйцу, а они преследуют меня, улюлюкают, свистят... 30. Л : c7 Лae8 31. Ф : h8 Л17. Оставьте меня в покое! 32. Л : f7 Кр : f7 Прекратите! 33. Ф : f4 Le2 34. Фc7+ Крf8 Пустите меня! Уберите руки! Я сойду с ума!.. 35. Kf4. Да сдаюсь я! Сдаюсь!.. Делайте со мной, что хотите!.. И я смотрю на себя посторонними глазами. Боже! В тридцать пять лет остаться без всего, в таком дурацком положении!.. Да... Вьюсь, что не скоро моя следующая свадьба.

ХОТЯ ПИСЬМО И НЕ НАПИСАНО

КОМУ НУЖНЫ ЭТИ ШАХМАТЫ?..

Просим оградить покой нашего коллектива жильцов. У нас во дворе под деревом клен сколочен стол деревянный. Тут мы культурно проводим свой досуг. По вечерам, после напряженного трудового дня, организуем за данным столом товарищеские матчи по игре «козел».

Но недавно наш покой был нарушен. За столом пристроились двое и стали зачинаться игрой «шахматы». Мы это дело единодушно стерпели. После чего наш покой был нарушен повторно. Эти двое вдруг высказали замечание, чтоб мы не использовали в своей игре нехороших выражений. Мы опять же постарались не обращать внимания. А имелся хороший ответ в смысле: никто вас не звал, могли бы и дома играть, не мешать нашим состязаниям.

После чего наш покой был заново нарушен. Эти двое пытались дать указание, чтоб мы не стучали по столу своими игральными костями. У них, мол, фигуры на доске падают и голова болит. Мы почти все сдержались и не дали отпор такому хулиганству. Только игрок Овечкин немного не сдержался и произнес несколько слов. После чего эти двое высказались по вопросу, что в нетрезвом виде здесь не место. После чего мы единодушно решили положить конец и восстановить порядок в нашем родном дворе. После чего нас вызывают к следователю Железнову А. В.

И вот спрашивается: где же справедливость? Двадцать лет, даже побольше, мы регулярно проводили свой досуг, и ничего. Никто нас не травил, в грязь не затаптывал и не плевал в душу. Но тут такое дело.

Кто ж виноват, что так вышло? Виноваты, мы считаем, шахматы. Взять нашу любимую игру «козел». Она в людях возбуждает коллективизм, смекалку, искренность, задор и все остальное. А взять шахматы? Они воспитывают эгоизм, хитрость, вредность и презрение ко всем окружающим.

Наш коллектив жильцов единодушно просит наказать виновных в том, что нарушен покой и вообще право на отдых.

ЖИЛЬЦЫ
(всего 4 подписи)

РАССКАЗ

Арк. АРКАНОВ

ПОРАЖЕНИЕ

1. d4 Kf6 2. c4 e6 3. Kf3 d5 4. Kc3 Ce7 5. Cg5 h6 6. Ch4 0—0 7. e3 b6 Да... Ничего нового она мне не сказала. И я уже не в том возрасте, чтобы предложить нечто экстравагантное. Это с виду я выгляжу приличнo, а вообще-то... Другие на ее месте сказали бы то же самое. Может быть, иными словами. Конечно, она моложе меня. Это правда. Но требовать от меня каких-то поступков? Каких? Я нормальный человек. Как все. Ей казалось... Мало ли что ей казалось... Делаю все, что могу: не бедствуем, машина есть, отношусь к ней хорошо... Ну, имею недостатки, а у кого их нет? В конце концов принимай таким, какой есть, или не принимай вовсе... Впрочем, и в моей позиции нет ничего нового. Как говорится, обычный вариант. Не хуже и не лучше других. 8. Ce2 Cb7 9. C : h6 C : h6 10. cd ed 11. 0—0.

Вот так посмотришь на нее — вроде бы совершенно безобидное существо. Мягкое, тихое, ласковое. А за каждым словом, за каждым жестом скрывается одно желание: подчинить, сковать мои движения, приручить, а уж потом заставить делать то, что для нее будет необходимым, а для меня — обязательным... И приятельницы у нее все такие. Взять хотя бы В. К. Во что она превратила Т. П.? В половую тряпку! В станок для печатания денег!.. 11... Fd6.

Конечно, она мечтала, чтобы вместо интеллигентного 11...Fd6, я вспылил 11...c5. Как бы не так! Чтобы она после этого хлопнула дверью 12.dc, и мне ничего не оставалось, как крикнуть ей вдогонку: «12...bc!» Чтобы наутро в дверях возникла фигура ее мамаши 13. Fb3, будь она неладна! Мол, как же так! Мол, вы не имеете права! И с другими ее пошлыми угрозами... Нет уж. Не на того нарвались!.. 12. Lc1 a6 13. a3.

Ох, как я устал от ее намеков на b2—b4. Хватит в конце концов! Да пусть она идет с b2 на b4 сторона. Главное, не терять достоинства и выполнять свои функции... 13. ... Kd7. Извините, конечно, но это все, что я могу предложить. Мне не двадцать лет, между прочим.. 14. b4 b5?

А нервы уже не те... Зачем я брякнул «b5»? Проще было промолчать или сделать вид, что не заметил, и в ответ на 14. b4 отшутиться как-нибудь, вроде: «14 ... Ce7, моя милая!» Потом, может быть, и 15... Fe6 ей бы понравилось... Так нет! Она мне: «b4!» А я ей: «сама b5!»... Но, с другой стороны, просто нет сил.

Жуткая позиция! Любой ход белых или черных — мат в один ход. Надо же...

Е. ЗАНИС

Л. ГУЛЬКИН

В. ДУБОВ

Евг. САЗОНОВ

КТО КОГО ПОБЕДИТ...

После Рейкьявика чемпион мира Фишер сразу ушел в подполье. Вот почему предстоящий матч Карпов—Корчной мне представляется как матч на звание чемпиона мира. Если даже Фишер и выйдет вдруг из подполья — все равно его дела плохи. Богиня шахмат Каисса, хотя ее на самом деле и нету, вряд ли станет на сторону Фишера, потому что он ей стал изменять с другим богом, которого, кстати, тоже нету, позволив охмурить себя религиозным сектантам.

Теперь я объясню, почему победит Корчной. Во-первых, он старше своего друга-соперника по фамилии Карпов. Во-вторых, его предыдущий матч с Петросяном показал, что Корчной находится в хорошей физической форме, а Карпов как раз худенький. И потом, Корчной давно уже хочет стать чемпионом мира, а Карпов стал хотеть этого совсем недавно. Кроме того, Корчной уже снимался в художественном фильме в роли тренера. Вот почему победа Корчного не вызывает у меня сомнений.

Не вызывает у меня сомнений и победа Карпова. Он эмоционально моложе своего друга-соперника по фамилии Корчной. Его предыдущие матчи с Полугаевским и Спасским показали, что с Карповым лучше не связываться. По крайней мере — в этом году. Толик любит профессиональный футбол и вообще все профессиональное, на художественную самодеятельность он почти не ходит. Ему нравится разумное, доброе и особенно вечное. С Фишером за шахматной доской он ни разу не встречался. И вообще он его видел только на фотографии в белых теннисных тапочках. Так что все говорит за то, что Карпов победит.

Что касается лично меня, то с удовольствием буду ходить на матч в Колонный зал Дома союзов, тем более что там хороший буфет и продают в розлив «Советское шампанское». И, разумеется, резервирую за собой право как следует высказаться после матча Карпов—Корчной. А Фишеру я бы посоветовал не валять Ваньку, бросить секту и поступить в школу рабочей молодежи. Без образования сейчас нельзя. Если нет образования, то нужен хотя бы диплом. У нас даже некоторые футболисты уже с дипломами.

Заранее поздравляю будущего победителя, и пусть неудачник не плачет.

ПРИЗ «КЛУБА ДС»

Значит, такое дело... Администрация «Клуба ДС», которой твердо обещана аккредитация при пресс-центре начинающегося в Колонном зале Дома союзов матча Карпов—Корчной, решила учредить приз «За оригинальную новинку в эндшпиле». Этот приз может быть вручен любому участнику матча, который первым применит неизвестную доселе новую идею в эндшпиле. В состав жюри по присуждению этого приза входит только сама администрация, остальные гроссмейстеры могут давать лишь полезные советы. Мастеров с плохим Эло просьба не беспокоиться.

Рога и копыта

● **НЕ ВСЕ КОТУ МАСЛЕНИЦА**

Трехкратные чемпионы мира футболисты Бразилии заняли в этот раз четвертое место.

● **ЭТОТ СПОРТИВНЫЙ МИР**

Приключенческую повесть «Как я угадал 3 (три) номера в «Спортлото» готовит к печати известный мастер занимательного сюжета Вроцлав Коленкин. Интересно, что в основу книги положен действительный случай, на которые щедр этот волнующий спортивный мир.

ПАНЕГИРИКИ «КЛУБА ДС»

Э. ГАЙ и Б. ГАНИН

Карпову

Он растет, мудреет час
от часу,
Знать, ему известность
не в обузу.
Догоняет Фишера
по классу.
Обогнав его по школе
и по вузу.

Корчному

Дивятся шахматные массы:
На этот раз
с победной трассы
Сошли расчетливые асы.
Зато в финал пробиться
смог
Романтик с головы до ног.

Владимир ЛИФШИЦ

Шахматные часы

Я живу по шахматным
часам:
Я их останавливаю сам,
Если надо, сам пускаю
в ход,—
Время то стоит, в то идет.
Потому-то времени запас
У меня побольше,
чем у вас!

МЫСЛИ

● *Шахматы неисчерпаемы, как бильярд.*

● *Подвиг — e2—e4. Все остальное необходимость.*

А. ПЕТРИЛИН

ФРАЗЫ

● *Великими не рождаются! Великими умирают.*

● *Солнце светит всем, а загорают лишь счастливцы.*

● *«От великого до смешного — один шаг». А ты попробуй его сделать!*

● *Если крик в споре — аргумент, то кулак — это уже доказательство.*

А. АНАТОЛЬЕВ
КЕМЬ

Генрик РЯБКИН

КАК ДЕЛА, БИМ?

(Интермедия для двух клоунов)

ПЕРВЫЙ. Здравствуй, Бим!

ВТОРОЙ. Здравствуй, Бом!

ПЕРВЫЙ. Как дела, Бим!

ВТОРОЙ. Не говори, Бом... Дочь выходит замуж — придется разменивать квартиру.

ПЕРВЫЙ. Ха-ха-ха!

ВТОРОЙ. Что ты смеешься, Бом?

ПЕРВЫЙ. Кое-что вспомнил, Бим. У меня все это уже было. Хе-хе-хе! (Смеется еще веселее.)

ВТОРОЙ. Не понимаю, что тут смешного?

ПЕРВЫЙ. Не понимаешь? Начнешь меняться — поймешь. Хе-хе-хе! (Валяется от смеха.) И за кого она выходит, Бим?

ВТОРОЙ. Не говори, Бом... Какой-то длинноволосый — ни специальности, ни образования.

ПЕРВЫЙ. Ха-ха-ха!

ВТОРОЙ. Опять смеешься, Бом?

ПЕРВЫЙ. Кое-что вспомнил, Бим. У моей дочери был точно такой же. Ха-ха-ха! (Смеется еще веселее.)

ВТОРОЙ. Не понимаю, чего ты веселишься?

ПЕРВЫЙ. Не понимаешь? Подержишь эту парочку на своей шее — поймешь. Хе-хе-хе! (Сгибается от смеха.) Есть еще новости, Бим?

ВТОРОЙ. Не говори, Бом... Ничего не знают, не умеют, а вот-вот уже будет ребенок.

ПЕРВЫЙ. Хе-хе-хе!

ВТОРОЙ. А сейчас ты над чем, Бом?

ПЕРВЫЙ. Кое-что вспомнил, Бим. Мои тоже ничего не умели, а умудрились сразу двоих! Ха-ха-ха! (Смеется еще веселее. Не может остановиться.)

ВТОРОЙ. Перестань, Бом! (Дает стакан воды.)

ПЕРВЫЙ. Не могу! Ха-ха-ха! У них скоро еще один будет. И опять все не нас, стариков... (Пьет воду.) Ха-ха-ха! (Плачет от смеха.) Кстати, теперь и тебя будут звать «дедушка Бим».

ВТОРОЙ. Не говори, Бом... Именно дедушка... Старею, сил все меньше... Уже трудно работать.

ПЕРВЫЙ. Ха-хе-хе!

ВТОРОЙ. Что с тобой, Бом!

ПЕРВЫЙ. Кое-что вспомнил, Бим. Мне давно уже трудно. Я старше тебя на пять лет. Ха-ха-ха! (Смеется еще веселее.)

ВТОРОЙ. И это повод для смеха?

ПЕРВЫЙ. Я просто подумал: что ты скажешь через пять лет! Ха-ха-ха! (Умирает от смеха.) Ну, что еще веселенького, Бим?

ВТОРОЙ. Хватит веселиться, Бом. Наш выход.

ПЕРВЫЙ. Здравствуй, Бим!

ВТОРОЙ. Здравствуй, Бом! (Шутят.)

Уважаемые товарищи!
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на газеты и журналы издательства «Литературной газеты» на 1975 год:
«ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ»,
еженедельник «ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ»,
ежемесячный журнал «НАШ СОВРЕМЕННИК»
Подписку можно оформить БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЯ в пунктах подписки «Союзпечати», у общественных распространителей на предприятиях, в колхозах, совхозах, в учреждениях, учебных заведениях, а также в отделениях связи и на почтамтах.

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП, Москва Ц, Цветной бульвар 30. Телефон для справок: 295 00 00 доб. 63

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, В. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.

А—01065 Типография «Литературной газеты», Москва К-6Г, Цветной бульвар, 30. Зак. 658 ИНДЕКС 50067